

Николай Климонтович

ПЕРВЫЕ ПОЛДЮЖИНЫ КОМЕДИЙ

Москва
Издательство «БПП»
2010

Тексты представлены в авторской редакции

ПРОЩАНИЕ С ГЕРОЕМ,

или

МАМА, ЭТО НЕ ТЫ ПОДОЖГЛА ЛЕС?

комедия в 2-х действиях

ЛИЦА

НОРА, героиня своей квартиры

МАША, дочь Норы

ВАНЮК, сосед Норы

АСЕНЬКА, дочь Ванюка, подруга Маши

ПОДОЛЬСКИЙ, граф, муж Аsenьки

ВОЛОДЯ, иногородний студент выпускного курса, приятель Подольского, знакомый, жених, муж Маши

ФРОСЯ, актриса академического театра

ВЕНЕРА, кукловод, подруга Норы (старшая), терпеть не может Фросю и всех остальных

ФИМА, юноша средних лет, друг Фроси, слабость Венеры, Норе приходится невесть кем

БЕЛОВ, скульптор, приятель одного из мужей Норы, бывший ее друг, приходит с шампанским

КРАСНОВ, график, приятель того же мужа, бывший друг Норы, приходит с шампанским

МИШЕНЬКА, артист гитары

ГРИШЕНЬКА, его приятель, поэт

ПЛОШКИНА, ведущая микрофона, голубого экрана, колонного зала, подруга норы (младшая), Белова и Краснова, вслед за Норой, приходит хорошо одетой

ЦЫГАН, цыган, мастер гитары и пляса, друг Норы время от времени

АВТОР, Н. Климонтович

ГРАЖДАНИН

МНОГИЕ ДРУГИЕ, уже уехали.

Дело происходит осенью в воскресенье на московской кухне в кооперативе недалеко от метро

I.

АВТОР (сидя на возвышении). Вы представляете себе московскую кухню девяти с половиной метров квадратных, восьми и двух десятых, десяти и шести, одиннадцати. Большую светлую кооперативную кухню в хорошей трехкомнатной квартире, трехкомнатную не коммунальную светлую кухню... (Запутывается, лезет в рукопись). Здесь все и происходит. Вот плита четырех конфорок, там раковина, тахта непременно, как в Малом театре, сбоку, на стене, скажем, топор, палаш, лубок, икона, портрет хозяйки руки художника Зверева, шкура, вот телевизор, вот мраморный круглый стол, подобранный на помойке лет двадцать назад, верхняя часть ветхого буфета, приколоченная невысоко, абажур, конечно. Из кухни — выход в лоджию, к рампе, вход — из коридорчика, за которым можно нарисовать спальню героини: кровать пошире под синим покрывалом, темную картину на стене, светлую гравюру, зеркала, бронзу на длинной ноге, драпировку, обстановку. Две другие комнаты лишь прослушиваются. Санузел живет своей жизнью, первый час, воскресенье...

Первый час. На возвышении сидит А в т о р. На тахте сложено постельное белье. Фрося только что встала, на ней халат, который ей длинен. Пьет морковный сок. Входит Ванюк.

ФРОСЯ (не оборачиваясь). Нет ее, ушла по магазинам. Собирает мужа в арабскую страну.

ВАНЮК. Наконец направили (подвигает белье, садится на тахту). Уже осень (пауза). А что там растет, как ты думаешь? Пальмы?

Фрося пожимает плечами.

ФРОСЯ (с вызовом). Витамин А.

ВАНЮК (извлекая рукопись). У тебя диета по кому?

ФРОСЯ (с вызовом). По кому бывает панихида.

Диета Блюменталю.

ВАНЮК (листая). Панихида по Блюменталю, витамин А.

ФРОСЯ (пьет морковный сок). Новая инсценировка?

ВАНЮК Оригинальная радиопьеса. Героиня появляется только во втором акте.

ФРОСЯ. А что ее задержало?

ВАНЮК. Незримо она присутствует с первой фразы. Дело идет о разделе квартиры.

ФРОСЯ (в зал). Все претендуют на отдельную жилплощадь.

ВАНЮК (в зал). У них мальчик и пожилая мама.

ФРОСЯ. Раздел нереален.

ВАНЮК. Но возможна доплата, тройной обмен, мама согласна на жээска.

ФРОСЯ. Пай остается детям.

ВАНЮК. Все остается людям. (Двигает Фросе второй стакан).

ФРОСЯ (наливая и ему). Остроконфликтно.

ВАНЮК (пьет морковный сок). В третьем акте они встречаются на Банном.

ФРОСЯ (в зал). И понимают, что любят друг друга.

ВАНЮК (в зал). Мама умирает, у них остается больше семи метров на человека.

ФРОСЯ (в зал). Мальчик поступает в профессионально-техническое училище.

ВАНЮК (в зал). Часа еще нет?

АВТОР. Еще нет.

ВАНЮК (захлопывает рукопись, Фросе). Включу телевизор. Если это не помешает, конечно, твоей диете. (Включает телевизор). Будет постановка Дунина. Он сейчас на Пицунде. (Пьет сок).

ФРОСЯ. С женой?

ВАНЮК. С первой и с третьей. Взял полулюкс.

ФРОСЯ. А Где вторая?

ВАНЮК. Вышла замуж за шведа и уехала в Копенгаген.

ФРОСЯ (с вызовом). Столица Швеции — Хельсинки.

ВАНЮК (глядя в телевизор). Они решили проехать через Норвегию.

По телевизору показывают концерт из колонного зала, посвященный этому дню.

А вот и Плошкина. Роскошно выглядит.

ПЛОШКИНА (роскошно выглядит на телеэкране). Выступает заслуженный азербайджанский артист.

ВАНЮК. Когда мы учились на высших курсах, Дунин был приличным парнем. А теперь едва здороваётся со старыми друзьями. Мы с ним будем писать сценарий.

ФРОСЯ. Она сутулится. (Глядит в телевизор).

Звонит телефон. Фрося берет трубку. В квартире несколько аппаратов, трубку берут и в соседней комнате

ГОЛОС МАШИ. Мама!

ФРОСЯ. Нора?

ГОЛОС МАШИ (разочарованно). Фима.

ФРОСЯ. Слушай, Нора просила сухой колбасы четыре килограмма, водки лимонной с винтом пять бутылок, селедки тихоокеанской жирной и чего-то еще, о чем сам знаешь. Муж уезжает. В арабскую страну. Наконец-то направили. (Кладет трубку). Все достает.

ВАНЮК. Подонистый мальчишка.

ФРОСЯ. Давай чокнемся. (Чокается с Ванюком.)

ВАНЮК (чокается с Фросей). Моя первая пьеса...

Звонит телефон

ГОЛОС МАШИ. Мама!

ФРОСЯ (берет трубку, в сторону). Венера... Уезжает в Сочи... Зайдет попрощаться... Спрашивает о тебе... (Кладет трубку).

ВАНЮК. Моя первая пьеса обошла все кукольные театры страны, а теперь только Венера заказывает мне монологи. (Хлопает по рукописи). У меня серьезная работа, а приходится распыляться.

АВТОР (громко). Входит Маша!

Входит Маша.

(Читает). Ей около двадцати лет, очень человеческой выражение лица. Говорит с придыханием, неестественно вежлива; носит бант в волосах, изредка делает книксен.

МАША (делая книксен). Доброе утро, Фросенька, здравствуйте, дядя Ванюк. А дома ли Асенька и граф?

ВАНЮК (мрачно). Уехали к снохе, то есть к теще, то есть к свекрови. Впутаетесь в родство, потом не разберетесь... А мы учили ее музыке.

ФРОСЯ. Ты был рад, что она выходит за графа.

ВАНЮК (мрачно, мудро). Графы разные бывают. Эти шваль, а не дворяне. Не желают платить сыну за кооператив.

МАША. Я сейчас рисовала, у меня получилось странно. Я рисовала деревья, но вдруг вот здесь, в углу, появился Лик. (Показывает рисунок.) Он выглянул из ветвей, хотя я не рисовала ничего, кроме листьев.

ВАНЮК. Не вижу. Но деревья похожи. Дубы?

МАША. Это деревья без породы, просто деревья. Хочу показать их Асеньке.

ФРОСЯ (глядя в телевизор). Ей сейчас не до ботаники.

ВАНЮК. Моя дочь влюблена.

МАША (пугливо). В кого?

ВАНЮК (патетически). Моя дочь влюблена в собственного супруга.

МАША. Я замечала, она стала рассеянной.

ФРОСЯ (глядя в телевизор). Совсем не держит спину. Как Нора может с ней дружить.

АВТОР. Звонит телефон.

Звонит телефон.

МАША. Мама?

АВТОР (значительно). Звонят из МИДа.

МАША (в зал). Звонят из МИДа.

ФРОСЯ (подскакивая). Побегу, скажу е м у, чтобы взял трубку. Должно быть — важный звонок. (Убегает).

АВТОР (поясняет). О н — это муж. Наконец-то направили в арабскую страну. (Лезет в рукопись, громко). Звонок в дверь, входит Асенька.

Звонок в дверь, входит А с е н ь к а, за ней П о д о л ь с к и й с большим наперсным крестом и японским зонтиком

С большим наперсным крестом и японским зонтиком. (Продолжает читать служебным голосом). Граф гуманитарный студент выпускного курса мечтает о духовной Академии женат полгода у него кажется усы. Асенька на несколько месяцев старше Маши они бывшие одноклассницы ныне обучаются педагогике. Асенька и граф живут отдельно в снятой его родителями для этой цели квартире. Если бы они были сиротами и не погибли в автомобильной катастрофе во втором акте (разводит руками) они были бы счастливы. Асенька и Маша...

АСЕНЬКА и МАША (вместе, счастливо). Целуются. (Целуются).

АВТОР. Граф делает общий поклон.

Подольский делает общий поклон.

АСЕНЬКА (укоризненно). Ты здесь, папа?

ФРОСЯ. Какая нарядная.

АСЕНЬКА. Мы от Подольских. Тебе поклон, папа.

ВАНЮК (очень мрачен)...

ФРОСЯ. Пойду и я переоденусь. (Задирает халат).

Для следующей сцены. (Уходит в ванную, запирается на задвижку).

МАША (с придыханием). Садитесь же, граф.

ПОДОЛЬСКИЙ (садясь). Моя мать — урожденная Голицына. А папа — дипломат.

ВАНЮК (очень мрачен) Т-т-т-с....

МАША. А я как раз играла вчера эту Шопена.

АСЕНЬКА. И тебе поклон, Маша. От Володи. Он больше не дружит с дочкой народного артиста Плеханова.

ПОДОЛЬСКИЙ. Занят дипломным проектом, будет строить кукольный театр в Караганде.

ВАНЮК. Моя пьеса шла там три сезона.

МАША. Мы познакомились с ним у вас на свадьбе.

АСЕНЬКА. Полтора, папа.

ВАНЮК. Против нее интриговали, хотя она лишь по видимости была адресована детям.

В телевизоре начинается постановка режиссера Дунина.

Тише! Дунин просил меня посмотреть. Он сейчас в Пицунде... Полулюкс.

ПОДОЛЬСКИЙ (нагло). Кто такой этот Дунин?

ВАНЮК (очень-очень мрачно). Кинорежиссер.

ПОДОЛЬСКИЙ. Он снял «Ханойский вокзал»? Первого мая встречаются три вьетнамских партизана и советский инструктор.

ВАНЮК. Поразительная сцена.

ПОДОЛЬСКИЙ. Один вьетнамец — сантехник, другой партизан — народный артист.

ВАНЮК. Приз на фестивале в Пномпене.

МАША (умно). Я была маленькая, но уже плакала.

АСЕНЬКА. Мама тоже плакала.

ВАНЮК (наставительно). Когда мы учились на высших курсах, Дунин делал твоей матери предложение.

АСЕНЬКА. Не Дунин, а Окуджава.

ФРОСЯ (появляясь в своем и причесанной). А что бы нам не выпить?

МАША (холодно). Ты обещала в четверг маме.

ФРОСЯ (холодно). Я пью сок. Я сказала — вам выпить.

МАША (холодно). В холодильнике оставалось сухое вино.

ВАНЮК (горячо, Фросе). Ты действительно перешла на сок?

ФРОСЯ. Пью сок, балдею по мнению.

ВАНЮК (мрачно). С сухого не забалдеешь.

ПОДОЛЬСКИЙ. Мы с Асей сходим.

ФРОСЯ. Вы сходите?

ВАНЮК. Они сходят.

АСЕНЬКА. За следующей?

ПОДОЛЬСКИЙ. Или через одну?

ФРОСЯ (громко) Тогда не мешайте другим сходить!

ВАНЮК (тонко). Или, может быть, вам нужны деньги?

Все замолкают, смотрят на Ванюка. Потом растерянно на Автора. Автор бурно листает рукопись.

АВТОР. Вот, нашел. (Читает.). Уходят.

ВСЕ. Уходят?

АВТОР. Не все уходят. Уходят Асенька и граф. После вашей реплики. (Показывает на Ванюка).

ВАНЮК. Уходите после моей реплики. (Тонко.) Или, может быть, вам нужны деньги.

ПОДОЛЬСКИЙ (саркастически). У нас есть.

АСЕНЬКА. Спасибо, папа.

Уходят

ВАНЮК. А мы учили ее музыке. Я сам водил ее в музыкальную школу через оживленную автомагистраль.

МАША. Ах! Я забыла показать им мои деревья. Так и назову: «Мои деревья». По песне Женечки. Мама с Бачуриным — товарищи.

АВТОР. Звонок в дверь. Входит Венера, кукловод.

Звонок в дверь, входит В е н е р а

Это пожилая дама еврейской национальности. На ней нечто, напоминающее макинтош.

ВЕНЕРА. Как видите.

АВТОР. Волосы уложены. Прихрамывает. Когда-то была миловидна, теперь уезжает в Сочи. Она устала.

ВЕНЕРА. Да-да, устала ездить в вашем лифте, он совсем не скоростной. Здравствуйте. (Садится на стул.) Фу, села. Ужасно, какая затянувшаяся погода, я хочу сказать — несостоявшаяся осень. Сегодня у нас что?

АВТОР (полезая в начало рукописи). Осень, воскресенье, первый час.

ВЕНЕРА. Вот именно, это как раз то слово, которое я все время вспоминала — эманация. Никто не знает, что оно означает. Говорят, море в Сочи отвратительной температуры. Сама не знаю, куда еду. Подхватило и несет... (Маше.) Детка, свари мне кофе.

ВАНЮК (отряхиваясь). Температура воздуха на побережье Кавказа прогрелась. А воздух прогрелся до температуры...

ВЕНЕРА (не удивляясь, что он здесь). Вы здесь? А ведь так и не сделали того, что обещали. Боюсь, это отразится на вашем гонораре. (Всем.) Знаете, я улетаю в печальном настроении. Умерла моя знакомая, не было и шестидесяти, всего-то на столько-то лет меня старше, обожала горбатых и рыжих, уверяла, что только они истинно темпераментны. Погода на похоронах была мерзкая, и эта возня в крематорском колумбарии с дощечкой — никак не могли подогнать по размеру... Спасибо, деточка. (Берет у Маши чашку кофе.) А где твоя мать?

АВТОР (громко). Входит Нора.

Маша открывает объятия, все смотрят на дверь. Входит Нора.

ГОЛОС НОРЫ. Сейчас, только поставлю сумки.

МАША. Мама! (Обнимаются).

НОРА. Вот и я, здравствуйте.

МАША. Е м у звонили из МИДа.

НОРА. Наконец-то, все мы так ждали этого звонка.
(Целуются.)

ВАНЮК. Плошкина вела концерт, посвященный
этому Дню, и роскошно выглядела. Вся в сиреневом.

НОРА. Она обещала заглянуть. (Целуются.)

ФРОСЯ. Звонил Фима.

НОРА. Ты ему все передала? (Целуются.)

ВЕНЕРА. А я — я уезжаю в Сочи.

НОРА. Прекрасно. (Целуются.)

МАША. С утра нарисовала картину. В углу среди ли-
стьев. (Целуются.) Деревя. (Целуются.)

НОРА. Белов не звонил?

МАША. Нет еще. (Целуются.)

ВАНЮК. Нашел новый ход. Героиня не появляется в
первом акте.

НОРА. Прелестно.

ФРОСЯ. Перепила морковного сока. (Таращит глаза,
фукает.)

НОРА. Мило.

МАША (радостно). А Фима везет колбасу.

ВЕНЕРА (ужасаясь). Он обещал к моему отъезду
достать колбасы мне. А я — я собираюсь брать его ак-
компаниатором.

НОРА. А Мишенька не звонил?

ВЕНЕРА. Нет еще.

МАША. А колбасу мы поделим.

НОРА. Я купила килек. И черного хлеба. Будем су-
шить сухари в арабскую страну. Представляете — нет

нигде ионизаторов, а на арабском востоке, говорят, ионизатор необходим... И Цыган не звонил?

ВСЕ. Нет еще.

НОРА(задумчиво) В последнее время мне снится один и тот же сон...

Подольский и Асенька вносят большую сумку. Сервируется стол, выставляется водка. Фрося мечется в обнимку с постельным бельем.

(Фросе) Отнеси к н е м у в комнату. И налей е м у рюмку.

ФРОСЯ. Я налью стакан, отнесу е м у. (Исчезает).

ПОДОЛЬСКИЙ (Маше). Пока стояли в очереди, позвонили Володе.

АСЕНЬКА. Он спрашивал о тебе.

МАША (поправляя бант). Пусть приходит.

ВАНЮК (Венере). К вашему возвращению я все напишу. Ваши куклы заговорят.

ВЕНЕРА. Это будет забавно.

ВАНЮК (не скромничая). Надеюсь.

ВЕНЕРА. Явится мальчишка с колбасой, а я здесь — улетаю в Сочи.

Звонок в дверь.

АВТОР. Заходите.

Входит Б е л о в.

АВТОР. Белов, скульптор, кучеряв, велик, весь в шампанском...

БЕЛОВ (весь в шампанском, перебивая Автора). Эти две холодить, эти три открывать. Поздравьте, только что из Академии. Не приняли Говноедова. Уезжаю в Израиль... В составе делегации. Памятник Пржевальскому...

ФРОСЯ (выныривая). Какие мускулы! (Трогает мускулы.)

БЕЛОВ. Памятник Пржевальскому...

ВАНЮК (слабо). Мы знакомы.

БЕЛОВ (поднимая фужер с шампанским). Памятник Пржевальскому...

НОРА. Я была уверена, что это Ермак.

БЕЛОВ. Памятник Пржевальскому установлен на Иссык-Куле.

Все выпивают.

Разумеется, Пржевальский верхом на своей лошади.

АВТОР (недоволен, что ему не налили, пытаюсь перекричать шум). Звонок в дверь.

БЕЛОВ. Ура!

НОРА (с чувством). Но что же с Ермаком?

БЕЛОВ. Отправлен в Йошкар-Олу.

АВТОР. Звонок в дверь!

БЕЛОВ. Идем на госпремию.

ВАНЮК (слабо) Ура!

АВТОР. Входит Плошкина.

Входит Плошкина

Вся в сиреновом, завитая блондинка. Меня лично всякий раз удивляет, занимает воображение, волнует — этот эффект сошествия к нам на кухню прямо с телеэкрана...

ПЛОШКИНА (широко улыбаясь). Прямо из Колонного зала!

БЕЛОВ. Роскошна! (Хлопает ее по заду).

НОРА. Прелестна! (Целуются).

ВЕНЕРА (в сторону). Сама не знаю — куда лечу.

ПЛОШКИНА. Этот Оглы среди колонн оказался таким манким... Длинный и тонкий, словно змея.

ФРОСЯ (в сторону). Всегда говорит о хуях!

ПЛОШКИНА. Я зашла к нему в уборную, он разгри мировывался. Мы сговорились на понедельник. Я была как пьяная. Кажется, не дала своему шоферу.

НОРА. Фанечка, тише. (Показывает на молодежь и в зал).

ФРОСЯ (заинтересованно). Дальше, дальше.

ПЛОШКИНА (с готовностью, деловито). Обычно я держу его за член, когда он ведет машину. Сперва он ехал на красный свет и часто кончал. Теперь привык, только облизывается.

ФРОСЯ (заинтересованно). Это такой рыженький?

ПЛОШКИНА (мягко). Какого дадут.

Выпивают.

ПОДОЛЬСКИЙ (Асеньке и Маше). Я все чаще думаю о корнях.

АСЕНЬКА. Ими ищут деревья друг друга.

МАША. Когда облетают листья и ветви деревьев похожи на корни, и ими деревья хотят уцепиться за небо...

ПОДОЛЬСКИЙ. Мне хочет написать. Не знаю сюжета, но слышу мелодию. Длинный коридор, по нему мне навстречу идет мой прадед, а я его дед. Мы проходим друг сквозь друга, и оказывается, что он мой дед — идет из прошлого, а я из будущего, он возвращается оттуда, куда иду я, потому что на самом деле я — отец своего отца, а дед — мой сын, а вот здесь сбоку, стоит наш дядя, действительный статский советник.

АСЕНЬКА. Граф много об этом думает.

ПОДОЛЬСКИЙ. И, конечно, вера.

МАША (горячо, сокровенно). Мой дед из крестьян, хоть и был полковником. Я чувствую в себе крестьянскую кровь. Она течет вот здесь, вот здесь, хотя в маме ее нет совсем. Мама хотела стать актрисой, работала редактором, а я — люблю лес. И боюсь Бога.

ПОДОЛЬСКИЙ. И еще Церковь. Не здешняя, вы понимаете, этой — мы не сможем простить.

АСЕНЬКА. Не простим.

МАША (о своем). И это наше одиночество вне дома, вдалеке от родных могил...

Взрослые продолжают пить. Ванюк посередине, один. Наливает себе сам. Наливает и пьет. Осень. Сыро. Венера оказалась на возвышении рядом с Автором, который подвинулся не имея ничего против этого соседства. Сидит, подоткнув под себя полы макинтоша, смотрит сверху вниз.

НОРА (задумчиво). Один и тот же сон.

БЕЛОВ (Норе). Ты мне звонила. Я пришел. Хочу тебя поздравить — направили-таки.

НОРА (рассеянно). Тебя?

БЕЛОВ. Е г о. В арабскую страну.

НОРА. Осенний сон.

БЕЛОВ. Кто снится?

НОРА (вглядываясь). Нет, не ты... (Пробуждаясь). Ведь и я должна была ехать. Но как оставить девочку? (Светски). Даже когда я здесь, у нее не все ладится. Вот — не сдала зачет по плакату.

БЕЛОВ. Пустяки, позвоню декану. А мой балбес надумал жениться.

НОРА (светски). Нам всем предстоит пройти через это, не знаешь, чего от детей ждать. Моя в прошлом году увлеклась карате, в позапрошлом йогой, а теперь, пожалуйста, ударилось в православие. Но кимоно не позволяет продавать.

БЕЛОВ. Когда Моня Рид только уехал, и ты была на бобах, и приезжала ко мне в мастерскую, и я тебя лепил... Нам все было интересно!

НОРА (светски, холодно). А у этих в глазах — совсем другой свет.

Выпивают

ПЛОШКИНА (Фросе). Второй мой муж был дипломат. Мы ездили. Когда жили в Камеруне, первый советник трахнул меня во время утренней гимнастики. Я стояла на голове, он принес свежие газеты...

ФРОСЯ (играя зачарованность). Трахнул на голове!

ПЛОШКИНА. Муж отсутствовал по делам в республике Чад, кажется. А я стою на голове. Одета до пояса, только легкий лифчик. Тот входит, возбуждается, конечно, страшно, кладет газеты на тумбочку... (Задумчиво). Газеты присылали по понедельникам, но так хорошо больше не было.

ФРОСЯ. Хорошее не повторяется. Эй, я не хочу больше морковного сока.

ВАНЮК (икая). А я говорю — там растут пальмы.

На него машут руками. Он, сидя посередине, наливает и пьет. Наливает и Фросе. Все чокаются.

ВЕНЕРА (Автору). Дайте же и мне слово.

АВТОР. Сам молчу. Но вам — пожалуйста.

ВЕНЕРА. А то эти тарахтят без остановки... Так вот, о чем я? Да, о запахах: только куклы не потеют. А ведь когда-то я танцевала с мужчинами вальс. (Чокается своим бокалом с воображаемым партнером). Помню, бомбежка, эвакуация, и тот офицер нашем эшелоне — он был лишь слегка контужен. Была война, на вокзалах по лицам спящих детей копошились вши, и я была юной, и Алма-Ата была завалена красными розами. Тогда цветы пахли, а люди нет, и у меня не было аллергии. К тому же прекрасно помню — мы пели. Теперь не поют, кажется. Во всяком случае я — не слышу песен... Потом стали говорить, что в те годы поголовно и несправедливо всех повсюду сажали в лагеря, стал моден Солженицын, и все перепуталось. Конечно, я помню, как на нашем полустанке в степи высадили табор чеченцев, у которых на три семьи был один чайник, и ничего больше,

поверьте. И эти голодающие немцы. и ссыльные ленинградцы... Но никто не роптал, всем было тяжело, никто не возмущался, как не ропщут теперь, когда семнадцатилетних мальчиков забирают в солдаты, розы пахли, мы пели песни, война шла на территории Германии, на рассвете пахло степью, я танцевала с мужчинами вальс. Мир был ясен, в нем было невозможно потеряться... Вернувшись в Москву, я полюбила Фалька. Его запрещали, но это был Фальк. Теперь всех, кажется, разрешили, но Фалька нет... Первая весна после войны, я ходила на каблуках, запах тополей, мужские фигуры в полутьме на противоположном тротуаре, и конечно, мы много читали. Я умирала от любви к Пану. И тот офицер из эшелона был, конечно, из Гамсуна. Когда война кончилась, таких белокурых я больше не встречала. Те, что вернулись, не походили на героев Киплинга. Тогда же я поняла, что актрисы из меня не получится. Но я много работала, — и вот теперь, кажется, устарела. Я перестала многое понимать. Перечитываю «Живые и мертвые» и «Пиквикский клуб». Хочется прилечь. Остался только гастрит. И эманация. Да еще запоздалая нежность... Мальчишка, конечно, хамоват, мальчишка нечистоплотен... Но — ни слова о нем.

Поднимает бокал, чокается с Автором. Гости тоже приветствуют ее.

Так вот, о чем я, да — я только что из крематория. На кладбищах, знаете ли, совсем не осталось мест. Меня это заботит. Ведь и с кремацией столько хлопот: сжигание, получение праха. И потом — эти колумбарии так

неэстетичны. Конечно, я хотела бы, чтобы меня сожгли и развеяли, как Симонова, — над казахской степью, но на чье имя подается соответствующее заявление?

ВАНЮК (пьяно). Уд-дивительно, но я, кажется, ни разу не видел живую пальму. Так, чтобы близко, лицом к лицу. Чертовски неприятно все-таки жить с этим ощущением: где-то растут пальмы, а ты из никогда не увидишь. (Икает, наливает, пьет).

АВТОР. Раздается стук.

Все настораживаются.

Да-да, стучат.

ВСЕ. Стучат?

АВТОР. Да не стучат, а стучат.

НОРА. Ах, это пустяки. Это он печатает на машинке. Срочно готовит какие-то материалы.

ФРОСЯ. К отъезду!

ВЕНЕРА. Разумеется. Переводчик с разных там языков.

Хорошо слышен стук пишущей машинки. На пороге топчется В о л о д я.

ВОЛОДЯ (Автору). Входит Володя.

АВТОР (спохватывается, торопясь). На нем штаны из мешковины, гимнастерка без погон, на ногах лаковые сапожки. Он хорошо собой.

ВОЛОДЯ (громко). Здравствуйте, господа. Чаи гоняете с баранками?

АСЕНЬКА (в зал). Такой небудничный.

ПОДОЛЬСКИЙ (в зал). Как поживает милостивый государь?

ВОЛОДЯ (в зал). Государь чувствует себя хорошо.

ВАНЮК (в зал, пьяно). Это пароль.

Володя и Подольский вытягиваются во фронт. Им подаются бокалы с шампанским. Обнимаются, поют, кажется, «Поручик Галицын, раздайте патроны». Выпивают на брудершафт.

ВОЛОДЯ (в сторону Маши). Не дружу больше с дочкой народного артиста Плеханова.

МАША. Я не знала этой песни.

ФРОСЯ (громко, пьяно). Отнеси е м у стакан водки. (Наливает стакан, переполняется пафосом). О н уезжает. В арабскую страну. А вы тут сидите. А там напряженно, там нет даже черного хлеба. Нет ионизаторов. Он, может быть, рискует жизнью за вас. Его, может быть, бросили на прорыв. Эх вы! (В стену.) Иду к тебе! (Спотыкается, но стакан не разливает).

НОРА. Всех, кто не знаком — познакомлю с Цыганом.

Звонок в дверь.

А это Мишенька!

АВТОР. Входят Мишенька и Гришенька.

Входят М и ш е н ь к а и Г р и ш е н ь к а.

(Служебным голосом). Мишенька дегенерат. У него большое бритое лицо, унылый нос, ходит растопырив руки, очень возбудим, играя на гитаре закатывается, влюблен в хозяйку и в свою жену. Гришенька. напротив, в бороде, ростом невысок, пушист, юрок, коротконог, вдохновенно напорист, раскован до риска, говорлив с целью поебаться. Оба на выходе из комсомольского возраста.

МИШЕНЬКА (драматически). Познакомься, Нора, это Гришенька. Я говорил тебе о нем.

ГРИШЕНЬКА (раскованно, целуя хозяйке ручку, Автору). Славная бабенка, но ей как минимум сороковник.

НОРА. Рада. Знакомьтесь. Это Ванюк, радиодраматург и сосед, это Белов, скульптор, мой давний друг, это Фанечка Плошкина, ведущая микрофона, голубого экрана, колонного зала, моя подруга, ее вы, конечно, узнаете, это Венера, кукловод, это...

ФРОСЯ (выныривая). Фрося, актриса академического театра.

НОРА. Это Маша, моя дочь, это Асенька и граф, супруги, это Автор, Эн Климонтович...

Все со всеми раскланиваются, друг за другом ухаживают, наливая.

БЕЛОВ (громко, держа Плошкину за зад). Был конец пятидесятых. Или начало шестидесятых. Мы были с Васей в Комарове. Конец зимы, вернее, начало весны. Ночью мы вылепили из снега фалл десяти метров в высоту. Так мы начинали. Нам, помнится, помогал один

лабух из «Синей птицы». Потом никто из нас уже не лепил фалл таких размеров.

ПЛОШКИНА. Еще бы.

БЕЛОВ. А тогда... тогда был большой подъем, и готовность к любой жертве. Нас чуть было не исключили из комсомола. Фалл потом растаял, конечно, и нам не удалось вписать свои имена в историю в тот раз. Но мы осознали себя и своих товарищей по искусству. Потом наши пути разошлись, я стал работать в мраморе, Вася остался в бронзе, но начинали мы вместе.

НОРА. Помню те времена. А вы, Гриша? Вы были тогда ребенком?

МИШЕНЬКА (драматически). Мы были детьми.

ПОДОЛЬСКИЙ (в своем углу). Только зуб можно вырвать с корнем, наши корни — в нашей земле.

АСЕНЬКА. Граф много об этом думает.

Ванюк наливает и пьет. Изредка, икая, выкрикивает слова «пальма» и «полулюкс». Володя топает сапогами. Фрося уверяет сама себя, что она — «особенная сука». Пьет и наливает. Осень. Первый час. На возвышении сидит рядом с Венерой Автор. Маша говорит Володе, что написала бы его портрет. В ответ Володя топает сапогами и отдает честь. Входит Ф и м а.

АВТОР. Входит Фима. (Читает). Он нагружен пакетами с надписью «фак ю», через плечо — связка сухой колбасы.

ФИМА (сбрасывает колбасу на стол). Это тебе, мамулечка. (Целуется с Норой). Привет всем. (Норе) Всего с доставкой чуть меньше стольничка. Потом, потом.

Здравствуй, Ефросинья. (Видит Венеру, пугается). Здравствуйте, Венера...

ВЕНЕРА (кутаясь в макинтош). Опять ты надушился этим мерзким одеколоном.

ФИМА. Простите меня, что я не был на репетиции. А также не успел вызвать такси. Не достал колбасы и не сделал всего, что пообещал. Но я все время о вас помнил, я все время торопился, у меня больна мама, и я разучил все ноты, что вы мне дали. Теперь хочу, раз вы улетаете в Сочи, чтобы вы мне оставили ключ. От квартиры. Я буду за всем присматривать и выносить мусорное ведро.

ВЕНЕРА (кутаясь). Скажи, откуда возьмется мусор, если он вынесен, замок заперт, а ключ — ключ ты не получишь на этот раз... Нора, он заставляет меня краснеть. Не верь, не верь мужчинам, сколько бы лет им ни было. Займись делом, декламируй Тютчева. Я, кажется, улетаю. Целую тебя. Я целую вас всех, и тебя, негодник. Меня подхватил какой-то ветер. Лечу в Сочи. Пока, пока...

Автор подает ей палку — из соседнего водевиля. Венера садится на нее и улетает в Сочи.

ФРОСЯ. Подонок, зачем тебе эта старая карга?

ФИМА. Не узнаю вас, Ефросинья. Хер ровесников не ищет. (Норе). Как ты думаешь, мамуля, когда Венера умрет, она нам оставит свои даймонды, брулики, айки, антик, серебря, голду, мадонну и бисквиты? Ведь у нее никого нет ближе, чем мы с тобой!

НОРА. Нет-нет, она все завещала тетке. А книги — публичной библиотеке им. Эф. Кузнецова.

ФИМА (пугаясь). Ты видела завещание? (Возмущается). Но тетке все же девять ноль... Нет-нет, ты шутишь. Позавчера я ей готовил суп по-провансальски, забашлял сборник Бродского, таскался с племянницей в Третьяковскую галерею. О завещании и речи не было. Та разыгрываешь меня, мамулечка! (Делает вид, что хочет обрызгать Нору шампанским, надувает щеки).

НОРА (отворачиваясь). Чтобы нам не потанцевать? Какие мы все-таки скучные!

МАША. Не хочется, мама.

НОРА (Гришеньке). Она у меня замечательно движется. Фима, пригласи Манечку.

Музыка в стиле «диско»

ФИМА (танцует с Машей). Все будет на все сто. Сейчас о н поедет, наконец, в арабскую страну, привезет нам клоуза по штатскому каталогу, сильверовых цепочек, голдовых котлов, кой-что из посуды, двухкассетный «Шарп» без пошлины, тебе белья, чтоб не переплачивать, всего Диора, маблишки, виски, кента, постельных принадлежностей, дисков, чеков... Олл стейтс, мамуля, хау мач!

ПОДОЛЬСКИЙ. И осваивать северо-восток!

АСЕНЬКА. И северо-северо.

ВОЛОДЯ (глядя на Машу, громко). А у нас в клубе, напротив — танцуют вприсядку. (Топают сапогами, бьет себя в грудь).

ФИМА. Что за клиент?

МАША. Не смей так говорить о людях, которых ты не понимаешь. Тебя мама не поэтому в дом пускает. Он чудный, он вырос в деревне и сам поступил в архитектурный институт. У него может быть, совсем нет никаких связей, но обо всем свое мнение. Он не признает авторитетов.

ВОЛОДЯ (громко). Когда я проходил срочную службу, то в самодеятельности играл на баяне. (Топают сапогами, рвет гимнастерку на груди).

ФИМА. А чего он в гимнастерке-то? Шузы на нем — минимум пятьдесят гринов. Феликс гонит нам телегу.

МАША. Если ты не прекратишь, я перестану танцевать с тобой в стиле «диско».

НОРА (всем). Не правда ли, она гибка очаровательно?

МИША (навзрыд). Нора сама танцует. (Всем). У меня с ней — эдипов комплекс. И другие незабываемые отношения.

Громко стучит машинка. Ванюк карабкается на освободившееся рядом с Автором место. Фрося кричит «пустите меня», делает вид, будто ее держат. Фима и Маша, Белов и Плошкина, Асенька и Подольский танцуют в стиле диско.

НОРА (глядя Машеньку по щеке). С тех пор, как стало ясно, что он уедет, наступила осень, и мне снится сон...

МИШЕНЬКА (встрепенувшись). Кто снится?

НОРА (вглядываясь). Нет, не ты... (Гришеньке). А вы, говорят, поэт, Гриша?

ГРИШЕНЬКА (с готовностью). Иногда, вот в такие минуты, как эта, рядом с такой женщиной, как вы, мне начинает брезжить точно истина. Я принимаюсь стремиться к большому. Завидовать великому. Прозреваю... Какие титанические усилия нужны художнику, чтобы рассмотреть в этих испарениях изломанного быта, в тумане цинизма, среди обломков традиций и морали — свет.

НОРА. Вы сильный.

ФРОСЯ (убежденно). Нет, все-таки я обоссанная со-рокалетняя сука.

НОРА. Вы одинокий. Вы — степной волк. Как странно, впрочем, в сильном человеке видеть эту потребность нежности.

МИША (рыдая). Я тоже одинок. Я обо всем рассказал жене. Она говорит, что понимает меня и не хочет со мной разводиться. Я не могу больше быть артистом гитары. У меня будут дрожать пальцы, пока ты не скажешь — да или нет. (Падает лицом в колени Норе).

НОРА (Гришеньке). Будет моим товарищем. (Дует Мишеньке в макушку).

ВАНЮК (сидя на возвышении). На севере диком растет одиноко...

ВОЛОДЯ. А у меня батя — охотник на кабанов. (Делает вид, что целится из ружья).

ФРОСЯ. Я была его женой. Когда мы познакомились, цвела черемуха, он был совсем рыжий. Учился в энергетическом и пригласил меня в туристический поход. Потом мы поехали в Козельск. Там во-от такие белые, и он был рыжий. И черника. Он всем говорил, что я его жена, и так оно и было. Мой типаж был моден то-

гда. Я даже репетировала Медею. Это теперь мне не дают Нищего, потому, видите ли, что я не похожа на Принца. Мы жили на Плющихе. Он, моя мама и я. У нас был большой шкаф, мы с Колей жили за шкафом. Где-то он сейчас, шкаф, я имею в виду. Говорят, вещи переживают хозяев, а у меня наоборот — ничего из тех вещей, которые я помню... Он не хотел, чтобы я была актрисой. Хотел, чтобы я варила суп, а сам — считать на логарифмической линейке. Я была не согласна, я со звукорежиссером ездила в Рузу. Я пьяная приходила после спектаклей, а он никогда не ругал меня вечером, только утром... Пустите, я поеду к нему. Я всегда обожала его котлы и следить, чтобы они не перегревались. Инженер по котлонадзору, такое и не выговоришь, но я поеду. Я сварю ему борщ, если свекла еще бывает в магазинах, что-нибудь на третье...

Фима меж тем выносит из е г о комнаты постельное белье, раскладывает на тахте.

Пустите меня!

Укладывает Фросю в постель, аккуратно снимает с себя блезер, шуз и прочий клоуз, залезает под одеяло рядом

БЕЛОВ. Еще по бокалу, и мы едем с Плошкиной ужинать. Спасибо за мускулистый вечер! (Чокается с Норой).

ПЛОШКИНА. Позвоню тебе, Норочка, относительно общего массажа, коагуляции сосудов, протезиста-

стоматолога, масок для лица из жидкого азота и куплю
твое итальянское платье за тысячу рэ.

Уходят

ГРИШЕНЬКА (Норе). Стихи сегодня никому не нужны. Слово скомпрометировало себя. Поэзия, как и наука, в тупике. Мы стоим на грани рождения небывалого метода познания мира, мира, мира, мира...

АВТОР наклоняется и несильно ударяет ГРИШЕНЬКУ по спине.

НОРА (прижимая к груди голову рыдающего Миши). Вы необыкновенный. Яркий, странный.

ГРИШЕНЬКА. Я уезжаю в деревню уединяться. Меня ждет неслыханная поэма.

НОРА. Мне снится сон...

АСЕНЬКА (громко). У нас сегодня с графом небудничный день. Мы пойдем, пожалуй.

ПОДОЛЬСКИЙ (целуя руку Норе). Каждый вечер в вашем доме продвигает меня на пути осознания моего замысла. Чтобы спастись, мы должны разделиться. Пора ответить себе на вопрос: кто есть кто. Нужно развиваться в строгих границах и порознь. Только так мы сохраним свою самобытность.

ВОЛОДЯ (ему вслед). Сохраним, спасем! (Топают сапогами).

Подольский и Асенька снимают Ванюка сверху. Автор помогает им, поддерживая радиодраматурга за ши-

ворот. Уходят втроем, причем Ванюк выкрикивает слова «островский», «софокл», «дунин» и «абстиненция». Маша и Володя выходят на балкон.

МАША. Вообще-то меня зовут Марьяна. Но мама называет отчего-то Машей. Или Манечкой. А ты зови, как тебе хочется: Марой, Мариной, Марией, Марьяной, Мэри, Марусей, Манюрой, Сусанной, Камиллой...

ВОЛОДЯ. Мне нравятся только настоящие имена. А чего тебя мать твоим именем не называет?

МАША. Марьяной назвал меня отец.

ВОЛОДЯ. Этот? (Показывает туда, откуда стучат).

МАША. Нет, это третий муж мамы. Он чудный.

ВОЛОДЯ. А где первый и второй?

МАША. Мой отец уехал. Это был первый мамин муж.

ВОЛОДЯ. У тебя, значит, прямые родственники за рубежом?

МАША. По отцу я — еврейка.

ВОЛОДЯ (успокоительно). У моего бати фронтовой один товарищ тоже еврей.

МАША. Не говори так громко.

ВОЛОДЯ. Пожалуйста. А где второй?

МАША. Кто — второй?

ВОЛОДЯ. Ну, муж.

МАША. Он был чудный.

ВОЛОДЯ. Что ль, тоже свалил?

МАША. Он живет в Мичигане. Художник. Может быть, ты слышал — Моня Рид.

ВОЛОДЯ. Не слыхал.

МАША. Настоящее его имя — Ридерман. У него были выставки. Там. Кроме того, он написал книгу о маме и о себе — «Сретенский пленер». Говорят, заработал много денег и хотел приехать на Олимпиаду.

ВОЛОДЯ. Это его картинка там висит?

МАША. Да, темный холст — его, портрет мамы. А рядом — графика Краснова.

ВОЛОДЯ. — Того самого?

МАША. Краснов — мамин товарищ.

Пауза.

ВОЛОДЯ. Скажи, ты вправду сумасшедшая? Или прикидываешься?

МАША. Я была... больна. Что-то с нервами. Теперь все прошло, но я привыкла быть такой. (Снимает бант, отбрасывает назад волосы). Мне кажется, мама хочет, чтобы я такой была. И мама, и гости... Мне нравится, что ты так со мною разговариваешь.

ВОЛОДЯ. Говорю, что думаю.

МАША. И эта твоя гимнастерка — от нее пахнет потом. (Зажмуривается). Ты будешь приходить?

Володя обнимает и целует ее. Бант вырывается из рук. Он выписывает в воздухе лозунг «Аутоэротизму — бой!» и скрывается на галерке.

Как сильно ты меня обнял. Ты доверчивый?

ВОЛОДЯ. Я прямой. (Топают сапогами по привычке). Я всем могу сказать — кто они такие.

МАША (с надеждой). И Белову?

ВОЛОДЯ. Тому самому? Соавтору проекта кабульского ипподрома?

МАША. Наверное.

ВОЛОДЯ. Он уже ушел?

МАША. Спустился в лифте.

ВОЛОДЯ (мечется). Я его догоню.

МАША. Неужели ты ему скажешь? Все-все.

ВОЛОДЯ. Конечно. Я же не знал, что он Белов. И топал сапогами. (Сдергивает гимнастерку, остается в белой сорочке и в бабочке в горошек. Убегает).

МАША. Он вернется. (Уходит в свою комнату).

На кухне — не считая спящих Фимы и Фроси — Мишенька. Гришенька, Нора. Голова Мишеньки по-прежнему на коленях у Норы, он держит гитару и поет на мотив вальса «Ленинград, я еще не хочу умирать».

НОРА (Гришеньке). Расскажите же о себе!

ГРИШЕНЬКА. Писал всегда, сколько себя помню. В двадцать лет — так нашустрил. Проститутки, диссиденты, академические круги... Потом мастерские. Продолжал сочинять, начал публиковаться. Теперь мне — двадцать восемь, не знаю — что дальше. Надо перешагивать порог...

НОРА. Ваши слова волнуют. Выйдем же на балкон, чтобы не было душно.

МИШЕНЬКА (обрывая песню). Мне тоже душно. (Нора прикрывает ему рот ладонью. Он продолжает душно из-под ее руки). У меня нет больше ни жены, ни дочери. У меня будут дрожать пальцы. Я не смогу быть артистом гитары...

НОРА. Добрый товарищ. Теперь тебе пора. (Целует его в лоб). Ты чистый, но тебе — далеко ехать.

МИШЕНЬКА (стуча лбом о деку гитары). Понять бы — что происходит. Еще позавчера была ласкова. И я — я во всем признался. Единственная из женщин. (Уходит, говорит из-за двери). Не ручаюсь за себя.

ГРИШЕНЬКА. Впрочем, первый час.

НОРА. Вы рано ложитесь?

ГРИШЕНЬКА. Не раньше четырех.

Выходят на балкон. Слышен стук машинки.

Вы правы, я один.

НОРА. Да-да, продолжайте, прошу. О времени, о себе.

ГРИШЕНЬКА. Пожалуй, у меня никого нет.

АВТОР (суфлируя). Мне снится один и тот же сон...

НОРА (отмахиваясь). Я беспокойно живу последние дни. Сборы, скорый отъезд, осень. Мне снится один и тот же сон...

ГРИШЕНЬКА (бодро). Так вот, хочу в деревню поудиняться.

НОРА. Волнуется высокая трава. Поле. Я. Навстречу — человек в бороде, в черной до пят сутане. Подходит вплотную, мне — спокойнее делается, когда он приближается. Я тянусь, он — кладет руки вот так. (Кладет руки Гришеньке на плечи, тот вздрагивает). И говорит... Что ждал меня, что все обо мне знает, но что никак не может на мне жениться. Ибо — у него свой Путь. Пред-

назначение. Но он не прогонит меня, если я пойду рядом... (Пробуждаясь) Так что же стихи?

ГРИШЕНЬКА (торопливо говорит о силлабо-тоническом стихосложении)...

НОРА (слушая, вглядываясь). Узнаю.

ГРИШЕНЬКА продолжает торопливо говорить о силлабо-тоническом стихосложении

Узнаю...

ГРИШЕНЬКА с дрожью говорит о силлабо-тоническом стихосложении

У него — твое лицо.

Гришенька крупно дрожит, перестает говорить о силлабо-тоническом стихосложении, обнимает ее. Становятся одним человеком. Автор слезает со сцены и отправляется в буфет пить пиво на последние деньги.

2.

Осень, воскресенье, первый час. Автор сидит в третьем ряду, от него пахнет пивом; Автор смущен этим обстоятельством: прикрывается ладошкой, старается не дышать... На столе вот точно так, как было после ухода гостей. Однако не слышно стука пишущей машинки. В прогале рисуется спальня героини: кровать под синим покрывалом, темная картина на стене, светлая гравюра,

зеркала, бронза на длинной ноге, драпировка, обстановка. Санузел живет своей жизнью. На тахте, стоящей, как в Малом театре, сбоку, Нора и Гришенька перестают быть одним человеком.

ГРИШЕНЬКА. Высокая трава волновалась. Ты. Поле. Я увидел тебя на тропке справа от виноградника. Я пошел навстречу, волнуясь и сам, и едва прикоснулся к твоей щеке губами, будто встретить тебя здесь было будничным делом. Я привел тебя в свою беседку, всю увитую, а с утра ты приготовила нам завтрак, и я сел за работу, а ты вошла в сад.

НОРА. На другой день мы были на ярмарке...

ГРИШЕНЬКА. Ярмарка?

НОРА. Ну, пожалуйста, отчего же нет? Ярмарка была на другой стороне реки, и маленький катерок утыкался с ходу носом прямо в песчаную отмель, а забираться на палубу приходилось по неверным мосткам. Но парохода долго не было. Мы ждали его, лежа на берегу, и потянулись друг к другу. Мы были вместе среди белого дня, прямо под небом, прямо на земле, на нас смотрели деревенские мальчишки, однако у меня было длинное широкое платье — ты помнишь его — и, кажется, они ничего не поняли. Мы были вместе, но почти не двигались, и нам было этого довольно.

ГРИШЕНЬКА. Постой, постой, расставим все по порядку. Сперва — место действия, верней — место бездействия, ибо кроме тех семи строк я ничего не написал... Место действия — деревня на украинском берегу. Единственный пирамидальный тополь, его ветви, похо-

жие на прибрежные кусты, сбоку кроны — прожелть, видная как раз из-под наших вишен.

НОРА. С той полянки в саду, закрытой от чужих глаз со всех сторон.

ГРИШЕНЬКА. И время...

НОРА. Время действия — осень.

ГРИШЕНЬКА. Потом попытаемся уточнить... Помнишь камень, на который мы клали вещи, когда купались в реке?

НОРА. Его затопило, укрыло, спрятало поднявшейся желтой от дождей водой... Ах, сколько общих пустяков, хоть зеркальце, что ты подарил мне, с отпечатанным на футляре календарем, тот флакончик лаванды, тот салат из брынзы с орехами, что выдумали вместе, да строка из Бодлера... (Декламирует). Ведь мы с тобой осенние светила... Попробуем любить, не потревожив зла...

ГРИШЕНЬКА. Но сперва — сад.

НОРА. Сперва — река.

ГРИШЕНЬКА. Правый берег — коренной. Желтый увал, густо укрытый орешником...

НОРА. По орехи мы так и не собрались.

ГРИШЕНЬКА. Левый — заливной, на котором собственно деревенька и вдоль те самые кусты, что напоминали одну из сторон кроны единственного тополя.

НОРА. Пусть так. Здесь к месту фетовские строки: и ты один над голыми степями таишь, мой тополь, смертный свой недуг... (Целует его). Загадочные стихи.

ГРИШЕНЬКА. А теперь — сад. И дом.

НОРА. Все было благосклонно к нам.

ГРИШЕНЬКА. Корень «склон» выделим особо, как нужный для сочетаний: склон лета, склон лет.

Прижимаются друг к другу.

НОРА. Желтоватое с прозеленью кукурузное поле и поле по другую руку — вихрящегося желтоватого сорго...

ГРИШЕНЬКА. Среди кукурузных стволов, среди буйных опестышей, в чаще пирогообразных листьев — длинные голубцы, чешуйчатые дидлосы с черными плюмажами на затылках, дидлосы, формой напоминающие все тот же кудрявый початок единственного пирамидального тополя, таящего свой недуг. И лишь изумительная пустота стволов сорго, отъятость в тех местах, где на противоположном поле — плоды, полные воскового семени, — только эта разница позволяла определить пол каждого из полей...

НОРА. Как хорошо. Мой тополь! Теперь я. Ближе был виноградник, набрякший, с оголенными двумя рядами какой-то рано спеющей лозы, но все одно оставшийся непроглядным, таким, что защищал наш вишневый пяточок от взоров задней улицы. Туда, назад, свешивался сад...

ГРИШЕНЬКА.... тяжелый сад, не сад, а роща, но прежде — об ореховых деревьях, ибо грецкими ветвями сад перевешивался через задний забор в проулок.

НОРА. Орехи росли и у крыльца. И при хозяйственных постройках; и недалеко от ворот. Напухшие ягоды в плотной листве.

ГРИШЕНЬКА. О них расскажу я. Представьте, зеленые ягоды с коричневыми зигзагами морщин. Одни были лопнувшими, другие потеряли свою сливочно-молочную начинку, молодые ядрышки уж выскользнули сквозь трещины, но твердая кожура еще сохраняла форму, пыжилась, лишь желчь разлилась по зеленому бочку. Наконец, третьи, те, поникшие, висели по ветвям черноватыми тряпицами.

НОРА. А я расскажу о яблонях! Старые, с изломами древности в жестах старческих ветвей, молодые, отчаянно сквозившие мелкой молодой листвой. И яблоки повсюду: в жухлой траве, и на дорожках, и под боком толстенной тыквы, запрятавшейся в лопухах, и среди смородиновых кустов, и под ветвями крыжовника...

ГРИШЕНЬКА (подсказывает). И под молодым персиком.

НОРА. И под молодым персиком.

ГРИШЕНЬКА. И под тяжелой грушей.

НОРА. Гниющие, в белых метинах плесенного распада.

ГРИШЕНЬКА (подсказывает). Сыро-сверкающие, глянцево-зрело глядящие из тени.

НОРА. Умирующие от коричневой опухоли.

ГРИШЕНЬКА. Нестерпимо неприбранно-налитые! Помнишь же, некоторые деревья были так туго набиты, что при одном касании плоды били через край, рушась...

НОРА. А яблоня — дрожала крупно, вскрикивала, но продолжала изнемогать, так и не разрешившись.

ГРИШЕНЬКА (тихо). Вот какой это был сад.

НОРА. Постой, а груша у крыльца!

ГРИШЕНЬКА. Да-да, и она плодоносила.

НОРА. Кислого цвета плодами, плодами деревянной крепости, будто деревянными продолженьями сучьев или побледневшими наростами.

ГРИШЕНЬКА. Дикий виноград угнездился у нее за пазухой, и в промежностях старого ствола.

НОРА. А откусив, нельзя было не сморщиться, и мы с тобой повсюду оставляли ущербные эти груши, так и не научившись не откусывать, если само просится.

ГРИШЕНЬКА. Мы собирали вишни.

НОРА. Собирали виноград.

ГРИШЕНЬКА. Ягоды подвяли, и ты сказала, протягивая мне пригоршню: попробуй — сладкие, оттого, что в морщинах.

НОРА. Я так сказала?

ГРИШЕНЬКА. Так или почти так.

НОРА. Я сказала: сладкие, х о т ь и в морщинах.

ГРИШЕНЬКА. Потом... потом я подошел к тебе с гроздью сладкого красного винограда. Я приложил ягодную кисть к твоей шее.

НОРА. Вот сюда.

ГРИШЕНЬКА. И раздавил ее в пальцах.

НОРА. И сок тек за кофточку, и кофточка пошла красными пятнами, и пришлось ее расстегнуть...

ГРИШЕНЬКА. И сок стекал по соскам, и в желобок на груди, и я собирал его языком.

ГРИШЕНЬКА. Ты была травой.

НОРА. И набрали мы всего полкорзины, хотя собирали долго и прошли виноградник из конца в конец... Знаешь, что мне хочется плакать. Никогда мне не хотелось плакать от одних только слов.

ГРИШЕНЬКА. А дыни в густой траве, а капли дождя, которые шипели бы, падая в дымоход, а наш очаг, а поленья, по которым плясал бы...

НОРА. Я могла бы не смотреться в зеркало. Я видела бы свое отражение — на твоём лице... Ах, эти пятнадцать лет!

ГРИШЕНЬКА. Они как узкий ручеек — не разделяют. Если к нему нагнуться с разных берегов, то стукнемся головами.

НОРА (со слезой). Вот так?

Стукаются головами.

ГРИШЕНЬКА. Нужно было поехать.

НОРА. Ты же видишь — я вся в этих сборах.

ГРИШЕНЬКА. Ради дома, и тополя, и реки, вода в которой поднялась, пожелтела, набухла, когда в верховьях прошли дожди.

НОРА. Тебе не зябко?

ГРИШЕНЬКА. И я писал бы.

НОРА. И много предостережений, которым я не могла не поверить: едва поцеловались — в спальне упал с гвоздя мой портрет. Рассыпались бусы, разбилось зеркальце в пудренице.

ГРИШЕНЬКА. Ты расскажешь е м у до отъезда?

НОРА. И Манечка, ведь ты знаешь, какой она еще ребенок.

ГРИШЕНЬКА (задумчиво). Может быть, ты и права, к чему е м у перед отъездом это знать.

НОРА. Ах, всегда мне с этими самыми отъездами не везло. Вернее, везло на них. То есть я хочу сказать — все едут, а меня что-нибудь да задержит.

ГРИШЕНЬКА. Вот и со мной ты не уехала в деревню, и поэмы я не написал.

НОРА (задумчиво, надевая халат). Я почти решилась, ты же помнишь, но разорвались бусы и упал портрет. Поэма от тебя не уйдет. Ты сильный...

ГРИШЕНЬКА (задумчиво, надевая штаны). О каком портрете ты говоришь?

НОРА (надевая халат). Ты не обратил внимания, что портрет в спальне теперь не висит на стене, а стоит на трюмо.

ГРИШЕНЬКА (надевая штаны). Тот, на котором ты — в одной рубашке.

НОРА (надевая халат). Сам Рид считал, что он ему удался.

ГРИШЕНЬКА (надевая штаны). А муж?

НОРА (надев халат). Что — муж?

ГРИШЕНЬКА. Е м у нравится?

НОРА. Ну вот, всю жизнь висел у меня портрет, а из-за мужа я его возьму и сниму? Что скажут все?

ГРИШЕНЬКА (решительно надевая штаны). А Ридерман знал твоего первого мужа? А третий муж — Ридермана?

НОРА. Конечно. Разумеется.

ГРИШЕНЬКА (надев штаны). Все знали всех, и надо же — все равно поразъехались.

НОРА. Признаться, никогда этого не понимала. Боречка был очень больной, а теперь ведет в Иерусалиме рубрику «По родной стране». Я его никогда не любила,

но он интересовался театром и был младше меня на два года.

ГРИШЕНЬКА. А Ридерман?

НОРА. На семь.

ГРИШЕНЬКА. Тоже был больной и интересовался?

НОРА. Днями простаивал у подъезда.

ГРИШЕНЬКА. Там они и познакомились с Боречкой?

НОРА. Я уже знала, что с Боречкой жить не буду, потому что ему не нравилось, что у меня много друзей. Потом он решил уехать — и пришел ко мне. Он просил меня и Манечку уехать с ним и встал на колени. Он плакал, вошел Рид. Боречка вытер слезы, Монечка наступал на него с кулаками, Боречка уехал в Израиль и год не писал домой писем.

ГРИШЕНЬКА. А что с Ридерманом?

НОРА. Когда он уезжал, у меня был Клод.

ГРИШЕНЬКА. Ему тоже не нравилось, что у тебя много друзей?

НОРА (живо). Как ты догадался? Страшно не нравилось. Он просто бледнел — так ему не нравилось. Моих друзей терпеть не мог. Наполовину француз.

ГРИШЕНЬКА. Я думал — ты про Ридермана.

НОРА. Про того и говорить нечего. Очень нервничал.

ГРИШЕНЬКА. И поэтому уехал?

НОРА. Это уже допрос. Сварю кофе.

ГРИШЕНЬКА. А нынешний муж?

НОРА. С ним было спокойно. Когда Клод мне сделал предложение, я вышла за своего теперешнего мужа. А Клод звал в Париж!

ГРИШЕНЬКА. И здесь все расстроилось.

НОРА. Тогда еще никто не мог знать, что мужа не отпустят в Женеву. А его взяли — и заменили в последнюю минуту. Он думает, что это из-за меня, но это не так. Я осталась собой, а его ведь направили-таки, наконец, в арабскую страну. Но я и теперь не могу поехать.

ГРИШЕНЬКА (дуя на кофе). В скольких же городах ты не была?

НОРА (живо). С Боречкой в Иерусалиме, с Ридом в Нью-Йорке, с Клодом в Париже, с мужем в Женеве. Но зато с тобой — с тобой не пожила в деревне. Такого у меня ни с кем не было.

ГРИШЕНЬКА. Некоторые, если им выпадает так часто не уезжать — прямо в тоску впадают.

НОРА. Но у меня есть моя девочка. Ради нее можно отказаться от любого отъезда. Кстати, уже первый час, а она даже не позвонила.

АВТОР (ладошкой из третьего ряда, прикрываясь). В замке поворачивается ключ, входит Маша.

Входит Маша, ей по-прежнему около двадцати, чуть менее человеческое выражение лица, вежлива, бант больше не носит, по привычке изредка делает книксен.

НОРА. наконец-то. Сколько раз я тебя просила: если ночуешь у подруги — не поленись утром позвонить. (Гришеньке). Удивительная девочка, лень поднять трубку и набрать номер. (Маше, вглядываясь). Как Света? Что вы слушали музыку, рисовали, читали Фета и других поэтов?

МАША. Нет не читали.

НОРА. Понятно, просто болтали. Миленко так болтали о том, о сем. Вот как мы с Гришенькой.

МАША. Я была у Володи.

НОРА. Ах, вот оно что. Вы со Светой поехали к Володе. Прелестно. Но где же живет этот мальчик? Он, кажется, иногородний. Наверное, в общежитии?

МАША. Он снимает комнату. А со Светой мы не делились.

НОРА. Разминулись со Светой? Странно, ты же мне сказала, что вы созвонились. Наверное, она ждала у первого вагона, другая — у последнего.

МАША. Я была у Володи без Светы.

НОРА. Ах, так. Вы решили поехать к Володе, но Свету что-то задержало. Вы были с Володей вдвоем. Клод Моне, Эдуард Мане. Так за импрессионистами и забыли про время. Конечно, в ночь девочке уезжать было поздно, а денег на такси не оказалось. Мальчик-то из провинции, все сам да сам, стипендия небольшая... Глупенькая, так отчего же ты не позвонила? Боялась меня разбудить? Вот пустяки. Володя посадил бы тебя в машину, а я встретила бы, расплатилась с шофером...

За стеной начинает стучать пишущая машинка

(Гришеньке). Представляешь, стучит днем и ночью. Для арабской страны, оказывается, надо готовить бездну документов.

МАША. У меня были деньги на такси.

НОРА (принимаясь мыть чашки, между прочим). И как вы... провели время?

МАША. Мило. (Делает книксен). Он стал моим мужем.

НОРА (оставляя чашки). Ну-ну-ну-ну, ты никогда так не говорила с мамой.

МАША (делая книксен, со слезой). Никогда.

НОРА (между прочим). Надеюсь, у тебя хватило вкуса не совершать буквальных поступков.

МАША (плача). Вкуса у меня хватило. Он буквально мой муж.

НОРА. Ты была с ним близка?

МАША. Я его л-л-люблю.

НОРА (обнимая ее). Помилуй, но вы знакомы-то без году неделя, а так сразу. Представь, поступила бы так твоя бабушка. Венера или я?

МАША (тихо). Он меня не заманивал обманом, мама.

НОРА. Благородная моя.

МАША. Мне вспомнилось. Та, наверное, думаешь, что я не помню. А я помню.

НОРА. Как мы с тобой ночами разговаривали?

МАМ. Нет.

НОРА. Как ты боялась, глупенькая, что я тебя брошу?

МАША. Нет.

НОРА. Как ты меня спрашивала, какого папу я больше люблю: папу Борю, папу Моню, папу Клода, папу...

МАША. Мне было четыре года и я жила у бабушки. Ты приехала к нам и осталась ночевать. У тебя была сумка через плечо.

НОРА. Тогда такие только входили в моду.

МАША. И в сумке белье, и зубная щетка, и губная помада, и ночная рубашка. Ты тогда осталась ночевать, потому что от папы ты уже ушла, а с Ридерманом поссорилась.

НОРА. Не помню.

МАША. Ты с ним поссорилась, а на нас с бабушкой внимания не обращала и все сидела около телефона. А сумка была оранжевая. И я — я в нее залезла.

НОРА. Зачем?

МАША. Мне было четыре годика. Я достала твою ночную рубашку и понюхала.

НОРА. Да?

МАША. Она пахла.

НОРА (оглядываясь). Чем?

МАША. Тобой. И я засунула рубашку обратно, и заплакала, и потащила сумку к порогу, и закричала, чтобы ты больше не приходила к нам.

НОРА. И я отшлепала тебя.

МАША. И ты отшлепала меня.

НОРА. Почему ты об этом?

МАША. Я хочу, чтобы ты меня простила. (Всхлипывает). Мне же было всего четыре годика... Он сейчас придет.

НОРА. Кто?

МАША. Володя.

НОРА. Сейчас?

МАША. Он придет тебе делать предложение.

НОРА. Мне?

МАША. Да, он придет делать предложение, чтобы я вышла за него замуж.

НОРА (Гришеньке, который разглядывает стены по второму кругу). Бог мой, ей едут делать предложение, а у нее еще не сдан зачет по плакату.

ГРИШЕНЬКА (ревниво). В ЗАГСе не проверяют зачетные книжки.

НОРА (опираясь на него). Не шути в такой час. Подумать только, совсем девочка — и уже собирается кому-то что-то предлагать. Ах, это я — забыла, закружилась, увлеклась, потеряла ее. Я не заметила, как она выросла. Я вся в заботах, сушу сухари, достаю ионизатор, в МИДе готов служебный паспорт, в кассах нужно брать билет, Фима должен привезти икры, — и вот результат: девочкой совершенно некогда заниматься. А ведь я хожу на массаж с одной англичанкой, у которой сын — Манечкин ровесник. А у другой моей подруги — племянник француз. Но на все нужно время! Нужно было устроить второй завтрак и пригласить подругу с племянником, англичанку же позвать на фэйф-о-клок с ее сыном-англичанином. Да, Боже мой, если бы только знать — все можно было бы устроить. А теперь сюда едет иногородний мальчик, а на его предложения просто нечего возразить.

МАША. Дверца лифта хлопнула. Это он!

НОРА (Вглядываясь в Гришеньку). Знаешь, мне кажется, я брала от жизни то, что должно было принадлежать Манечке.

ГРИШЕНЬКА (ревниво). О чем ты?

НОРА. Да-да, я забирала у нее радости, которые уж должны были радовать ее.

ГРИШЕНЬКА (ревниво). Что ты имеешь в виду?

НОРА (падая к нему на грудь). Я не имела права любить тебя. Это счастье должно было достаться ей. Мне пришло время достойно стареть. (Лезет Гришеньке в штаны). Конечно, легко сказать, у кого достанет сил от такого отказаться.

ГРИШЕНЬКА (заинтересованно). Я и сам так иногда думал, признаться. (Оглядывает Машу).

НОРА (понижая голос). Я придумала!

ГРИШЕНЬКА (понижая голос). Быть может, ничего страшного? Пусть поженятся.

НОРА (еще тише). Да-да, пожалуй, ей пора замуж.

ГРИШЕНЬКА (оглядывая Машу, совсем тихо). Конечно, ей пора.

НОРА (шепотом). Коли так получилось, то пусть выходит. За тебя!

МАША (громко). Нет, мимо проехал.

ГРИШЕНЬКА (пошатнувшись)...

НОРА. Ах, как мы все уживемся. По вечерам я буду заваривать моим деткам чай. Ведь вы мои детки (Разводит руками, призывая обоих в свидетели). Мы будем собираться все вместе вот здесь, за этим столом, — и я буду заваривать чай.

МАША (отчаянно). У него столько своих убеждений и никаких авторитетов!

НОРА. К нам будут приходить гости, будут собираться друзья. Будет приходить Белов, Краснов, Плошкина. Фима будет приносить дефицит. Мы здесь чудесным образом поместимся. И я познакомлю тебя с Цыганом, наконец. Цыган будет петь, плясать...

ГРИШЕНЬКА (ревниво). Не хочу ни с кем знакомиться.

НОРА. Но отчего же? Ты же будешь ее мужем. А моим товарищем.

ГРИШЕНЬКА. Это действительно, несколько меняет дело.

МАША. И всего добивается сам!

НОРА. Сколько ярких людей у нас сможет бывать.

ГРИШЕНЬКА (грустно в зал). И снова все под одной крышей.

НОРА. Что ты сказал?

ГРИШЕНЬКА. А я думал после его отъезда хоть немного побыть с ней вдвоем.

НОРА. Никогда так не поступала.

ГРИШЕНЬКА. Как?

НОРА. Так, как ты говоришь. Никогда не жила с несколькими под одной крышей.

ГРИШЕНЬКА. А... А с ним и с о м н о й? (Показывает на стену, из-за которой стук).

НОРА. Пошло, Гришенька, пошло. А я-то думала: ты женишься на Манечке. Она закончит институт, ее отец пришлет вам вызов. Вы уедете в Америку, а потом и я — приеду к вам. Видишь, я готова доверить тебе самое дорогое, а ты так несправедлив.

ГРИШЕНЬКА (неожиданно ярясь). Но ведь так б ы л о. Я был с тобой здесь, а о н — там. И в первом акте, и во втором.

НОРА. Никогда тебе не изменяла. А то, что ко мне приходят люди, как ты намекаешь, так это мои товарищи. Я не виновата, что ко мне тянутся, как к человеку. Тянутся и тянутся, сами лезут.

ГРИШЕНЬКА. Так значит, ты и с Беловым спала?

НОРА. Такое говорить!

ГРИШЕНЬКА. И с Цыганом?

НОРА. Как не стыдно?

ГРИШЕНЬКА. И с Фимой спала? И с Ванюком?

НОРА. Этих-то зачем приписал?

ГРИШЕНЬКА (ярясь еще больше). Может быть, ты и с Мишенькой не спала? Может быть, он не приходил сюда по утрам?

НОРА (несморгнув). Он за мной ухаживал. Был влюблен. Грозил повеситься. Это было всего один раз. Я, быть может, была для него важна, как женщина...

ГРИШЕНЬКА (отчаянно). Значит, со всеми спала. Со всеми, со всеми, со всеми спала. Ноги раздвигала. Юбку задирала... (Тычет пальцем в зал).

АВТОР (прикрываясь ладошкой). Со мной — нет.

НОРА (запальчиво). А вот было же в девятнадцатом веке так, что у каждой дамы — своя гостиная. Приезжали гости, подруги, знакомые...

ГРИШЕНЬКА (с тоской). Товарищи.

НОРА. Музицировали, играли в карты, пусть флиртовали, влюблялись, но было мило. И никому ничего такого в голову не приходило. (Страстно). Никто никого не обвинял!

ГРИШЕНЬКА (с тоской всматриваясь в 19 век). Пушкин с сестрой... Вяземский с Хитрово... Княгиня Волконская с Муравьевым-Апостолом... Жорж Санд с княгиней Агу... Некрасов с Панаевым... Быть не может. (Дает Норе пощечину, летит пыль).

НОРА (повизгивая). Недаром мне снилось, что когда мы были в деревне, ты схватил за жопу у колодца девку с ведрами... Сам блядун. (Дает Гришеньке пощечину, летит пыль).

Они могут и еще по разу дать друг другу по физиономии. Осень, сыро, начинают падать листья. Очень слышен стук пишущей машинки. Листья падают сверху, медленно кружась, ложатся на стол, на пол, планируют в зал. Появляется Володя. На нем штаны из мешковины, белая сорочка и бабочка в горошек, на ногах лаковые сапожки. Он по-прежнему хорош собой.

ВОЛОДЯ (растерянно). Не знаю, с чего начать.

МАША (бросаясь к нему). Я все рассказала маме.

ВОЛОДЯ (растерянно). Уже обо всем известно?

НОРА (отряхиваясь). В общих чертах.

ВОЛОДЯ (с надрывом). Не понимаю, как такое могло случиться.

ГРИШЕНЬКА (отряхиваясь). В этом никогда задним числом не разберешься.

ВОЛОДЯ. Ах, если бы это оказалось недоразумением.

МАША (с надрывом). Только не вини себя!

НОРА. Как невоспитанно: воспользоваться тем, что у матери много забот, затащить ребенка в постель...

ВОЛОДЯ (отчаянно). Ехали в такси на заднем сиденье.

НОРА. Это не оправдание.

ВОЛОДЯ. Шофер делал слепой поворот на полном ходу...

МАША (отчаянно). Мама! Скажи же Володе добрые слова.

НОРА. Нет, у меня опускаются руки. Скорее всего, я сейчас заплачу.

ВОЛОДЯ. А справа грузовик. Они залетели под передний мост. Боже мой, еще позавчера мы были все вместе в пивном баре.

ГРИШЕНЬКА. Не надо вилять. Женишься — так женись, нет — не мешай другим. Сам знаешь, нынче прямые родственники в Иерусалиме на дороге не валяются.

МАША. Мама! Ты же видишь — Володя плачет. Не будь недоброй, никого не вини.

ВОЛОДЯ (плача). Они оба в реанимации, и врач сказал, что надежд мало.

НОРА. Мало надежд?

МАША. Асенька! Что с ней?

МАША и ВОЛОДЯ обнимаются.

ВОЛОДЯ. Боюсь — мы их больше не увидим. Ни Асенька, ни графа.

НОРА (Гришеньке). Ты что-нибудь понимаешь?

ГРИШЕНЬКА (Автору). Автомобильная катастрофа, насколько я могу судить?

АВТОР разводит руками.

НОРА. Боже мой. (Автору). Но можно надеяться, что все обойдется?

Автор разводит руками.

Здесь и без того столько проблем. Ну, хорошо, они поженились (Показывает на Машу и Володю). Но где они будут жить? И на что — ведь оба студенты...

ВОЛОДЯ. Снимем подвал, чердак, мезонин и антресоль. Пойду грузчиком, а вас — и не подумаю стеснить.

МАША. Ты видишь, мама, какой он! Будем жить у меня в комнате.

ГРИШЕНЬКА (Норе). Позволь, но мы только что договаривались.

НОРА. Голова кругом.

МАША (Володе). Я тебе рассказывала — с Асенькой мы учились вместе в английской школе.

ВОЛОДЯ (Маше). С кем я буду пить на брудершафт?

МАША. Я не любила девочек, а Асеньку — очень.

ВОЛОДЯ. Ведь это он говорил, что в России только и осталось аристократов: крестьяне и дворяне. И тех и других мало. Я да он.

МАША. Асенька говорила, что Бог — это несогласие каждого быть одиноким. Поэтому, когда один человек находит другого — это Богу нравится.

ВОЛОДЯ (плача). Как поживает милостивый государь?

МАША (плача). Государь чувствует себя хорошо... Асенька!

АВТОР. Входит Фрося. Она пьяна.

Входит Фрося; Пьяна в лоскуты. За ней — незнакомый гражданин в плаще и кепке.

ФРОСЯ. А вот и я. Чего-то вас так много. Сегодня ж воскресенье.

НОРА (раздраженно). Только первый час.

ФРОСЯ. Знакомьтесь, это мой друг. (Показывает через плечо на Гражданина). Это Машенька. (Показывает Гражданину Машу). Это кто-то. (Показывает на Володю). А это Гришенька. (Целуются с Гришенькой. Гражданину). Проходи. (Норе, доверительно) Это Юра. Эй, Юрой тебя зовут?

Гражданин не спеша проходит в кухню, не снимая плаща и кепки, достает из внутреннего кармана бутылку водки, не спеша открывает ее, смахивает на пол листья, находит пустой стакан, смотрит на свет — не слишком ли грязный, вытирает край стакана изнутри пальцем, наливает себе две трети, выпивает, не закусывает, а закуривает «Беломор». За стеной стучит машинка. Все в недоумении смотрят на Автора. Автор, зажав под мышкой, рукопись, встает, извинившись перед зрителями, и пробирается на сцену. Выбирается на свой насест. Читает.

АВТОР. Наливает себе две трети, выпивает, не закусывает, а закуривает «Беломор».

Гражданин все повторяет в точности, продолжает курить «Беломор».

НОРА (со смешанным чувством, Фросе). Где ты его взяла?

ФРОСЯ (беззаботно, пьяно). Старый друг. Старый друг. Юрик, налей мне.

Гражданин наливает и ей и себе еще две трети. Плюет на пол. Вбегает Мишенька.

МИШЕНЬКА (бросаясь к Норе). Не ручаюсь за себя. Единственная из женщин. Еще вчера была ласкова, а нынче — во всем призналась (Рыдает).

Гражданин и Фрося чокаются и выпивают. Стучит машинка. Листья падают.

Как хорошо, что я тебя застал!

НОРА (по привычке гладит его по голове). Вот это товарищ! (Гришеньке укоризненно). Он не бросил меня в эту минуту.

МИШЕНЬКА (рыдая). Не могу больше быть актером гитары, у меня дрожат пальцы. Она изменила мне, а у нас ребенок.

НОРА (охлаждаясь). Положим, ребенок здесь ни при чем. Ребенок того и гляди выйдет замуж. И кроме того, я не так стара, чтобы всегда казаться целомудренной.

МИШЕНЬКА (рыдая). Попросила у меня развода. (Не в силах сдерживаться хватает гитару. Начинает петь на мотив вальса «Ленинград, я еще не хочу умирать».)

НОРА (охлаждаясь окончательно). Нет в такой обстановке не поговоришь. (Маше и Володе). Мне так и неясно...

МАША (сквозь слезы счастливым голосом) Володя на мне хочет жениться.

ВОЛОДЯ (Норе). Я хотел бы на ней жениться. Если позволите. (Топают сапогами; спохватывается, отдает честь; спохватывается, кланяется; спохватывается, говорит по-французски). Силь-ву-пле.

МАША (сквозь слезы счастливым голосом). Володя и вещи уже привез, и с квартирной хозяйкой расплатился.

ВОЛОДЯ (по-русски). Да вы не переживайте: у нас с Манькой уж все заладилось. Теперь нам быстро надо пожениться, потому что мой батя очень против, когда без росписи.

МАША (счастливо). Володенька из общежития уже выписался. Володя, скажи маме добрые слова.

ВОЛОДЯ. Да неудобно как-то. Я лучше за вещичками пойду... (Уходит).

МАША (ему вслед). А мамин муж устроит тебя художественным редактором в АПН.

ВОЛОДЯ (возвращаясь). А как же, теперича семью кормить надобно. (Приносит вещи в комнату Маши, устраивается и прописывается).

НОРА (драматически). Ты только одно мне скажи, Маша, только одно скажи. Я уже совсем скоро стану бабушкой?

МАША (растерянно). Я не знаю.

ВОЛОДЯ (устраиваясь за стеной). Да не, мы с Манькой, пока диплом не получим, рожать не будем спешить.

ГРИШЕНЬКА. Так значит — все уж решено?

НОРА (опираясь на него). Еще вчера у меня была девочка.

МИШЕНЬКА (рыдая). Еще вчера называл ее Коломбиной. Называл моим Бинчиком. Своей женой.

ГРИШЕНЬКА(обнимая Нору). Не расстраивайся, бери пример с меня. Только что я собирался к прямым родственникам, а теперь, видно, их не увижу. Ты меня любишь?

НОРА (обнимая Гришеньку). Ты меня любишь?

Гражданин и Фрося продолжают тем временем выпивать. Фрося включила телевизор.Гражданин внимательно смотрит в него, жует папиросу.

ФРОСЯ (пьяно). Опять Плошкина. Ведет концерт, посвященный этому Дню. (Гражданину). Только о хуях.

НОРА (устало). Ей дали заслуженную. Она забежит попрощаться с н и м. Что ж, паспорт готов, билет куплен, надо собирать чемодан!

Фрося ныряет под тахту, достает огромный пустой чемодан. Гражданин сплевывает на пол. Падают листья. Нора берет связку сухой колбасы и опускает на дно чемодана. Стучит пишущая машинка. За другой стеной слышно, как Маша и Володя вбивают гвозди.

ФРОСЯ (фукая). Молодые. Устраиваются.

АВТОР. Из-за двери слышен голос Ванюка.

НОРА. Несчастный отец.

ГРИШЕНЬКА. Да уж.

ГОЛОС. Выебли! Выебли!

Все прислушиваются. Гражданин сплевывает на пол. появляется ВАНЮК

ВАНЮК. Фу! Вы ничего не знаете? Жен Дунина выебли на Пицунде. Обеих!

НОРА (в сторону). Прекрасно держится!

ФРОСЯ (бросаясь к нему со стаканом). На, выпей.

ВАНЮК (выпивая). Старшую один цеховщик увез с собой в Сухуми и отпустил только через три дня с полной сумочкой денег. А вторую, пока Дунин на пирсе ловил карасей, использовал на пляже один грузинский актер.

ГРИШЕНЬКА (ядовито). Карась — речная рыба.

НОРА. Еще бы, такое несчастье. (Ванюку, очень расстроенным голосом). Мы все потрясены.

ВАНЮК (допивая стакан). Не надо (Плачет).

АВТОР. Входит Фима.

Входит Фима. В каждой руке по большой металлической банке.

ФИМА. Вот, достал восемь килограммов. Потом, потом. Если о н правильно этой икрой распорядится, купит голды побольше и провезет — вы станете миллионерами. (Деловито). Привет, Ефросинья. Паспорт готов?

ВСЕ (кроме Гражданина и Ванюка). Готов!

ФИМА. Билет есть?

ВСЕ (Кроме Гражданина и Ванюка). Есть!

ФИМА. Можно ехать!

ФРОСЯ. Складываем чемодан!

НОРА. С отъездом все ладится, но сколько несчастий.

ВАНЮК (жалобно). Не надо.

Фима подходит к столу. Какое-то время он и Гражданин смотрят друг на друга. Гражданин плюет на пол, наливает себе и Фиме, они выпивают. Все смолкают, смотрят на них. Стучит машинка. Гражданин закуривает «Беломор». Фима закуривает » Кент». Гражданин встает и уходит.

ГРАЖДАНИН (возвращаясь, пожимает Фиме руку. Уходит. Возвращаясь). Покедова. (Уходит).

ФИМА. Чао.

НОРА (мечтательно). И неужели же ничего не пропало? Он был похож на — преступника. Какое выразительное лицо. (Фросе). Как ты с ним познакомилась?

ФРОСЯ (пьяно). С Юриком? Не помню. Старый друг.

ГРИШЕНЬКА (ядовито). Обыкновенный алкаш.

МИШЕНЬКА (растерянно, уже не рыдая). Отчего моя жена так поступила?

ВАНЮК (икая). Так всех и выебли.

НОРА (мечтательно). Наверное, что-нибудь да украл!

АВТОР. Входит Плошкина. С ней Краснов.

Входит Плошкина. С ней Краснов. график, щупл, с трудом несет свое шампанское.

ПЛОШКИНА. Прямо из Колонного зала!

ВСЕ. Поздравляем! Поздравляем!

ПЛОШКИНА (приятно удивлена). Вы уже знаете? Да, вы правы, это звание я заслужила. Вот Краснов, мы встретились, он тоже хочет меня поздравить!

Краснов еле удерживает пробку шампанского. Ванюк первый подходит с бокалом. Фрося за ним. Всем наливают. (Чокаясь со всеми). Когда мы приехали в Танзанию, муж предупреждал меня, чтоб я не ходила одна ночью и остерегалась бабуинов. Я ночами простаивала на нашей веранде, но бабуины оказались просто обезьянами. причем маленькими.

КРАСНОВ (потупясь). Всю ночь читал Мережковского. Хочу создать к его Антихристу графический цикл. Знаю — никто не будет публиковать.

Все оживленно продолжают выпивать. Фима устанавливает банки с икрой в чемодан. Падают листья. Стучит машинка. В стену в комнате Маши вбиваются гвозди.

ГРИШЕНЬКА (Краснову). Вас тоже перестали печатать?

КРАСНОВ (давясь шампанским)...

ПЛОШКИНА (кивая на Краснова). Автор около сотни книг. Два приза на международных выставках. Ведущий график страны. Идет на госпремию...

КРАСНОВ (потупясь, цепляясь за зад Плошкиной). В начале шестидесятых или в конце пятидесятых однажды я нарисовал...

ФРОСЯ. Хер во-от таких размеров.

КРАСНОВ (потупясь, расцветает). Вы знаете об этом? В то время это получило огласку. Правда, не удалось вписаться в историю, но то был период большого подъема. И готовности к любой жертве...

ПЛОШКИНА (кивая на Краснова). Да-да, жертвовал собой... Но где же он? Хочу на прощание выпить с ним шампанского.

ВСЕ (кроме Ванюка, который наливает себе сам, и Автора, которому никто не наливает). К отъезду все готово!

ПЛОШКИНА. И служебный паспорт?

ВСЕ (кроме Ванюка и Автора). Проштампован!

КРАСНОВ (цепляясь за зад Плошкиной). И билет?

ВСЕ. Приобретен!

ПЛОШКИНА (в стену, из-за которой стук). Иди же выпьем на прощание!

Стук смолкает. Все ждут.

ФРОСЯ (в тишине). Идет, кажется.

НОРА (громко). Да нет же, у него еще бездна работы. Документация для арабского востока.

Стук возобновляется.

Слышите, стучит без перерыва. Выпьем без него.

Все выпивают. За другой стеной — стук молотка.

И здесь стучат. (Опираясь на Гришеньку и Мишеньку). Такое ощущение, что все перестраивается. Такое

впечатление, будто что-то пропало. (Мечтательно). Не может быть, чтобы ничего не украл!

ГРИШЕНЬКА (ощупывая карманы). Ровным счетом ничего.

МИШЕНЬКА (рыдая). Все пропало.

КРАСНОВ (Норе). Когда Моня Рид только что уехал, и ты была на бобах, и приходила ко мне в мастерскую, и я тебя рисовал...

НОРА (холодно, светски). У меня дочь выходит замуж!

ПЛОШКИНА. Неужели? Кто же он?

Появляются Маша и Володя, держась за руки.

МАША. Мама! Мы перевесили коврик!

НОРА. Отчего?

ВОЛОДЯ. И шкаф пододвинули.

НОРА. Это еще зачем?

МАША (счастливо). Володя развесил повсюду свои проекты!

ВОЛОДЯ. Диван поставили посередине!

МАША. Но места все равно не хватает, мы будем иногда работать на кухне.

НОРА (с ужасом). Здесь?

ВОЛОДЯ. Придется пододвинуться!

ПЛОШКИНА. А мы и не заметили, как у Норы выросла дочь!

КРАСНОВ (потупясь). И совсем самостоятельная.

ФРОСЯ. Горько!

ФИМА. Горько!

МИШЕНЬКА (рыдая). Ах, горько!

ВАНЮК (икая, плача). Деточки мои!

Все готовятся выпить.

НОРА (отчаянно). Подождите!

Все замирают.

А я? А я где? Еще вчера у меня была девочка, а сегодня — о н уедет, и на собственной кухне у меня нет места?

ВСЕ. Ну, зачем же так? Ну, зачем же так?

НОРА (горько). А говорите — ничего не украли. Говорите — ничто не пропало. Девочка будет замужем, муж — на арабском востоке, зять будет сидеть на моей кухне...

ВОЛОДЯ (расстегивая штаны из мешковины, спуская их). Буду работать редактором в АПН! (Остается в черных брюках).

НОРА. А я?

ГРИШЕНЬКА (отчаянно). А я?

ПЛОШКИНА (отодвигая Гришеньку). Так поезжай же с н и м!

ВСЕ (радостно). Конечно!

ПЛОШКИНА. Африку увидишь!

ФРОСЯ. Бабуинов поглядишь!

ФИМА. Привезешь клоуза по штатскому каталогу. Вельвета и замши. Кожи и джинов! Двухкассетный «Шарп» без пошрины!

НОРА (простирая руки к Маше). Но девочка не сда-ла зачет по плакату!

КРАСНОВ (потупясь, цепляясь за зад Плошкиной).
Пустяки, позвоню декану.

ГРИШЕНЬКА. А я? (Норе). Когда я познакомился с тобой в конце прошлого акта, ты сказала мне, что я одинокий?

НОРА. Степной волк.

ГРИШЕНЬКА. Я предупреждал тебя, что я на пороге? Что не знаю — что же дальше? НОРА (в зал, гордо).
Двадцать восемь лет.

ГРИШЕНЬКА. И вот, когда я говорил, когда я проникся, когда я почувствовал, что у меня впервые есть дом, есть женские руки, которые погладят, есть женское сердце, которое поймет, — все рушится. Из-за тебя я не поехал в деревню, не написал поэму, не женился (показывает на Машу) и не уехал к прямым родственникам! А ты — ты хочешь предать меня?

НОРА (в зал; с сожалением). И все ж таки яркий.

ГРИШЕНЬКА. Разве я не нарисовал тебе единственный тополь на берегу? Деревеньку, беседку в саду, всю увитую? Разве я не расписал тебе наш очаг, в котором шипели бы... А ты хочешь все зачеркнуть?

ВСЕ (выстраиваясь вокруг отверстого чемодана).
Паспорт проштампован!

ГРИШЕНЬКА. Я знал, я знал, что в этом доме жили до меня другие. Но не хотел верить, что и мне придется быть в нем только гостем!

ВСЕ. Билет приобретен!

ГРИШЕНЬКА (отчаянно) Неужели мне возвращаться туда, где не было ничего своего. Неужели снова рифмовать ради случайной нежности? Пойми, у меня ничего, кроме тебя. Это — не мое! (Срывает с себя цепочку). Это

подарила мне Эве из Таллинна! Это тоже не мое. (Скидывает пиджак()). Оля из Ленинграда!

И пиджак, и цепочку, и все прочее подхватывают гости.

Свитер моей первой жены! (Снимает свитер). Майку привезла Гуля из Парижа! (Стягивает майку). Джинсы я обменял на два диска, которые дала Джуди из Соединенных Штатов! (Выскакивает из джинсов). Носки, правда, мне купила мама, но эти трусики остались от моей второй жены! (Избавляется от трусиков). Я голый перед тобой!

НОРА (порывисто). Возьми мой платок! Это тебе на память! Мне прислал из Лондона Джон когда-то...

ГРИШЕНЬКА. Разве ты не была травой со мною! (Ловит платок и повязывается им).

ВСЕ(кроме Автора, проходя по очереди мимо чемодана, бросают каждый в него одну из Гришенькиных вещей). Билет проштампован, паспорт приобретен... Это тебе на память, это тебе на память...

ПЛОШКИНА. Я рада за тебя.

НОРА. Спасибо, Фенечка. (Целуются).

ФИМА. Хоть бы одну сильверовую цепочку.

НОРА. Не забуду. (Целуются).

ФРОСЯ (фукает)...

НОРА. Будь умницей, убирай за собой постельное белье. (Целуются).

ВАНЮК (плача). Не надо.

НОРА. Пришлю кокосовый орех. (Целуются).

КРАСНОВ (потупясь). Декану мы с Беловым позво-
ним.

НОРА. Получите госпремию. (Целуются).

МИШЕНЬКА (рыдая). Ты вернешься?

НОРА. И она тоже. (Целует его в макушку).

МАША (бросаясь). Мама!

НОРА (плача). Девочка моя! (Обнимаются, замира-
ют).

ВОЛОДЯ. Жаль, что с моим батей не успели позна-
комиться.

НОРА (вздыхая). Я столько не успела. (Целует его в
лоб).

ГРИШЕНЬКА (кричит). Ты не сделаешь этого! (Дает
Норе пощечину, летит пыль).

НОРА. Он говорил, что я со всеми всегда под одной
крышей. Такое неуважение в моем положении. Я имею
в виду свой возраст. (Дает Гришеньке пощечину, летит
пыль).

ФРОСЯ (восторженно). Ой, сколько пыли! Дальше,
дальше. (Разворачивается, попадает по морде Мишень-
ке. Летит пыль).

АВТОР (держа рукопись закрытой). Осень, падают
листья, идет дождь.

Начинает накрапывать дождь. Из-за стены доно-
сится стук пишущей машинки.

ВЕНЕРА (появляясь у автора за спиной, садясь ря-
дом с ним). Фу, села. Только что из Сочи.

АВТОР (вежливо). Приятная была компания? Хоро-
ший ли номер?

ВЕНЕРА. Импозантный грузинский замминистра стоматологии, техник по автомобилям из Львова, аккуратный молодой человек. Диктор Левитан. Как раз вчера ужинали в «Сакле». Вечер запомнился, грустный и легкомысленный. А что происходит здесь?

АВТОР. Признаться, я несколько упустил нить.

ВЕНЕРА. Нити надо держать крепко, поверьте мне. Держите их вот так. (Показывает). В Сочи я несколько пришла в себя, окрепла, и теперь...

АВТОР. Не знобило?

ВЕНЕРА. Ну что вы, погода была превосходная.

АВТОР. А мне что-то зябко.

ФРОСЯ. Даже глаза щиплет! (Дает Мишеньке по морде, летит пыль.).

МИШЕНЬКА (рыдая). Коломбина! (Хватает гитару, поет закатываясь «Ленинград, я еще не хочу умирать», вальс).

АВТОР (Венере). Введу вас пока в курс дела. Маша, если я не ошибаюсь, выходит замуж.

Маша делает Венере книксен. Берет Володю под руку.

Нора собралась уехать с мужем в арабскую страну.

Нора закрывает чемодан, надевает плащ. Садится на чемодан в позе отъезжающей, раскрывает над собой зонтик.

У молодого человека (показывает на Гришеньку) не осталось ничего своего.

ГРИШЕНЬКА (имея в виду платок). Прислал какой-то Джон.

АВТОР. И самая печальная весть...

ВЕНЕРА (решительно перебивая). Нет-нет, довольно. То, что вы перечислили — и так достаточно. И о н — здесь?

ВАНЮК (замечает Венеру, икая). Это вы мне? Не смейте!

НОРА. Венерочка, как отдохнула, милая? Я уезжаю. в арабскую страну. Меня подхватил какой-то ветер. Все вокруг стало шатко. А о н — стучит до последней минут.

ФРОСЯ. Чемодан собрали. Пыли натрясли. (Трет глаза кулаками).

ФИМА. Простите, Венера, что я вас не встретил на аэродроме, как обещал. И не проводил вашу племянницу в Казань. У меня больна мама, но я выучил все-все ноты, что вы мне дали. Извините, бегу вызывать такси в аэропорт Шереметьево. (Бросается к телефону, названивает).

АВТОР (Венере). Право слово, плюньте на него, не расстраивайтесь...

ВЕНЕРА (Автору, но следя за Фимой). Помолчите, мальчишка.

ПЛОШКИНА. Чемодан закрыт, а мы еще не выпили за ваш отъезд! Где же о н?

ВАНЮК. Я здесь.

ПЛОШКИНА. Да не вы.

ВАНЮК (икая). Нет я! Вы думаете, я не понимаю — чем она пользуется. (Показывая на Венеру). Она полагает, будто если мою первую пьесу сняли в карагандинском кукольном, то со мною все позволено. То можно

улететь в Сочи, а меня заставить писать для себя копеечные монологи. (Кричит). Не выйдет. У меня — дочь умерла! Дочь умерла! Любимая дочурка. (Выпивает). Когда она была маленькой, совсем крошкой, я водил ее за ручонку в музыкальную школу через оживленную автомагистраль. (Плачет). Оно, конечно, вы скажете, что у меня младшая осталась. Что Асенькин, мол, уже и замужем была и как бы от меня все равно удалась. Но куда ж деть то, как я ее за ручку-то в музыкальную школу... Так что вы на меня теперь так не смотрите. У меня теперь, может быть, столько горьких хлопот, что вам и не снилось. У меня дочь умерла. Она замужем за графом была. Скажете, знаем мы этих дворян нынешних. И вот тут правы будете! Шваль, а не дворяне. У них, видите ли, на Ваганькове родственники похоронены, у них там место, видите ли, на семью зарезервировано, потому что они хотят, что моя дочь с их сынком в одной могилке лежала! В одной! А он, я вам скажу, дрянь был. Знаю, знаю, забыл, как там по латыни, с мертвых все или ничего. Но я все скажу. Он бил ее! (Выпивает). Я сижу, вдруг слышу из-за стены: трах! И потом еще: трах. И доченька моя голоском слабым: папа! Я по коридору побежал, но остановился перед дверью. Черт их, думаю, разберет, все-таки графы, может, у них, у графов, так принято. Вернулся к себе, засел снова за радиопьесу. А вот здесь — кошки скребут... (Кричит). И после всего, чтоб моя дочь с ним в одной могиле! А потом с этими Подольскими площадь делить? Да они же по судам затаскают!

ФИМА (заинтересованно). У вас общая площадь?

ВАНЮК (икая). Сейчас нет, но будет — на кладбище! Ведь, когда я умру, я тоже захочу рядом с моей дочуркой. Так что ж мне в их могилу ложиться прикажете? (Плачет).

ФРОСЯ. Фу, пылища! (Разворачивается, снова попадает Мишеньке по морде. Летит пыль).

ВЕНЕРА (задумчиво). Да-да, на кладбищах нынче очень тесно. Меня это тоже заботит.

ГРИШЕНЬКА (кладя руку на плечо Ванюку). Оба мы упали с коней. (Плачет).

ПЛОШКИНА (будто ничего не слышала). Где же он? (Поднимает бокал с шампанским).

Все прислушиваются, ничего не стучит.

Иди же, выпьем на прощание!

ВЕНЕРА. По такому поводу, Норочка, и я подниму бокал!

ФРОСЯ. Тише. Идет, кажется.

НОРА (сидя на чемодане). Ах, теперь, он будет вычитывать, вносить правку. Не будем ждать. Выпьем. Присядем на дорожку.

Все присаживаются.

(Со слезой, поднимает бокал). Ну...

МАША (бросаясь). Мама!

НОРА. Девочка моя! (Обнимаются, замирают).

МАША. Только не вини себя! Я люблю его. Хочу и буду! И Богу нравится, когда один человек находит другого... Правда ведь!

НОРА. Правда, правда.

МАША. Еще недавно я так любила рисовать лес, за то, что деревья в нем переплетены корнями, стоят рядом и вместе прислушиваются. А теперь мне кажется это пустяком. Мама, ты любила и папу, и Моню, и Клода, и мужа, а я буду любить одного Володю, хотя и не знаю, люблю ли я его. Пусть он будет работать в АПН, пусть топает лаковыми сапожками, пусть даже плюет на пол... Мама, разве это имеет значение рядом с этим нашим одиночеством вдали от дома?

НОРА (тревожно). Не узнаю свою дочь!

МАША (с напором). И меня никто не отговорит, никто не отговорит! Не думай мама, что если Володя иногда раскован, то он не умеет себя вести. Он сможет постоять за себя. Просто он прямой, безо всяких связей, но он пробьется! Ты только оставь нам все телефоны...

ВОЛОДЯ (подскакивая в Краснову). Позвольте телефончик!

МАША. А я буду умной. На пустяки я и внимания не обращаю! Просто я не хочу быть одна, разве это плохо? А ведь когда всех много (обводит рукой вокруг), это хуже, чем одной быть...

ФИМА (глядя в зал). Такси к подъезду подрулило!

НОРА (поднимая бокал, всем). Ну...

ВСЕ. Доброго пути!

ПЛОШКИНА. Целую тебя!

ВЕНЕРА. Нора, ты всегда мне была, как дочь. Я присмотрю здесь за Манечкой!

ФИМА. Главное, чтоб на таможне икру не отобрали!

ФРОСЯ. Так и щиплет, так и щиплет. (Трет глаза).

КРАСНОВ. Двести девяносто, пятьдесят четыре... Вы записываете?

ВОЛОДЯ. Да я так запомню.

ФИМА. Со служебным паспортом не отберут!

НОРА (со слезой). Будьте здоровы, милые!

Все шумно встают. Выпивают.

ВСЕ. Присядем, присядем, присядем... Помолчим, помолчим, помолчим.

ФРОСЯ. Щиплет — не могу. Побегу за н и м. (Исчезает).

ФРОСЯ (выбегая). А о н...

Все молча сидят, выпив. Дождь накрапывает сильнее. Дамы раскрывают зонты. Автор поднимает воротник. Венера кутается в макинтош. Мишенька и Гришенька обнялись и застыли. В момент прощания они смотрели друг на друга. Проходит около минуты.

А о н... (фукает). А о н уже уехал!

НОРА (ставя чемодан). Так и знала, всегда мне не везет с отъездами. Вернее, везет на них. Вернее, все едут, а меня — что-нибудь да задержит...

ВСЕ. Улетел на самолете!

ФРОСЯ. Ну надо же!

ВСЕ. Уплыл на пароходе!

ПЛОШКИНА (отворачиваясь к Краснову). Когда я уезжала на Мадагаскар...

ВСЕ. Укатил на поезде!

ВАНЮК (бормочет). Ваганьково... Полулюкс...

НОРА (садясь опять на чемодан, ежась). Вот я и не побывала на арабском востоке.

МИШЕНЬКА (берет аккорд на гитаре).

ФРОСЯ. Налейте мне. Я, кажется, обоссанная сука.

ВОЛОДЯ (Маше). Это снимем. (Показывает на портрет руки художника Зверева). А это — перевесим.

Все выпивают. Нора сидит на чемодане посередине, на нее не обращают внимания.

ВЕНЕРА (Автору). Напомните, что там у нас сегодня.

АВТОР (заученно). Осень, воскресенье, первый час.

ВЕНЕРА (кутаясь). То-то я так устала. Эти самолеты, знаете ли, становятся все менее комфортабельными. Как и поезда, впрочем. Как и пароходы... Может быть, я устарела? И перестала что-либо понимать?

НОРА (сама с собой). И упал портрет, и рассыпались бусы. Странно, осень — и мне снится один и тот же сон.

ГРИШЕНЬКА (подходя к ней, придерживая платок). Волнуется высокая трава. Поле. Ты...

НОРА (смотрит на него). Такой одинокий.

ГРИШЕНЬКА. Ничего своего.

НОРА. Ты меня любишь?

ГРИШЕНЬКА. Ты меня любишь?

Обнимаются. В отдалении слышны звуки приближающегося табора.

АВТОР (устало листая рукопись). Входит Цыган. Цыган, мастер гитары и пляса, друг Норы время от времени.

НОРА (отстраняя Гришеньку). Кто входит?

АВТОР. Цыган.

НОРА. Неужели? (Оживает). Прелестно. (Отбрасывает зонтик). Мило. (Отпихивает чемодан). Я же говорила — всех познакомлю с Цыганом!

ЦЫГАН играет на гитаре и пляшет

ВЕНЕРА. Настоящий цыган?

ГРИШЕНЬКА (ядовито). Эстрада.

МИШЕНЬКА (Цыгану). А вы знаете эту песню? (Наигрывает).

ЦЫГАН пляшет и поет.

ВОЛОДЯ (Краснову). Вы позволите открыть? (Срывает с себя бабочку, хватая бутылку шампанского, топает сапогами).

МАША (Володе). Мамин товарищ!

ФИМА (Венере). Все-все ноты наизусть.

ВАНЮК. Две гитары за стеною... (Плачет).

НОРА (торжествующе, всем, показывая на Цыгана). Цыган!

ЦЫГАН еще больше пляшет и поет

КРАСНОВ (Плошкиной, цепляясь за ее зад). Так что же было на Мадагаскаре?

ПЛОШКИНА. Потом, Потом. (Полезает Цыгану в Гульфик). Какой важный!

ЦЫГАН скалится, еще больше играет на гитаре, пляшет, поет

АВТОР. Эх! (Спрыгивает со своего насеста, пляшет вместе с Цыганом).

Все сначала начинают подпевать Цыгану, потом пляшут вместе с ним и с Автором

а п л о д и с м е н т ы

***БЕЗ ЗЕРКАЛ,
ИЛИ
ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ***
комедия

ЛИЦА

ПАВЕЛ

ДЕВИЦА

АННА

СТАРУХА

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ

На старой даче; зимние каникулы.

Темная сцена. Звон разбитого стекла.

Голос ДЕВИЦЫ. Что-то разбилось!

Голос ПАВЛА. Ах, Гарднер Павла Павловича, Сафронов Нины Константиновны, братья Корниловы с Кузнецовым...

ДЕВИЦА. Осколки хрустят.

ПАВЕЛ. Что здесь может разбиться — вазы на баранолке, фарфор в комиссионке.

ДЕВИЦА. Моя пудреница упала.

ПАВЕЛ. Рухлядь. Ничего стоящего не осталось.

ДЕВИЦА. А ты на нее наступил. Ланком.

ПАВЕЛ. Вот раньше на даче хрустальную люстру держали... Все, двенадцать, теперь уже не приедет. (Зажигает свет, включает музыку). Теперь мы одни!

ДЕВИЦА. Кто, отец твой?

ПАВЕЛ. Никто не приедет. Ни из родственников, ни из знакомых. Ни из родных, ни из близких... Ну, что там у нас в заначке! (Развертывает свертки).

ДЕВИЦА (озираясь). Неужели хрустальную?..

ПАВЕЛ. Конечно. Прямо вот здесь, посреди потолка. Хочешь, покажу — как раньше жили? Вот, надевай. (Дает Девике какой-нибудь давний жакет, пожилую юбку, лысую горжетку; сам надевает старый пиджак).

ДЕВИЦА (одеваясь). Неужели раньше так вот и ходили?

ПАВЕЛ. Платье с декольте напялят и едут — во МХАТ. Позволь?

Танцуют.

ДЕВИЦА. Смешно. И «рок» танцевали?

ПАВЕЛ. Патефон заведут и выдают буги-вуги.

ДЕВИЦА. А фокстрот?

ПАВЕЛ. И танго, и фокстрот, и буги-вуги. Кто победнее, тот вальс под аккордеон. Весело жили!

ДЕВИЦА. Когда это было...

ПАВЕЛ. На черных ЗИМах на дачу прикатывали. Дед пикники устраивал, по пятьдесят человек принимал. Везде тюль, тюль, бархат, шифон. Дверь из сада на веранду открыта, домработница на траве самовар еловыми шишками топит...

ДЕВИЦА. Электричества не было?

ПАВЕЛ. Полная электрификация! На столе жареный поросенок с гречневой кашей...

ДЕВИЦА. Теперь гречка редко бывает.

ПАВЕЛ. В графинах водка, в лафитниках наливка. А бабка. А бабка моя сидит за пианино и поет — Северянина.

ДЕВИЦА. Красиво.

ПАВЕЛ. Это было у моря, где пахучая пена... Ах, Нина Константиновна, у вас ангельский голос, как у Козловского...

ДЕВИЦА. А это кто?

ПАВЕЛ. Тенор. Так они между собой разговаривали. А вот у Валерьян Валерьяныча — прям бас. Вы правы, голос недурной, не жалуюсь. Ну так исполните нам, Валерьян Валерьянович, хоть «Широка страна», не откажите в любезности. И тут мой дед — здоровый был, фигура как у Мухиной, — кричит: товарищи, кричит, прежде чем Валерьян Валерьяныч исполнит нам песню — наполним бокалы, извиняйте за каламбур. Содвинем

их разом за нашу великую и могучую! Тут все встают из-за стола по стойке смирно, куранты бьют на Спасской башне, все чокаются, выпивают, а потом целуются с тем, кто ближе, взасос. Поцелуются, оботрутся и ка-ак грянут хором: «Мы кузнецы, и танки наши быстры».

ДЕВИЦА. Здорово. И ты все помнишь?

ПАВЕЛ. Еще бы. Отец рассказывал и бабка. Дед врачом был, лечил всю жизнь больших людей. Член-корреспондент, профессор, заведующий кафедрой, тысточка в месяц только так обламывалась, не считая гонораров.

ДЕВИЦА. Тогда понятно.

ПАВЕЛ. А умер — на книжке двадцати тысяч не было. Половину бабка заграбастала, половину — тетка. А папаше — вот эта развалюха досталась. «Жигули» моей мамаше отдал, чтобы из квартиры выписалась...

ДЕВИЦА. Она была певицей?

ПАВЕЛ. Ушла к следующему мужу.

ДЕВИЦА. А бабка?

ПАВЕЛ. Нет, мамаша с машиной. А бабка никогда не работала. Выпивала, с домработницей лаялась, теперь совсем поехала.

ДЕВИЦА. Куда?

ПАВЕЛ. Сбрендила, шизанулась, сберкнижку от нас с отцом в матрас зашила. Но если ко мне приходят — сразу в мою комнату ползет. Ей налить — она рассказывать начинает: когда к нам во дворец приезжал принц Ольденбургский...

ДЕВИЦА. Она во дворце жила?

ПАВЕЛ. В Алушке. Ее отец у графа Воронцова конюхом был.

ДЕВИЦА. А дед?

ПАВЕЛ. Что дед?

ДЕВИЦА. Тоже из дворца?

ПАВЕЛ. В лаптях пришел в Москву на ветеринара учиться. Ах! (Хватается за сердце, падает на пол).

ДЕВИЦА. Что с тобой?

ПАВЕЛ (умирая). Портвейну...

ДЕВИЦА (мечется). Сейчас, сейчас...

ПАВЕЛ (садясь). Так и умер.

ДЕВИЦА. Кто?

ПАВЕЛ. Дед. Приехал с совещания, тапочки надел — и бряк на ковер. И умер. Он вообще-то проблемами старения занимался. Геронтолог. У тебя кто родители?

ДЕВИЦА. Я с матерью живу. Она с отцом расписана не была...

ПАВЕЛ. А-а. А я с отцом. Он тоже геронтолог. Заведующий лабораторией.

ДЕВИЦА. Слушай, а ты этого, рыжего, давно знаешь?

ПАВЕЛ. Я всех знаю, меня все знают...

ДЕВИЦА. А много ты ему должен?

ПАВЕЛ. Нет, пустяки. Отдам скоро. Кожаный пиджак папаше верну, и все дела.

ДЕВИЦА. В карты проиграл?

ПАВЕЛ. В карты, в карты. А пиджак в залог оставил, пока деньги не принесу. (По-мальчишески). И надо было мне в тот день папашин пиджак надевать. Т-с-с! (Выглядывает в окно.).

ДЕВИЦА. Кто там?

ПАВЕЛ. Ночная лыжница. (Отталкивается палками.).
Вшик-вшик-вшик.

ДЕВИЦА. Я боюсь.

ПАВЕЛ. Прибежала на лыжах ко мне.

ДЕВИЦА. Тоже Северянин?

ПАВЕЛ. Демьян Бедный. Что дрожишь?

ДЕВИЦА. Кто она?

ПАВЕЛ. На тебя похожа.

ДЕВИЦА. А почему ночная?

ПАВЕЛ: Нормы сдает: готов к труду и обороне в ночное время. Ладно, снимай с себя это тряпье.

ДЕВИЦА. Сам сказал, чтобы надела. (Расстегивается). Холодно здесь.

ПАВЕЛ. Выпей, согрейся.

ДЕВИЦА. Я тебя давно заметила, еще у Ляльки.

ПАВЕЛ. Молчи.

ДЕВИЦА. А чего?

ПАВЕЛ. Молчи, закрой глаза, расслабься. И медитируй.

ДЕВИЦА. Что делать?

ПАВЕЛ. Видишь?

ДЕВИЦА Ты ж сказал — глаза закрыть.

ПАВЕЛ. С закрытыми глазами видишь: пустыня, перед тобой кремнистый путь блестит?

ДЕВИЦА. Пустыню вижу.

ПАВЕЛ. И молчи.

Молчат с закрытыми глазами.

ДЕВИЦА. А ты что, женат?

ПАВЕЛ. С чего ты взяла?

ДЕВИЦА. Кольцо на пальце.

ПАВЕЛ. А, это. Наследство. От дедушки осталось. Высокая проба.

ДЕВИЦА. Старинное?

ПАВЕЛ. И от бабушки. бабушка геронтологией не занималась — и выжила. Мне его продать надо. Продам, с долгами расплачусь... У тебя нет никого, чтобы сдать?

ДЕВИЦА. Нету. Если б из шмотья что-нибудь, а то — золото. Слушай, а долго еще... медитировать?

Звук подъехавшей машины.

ПАВЕЛ. Тише! (Гасит свет, смотри в окно). Машина подъехала.

ДЕВИЦА. Ты ж сказал — теперь никто... Может не открывать?

ПАВЕЛ. Толку.

ДЕВИЦА. А если отец?

ПАВЕЛ. Не похоже. Он бы на такси приехал, а тут шикарная какая-то машина. Да даже если и он — тебе-то что бояться? На, спрячь кольцо!

Павел снимает кольцо с пальца, отдает Девике. Крадется к двери, отступает. На пороге — фигура Анны.

АННА. Я сюда попала?

ПАВЕЛ. Наверное, не сюда. Вам кого?

АННА. Павел, ты?

ПАВЕЛ. Кажется, я.

АННА. Я — Анна. Не узнаешь?

ПАВЕЛ. Контуры знакомы.

АННА. Школьная подруга Вероники. твоя подруга студенческих лет. Анна. Ты не помнишь меня?

ПАВЕЛ (басом). Припоминаю в общих чертах.

АННА. Конечно, столько лет не виделись. Кивнем друг другу на бегу — в Доме кино или в Доме ученых. Ты один?

ПАВЕЛ (басом). Как перст.

АННА. Вероники нет? Зажги же свет.

ПАВЕЛ (басом). Пробки перегорели.

АННА. Мы подъезжали к дому — окно светилось.

ПАВЕЛ. А подъехали — и перегорели.

АННА. Господи, признай же наконец, свою старую подругу. Я со знакомым. Едем из Тарасовки. Дай, думаю, загляну по старой памяти. Свернули с шоссе, подъехали, окошко светится... (Кричит). Помню, помню! И кресло это, и этот запах. Ах, не слушай меня, я сегодня пьяная, сентиментальная. В нашем затянувшемся возрасте праздники так редки. Возьми же у женщины пальто, предложи сесть. Я на минутку.

ПАВЕЛ. Тарасовка неподалеку.

АННА (не расслышав). Нет, не с мужем. Я же говорю — с другом. Давний приятель, пригласил поужинать. Старый товарищ, милый, воспитанный, не молодой, не совсем русский... Нет-нет, просто немосковского происхождения. Деликатный, не надо принуждать быть джентельменом, все — сам. (Сбрасывает пальто на кресло). А ты, значит, работаешь в уединении, старый ученый чудака.

ПАВЕЛ. Анята!

АННА. Ну вот, признал, кажется. Слава богу. Ты ведь с мужем моим не знаком? Тоже ученый, много ездит... Кто там?!

ПАВЕЛ. Где?

АННА. Там, в темноте. Или мне послышалось? Кто-то будто скребется?

ПАВЕЛ. Это... это кошки. И мыши.

АННА. Я их боюсь до смерти! О чем я? Да, о муже. Все время в командировках: Гаага, Марсель, Турин, Таллин. Одна наука на уме... А вот здесь пианино стояло, старенькое, лысенькое. Сколько лет прошло — а я все помню. Когда я была на даче в первый раз, был февраль. Оттепель. Самое начало. На даче мы троим: ты, я и Вероника. Вероника, ты и я. Как она?

ПАВЕЛ. Вы не видите?

АННА. Ты же знаешь, мы потеряли друг друга. Из поля зрения.

ПАВЕЛ. Муж, значит, выездной?

АННА. Кто? Муж? А, муж, вполне, вполне. А мой близкий друг пусть подождет в машине. Магнитофон, последние шлягеры. Италия, феличита. Магнитофон — квадрофонический, играет так громко, что уши закладывает. А мы повспоминаем. Пять минут. И — поеду.

ПАВЕЛ. Имеется вино.

АННА. Нет-нет, с меня довольно. Ну, рассказывай, как там моя подруга — мы ведь так дружили, с детства за одной партией. И как сам? Наверняка уже доктор. Когда мы виделись в последний раз, ты сказал, что диссертация готова.

ПАВЕЛ. Готова, готова. И сын взрослый, с меня ростом.

АННА. У тебя сын? Поздравляю. Моя тоже вытянулась. А что, пробку нельзя починить? В темноте рождаются только отдельные воспоминания.

ПАВЕЛ. И папа умер.

АННА. Видела некролог в газете. Ему бы жить да жить.

ПАВЕЛ. Не знал об этом и умер. Загнул, дуба дал. шесть лет уж как преставился.

АННА. Он был педиатр?

ПАВЕЛ. Нет, геронтолог.

АННА. Как ты. То есть ты — как он.

ПАВЕЛ. Я — ювенолог. Это то же самое, только наоборот.

АННА. Как интересно.

ПАВЕЛ. Геронтология изучает, как не стариться, ювенология — как помолодеть.

АННА. Ювенолог. Звучит. Читали, читали ваше интервью в «Неделе». Ты же у нас теперь знаменитость. Заведуешь головной лабораторией. Один на всю страну. Журналисты, наверное, осаждают?

ПАВЕЛ (скромно). Это у нас наследственное. Геронтологическая династия.

АННА. От пациенток, должно быть отбою нет. Сознавайся. Такой молодежавый профессор, завидую Веронике.

ПАВЕЛ. Чувствует себя превосходно, водит «жигули». А как сама-то, старушка?

АННА. Закончила Институт культуры.

ПАВЕЛ. У нас есть такой институт?

АННА. Заведую Домом. А тычто же — бороду сбрил? Совсем недавно видела тебя с бородой. Бежал

по улице, хотела окликнуть, но промчался мимо, пальто нараспашку, глаза бешеные...

ПАВЕЛ. Должно быть, магазин закрывался.

АННА. Правда, все закрывается, и мы стареем. Впрочем, может, это был и не ты. Придумай же что-нибудь, в самом деле. Глупо сидеть в темноте, когда и без того редко видишься.

ПАВЕЛ (зажигая свечу). А мама жива.

АННА (в ужасе). Не двигайся!

ПАВЕЛ. Я пошутил, здесь нет мышей.

АННА. Стой на месте. Это... ты?

ПАВЕЛ. А кто же?

АННА. Неужели борода так меняет лицо!

ПАВЕЛ. Небо и земля.

АННА. Не подходи. Нет, это правда ты? Пиджак вроде тот же. Повернись в профиль. Чудовищно! Теперь волосы немного вот так...

ПАВЕЛ. Приподнять? Или пригладить?

АННА. Ты же совсем не изменился! Ты выглядишь, как пионер! Как двадцать лет назад!

ПАВЕЛ. Свечное освещение.

АННА. Так нельзя, Павел. Хоть полысел бы, что ли. Жирком бы оброс. Обрюзг, потаскался бы, благородно эдак поседел. А то — смотрите на него — мордочка как у ангела. И что, ни единой морщиночки?

ПАВЕЛ. Есть. Мимические.

АННА. Нет, Пашка, это ты или не ты? Последний раз спрашиваю. А то не посмотрю на Веронику — и влюблюсь. Честное слово. Помню, вы так один другому шли, так друг друга любили. Такая... гармоничная была па-

рочка... Эх, налей мне вина, что ли. Выпьем, Пашка... А — это что такое?

Из потемок выступает Девушка с пустым стаканом в руке.

Снова кошка? Смазливенькая.

ПАВЕЛ. Это? Это из моей лаборатории.

АННА. Понимаю.

ПАВЕЛ. Лаборантка. Ставим кое-какие опыты.

ДЕВИЦА. Вы не думайте.

АННА. Я не думаю. Меня ждут. Ну, за встречу — и покатила. Надеюсь, опытам мой визит не помешал? Будь здоров! (Пьет.) Фу, пакость какая клейкая.

ПАВЕЛ. И надо же, чтобы так получилось, но у нас в семье по мужской линии — все Павлы. Дед был Павел Павлович, отец... я, то есть, — Павел Павлович, и сын мой — тоже Павлушка. Смышленный такой балбес.

ДЕВИЦА. Все Павлики.

АННА. А вот теперь вижу — постарел! Глаза красные, нос в прожилках. И рот... как-то съехал. Зубы свои?

ПАВЕЛ. Что?

АННА. Зубы, говорю, свои?

ПАВЕЛ. А, зубы. (Скалится). Зубы свои. Две пломбы, правда, и одного нет, вон там, справа.

АННА (глядя на Девушку). Сперва-то все мы — прыг-скок.

ДЕВИЦА. Чего?

АННА. А потом то и дело бегаешь в парикмахерскую седенькие волосы закрашивать. Закрасишь, под-

тянешься, подберешься, а наклонишься перед зеркалом — башечка-то просвечивает. Сквозь мокрые волосики.

ДЕВИЦА. Вроде нет.

АННА. Пока! А как начнут подкрадываться..

ДЕВИЦА. Кто?

АННА. Годы! Сердечко прыгает, дыханья не хватает, руки дрожат, ноги подгибаются. И кожа отвисает.

ПАВЕЛ. Поперечное сцепление макромолекул.

АННА. Как ты сказал? Поперечное, верно. И вот просыпаешься однажды, а на улице твоей — бело. Зима. Вот тогда только и становишься по-настоящему смелой, когда уже больше нечего бояться. Дерзкой становишься!.. Ну расскажи же, что там в вашей лаборатории? В интервью-то ты, Пашка, осторожничаешь: мол, пока рано говорить с определенностью, работы не вышли из стадии эксперимента. Но это для журналистов, понимаю, я-то твою скромность знаю. А на самом деле, а? Скажи же мне по старой дружбе.

ПАВЕЛ. Работы много. Все еще очень много работы.

АННА. Но есть же там у вас что-нибудь новенькое? Не все же бегать трусцой или аэробикой заниматься.

ПАВЕЛ. Что касается бега, то бег полезен.

АННА. Знаю, знаю: своевременное обращение к врачу, общий массаж, клизмы, витамины...

ПАВЕЛ. Существенна профилактика старения.

АННА. Что опять голодать по Брэггу? Соблюдать очковую диету? Пить яблочный уксус? Скажи мне, как специалист. Как товарищ, скажи. Я, может быть, за этим и приехала!

ПАВЕЛ. Уксус пить не надо.

АННА. Ты что-то скрываешь.

ПАВЕЛ. Видишь ли, при запущенных случаях износа организма...

АННА. Ну, не таких уж и запущенных.

ПАВЕЛ. Вот мы с... Александрой Валентиновной... мы как раз и занимаемся этим кругом вопросов. Как ты думаешь — приглядишься повнимательнее — сколько Валентине Евгеньевне, к примеру лет?

АННА. Под тридцать, должно быть.

ДЕВИЦА. Двадцать в мае исполнится.

ПАВЕЛ. Евгения Александровна шутит (Девице). Может быть, вы позволите приоткрыть некоторые ваши секреты?

ДЕВИЦА. Еще чего.

ПАВЕЛ. В порядке пропаганды медицинского знания. С целью популяризации науки у населения?

ДЕВИЦА. Ладно уж. С целью популяризации — открывайте.

ПАВЕЛ. Пять-де-сят.

ДЕВИЦА. Во дает.

ПАВЕЛ. Будет.

АННА. Неплохо выглядит. Для своих лет.

ПАВЕЛ. А ты бы знала какой она к нам поступила. Тебе стало бы страшно. Глаза — не смотрят, ноги — не ходят, пальцы — не сгибаются, желудок отказывается работать...

ДЕВИЦА. И голова кружится.

ПАВЕЛ. Что мы видим теперь! (Девице). Повернись. Присядь. Встань. Согнись вперед. Руками достань носки ботинок!

ДЕВИЦА. Все, что ли?

ПАВЕЛ. Да-да, спасибо.

АННА. Впрочем, при таком освещении... И одета в какой-то хлам.

ПАВЕЛ. А начиналось все давным-давно. Взгляни на этот ковер на стене — ручная работа, подарок албанского короля моему отцу. Ему цены нет, ковра.

АННА (Девице). Это таблетки? И надолго рассчитан курс?

ДЕВИЦА. Не, не надолго. Налил, выпил и замолодел.

ПАВЕЛ. Не всегда же они там в Албании, жили без короля!

Автомобильные гудки на улице

Это тебя.

АННА. Ничего, подождет, ему и в машине неплохо: иномарка, феличита, телефон, видео, бар, сауна, найдет чем развлечься... Или эликсир?

ПАВЕЛ. Так вот. Перед войной мой отец, тогда молодой, но уже известный советский врач, прибыл на всеалбанский слет геронтологов. Помню, албанские газеты просто захлебывались: этот русский, писали газеты, привез в своем чемодане секрет молодости. Король — в то время уже пожилой — как раз решил жениться на шотландской принцессе...

АННА. Или аэрозоль?

ПАВЕЛ. Может быть, на бельгийской, не хочу обманывать. Так или иначе, король призывает папашу к себе...

АННА (Девице). Значит, вы?

ДЕВИЦА. Угу.

АННА. И он?

ДЕВИЦА. Не видно, что ли?

ПАВЕЛ. Отец, разумеется, снесся с посольством, оно дало добро... Покойник очень дорожил этой вещью. Да что говорить, для всей нашей семьи это бесценная реликвия...

АННА. И Вероника?

ПАВЕЛ. И она. В определенном смысле.

АННА(в смятении). Ну дай же мне хоть одним глазком взглянуть — какие они, эти твои молодильные яблоки? Дай хоть понюхать — какая она, эта твоя живая вода?

ПАВЕЛ. Дело деликатное.

АННА. Но, Павел, но по старой дружбе...

ПАВЕЛ. Есть некоторые препятствия.

АННА. Никому не скажу, если это секрет.

ПАВЕЛ. Вопрос рассматривается.

АННА. Тогда скорее, пока не рассмотрели! Где оно?

ПАВЕЛ. Здесь. (Достает склянку).

АННА. Разболтать до растворенья? Охладить перед употреблением? Принимать по две ложки после еду? Или — до?

ПАВЕЛ (просто). Это мазь.

АННА (открывает, нюхает). Пахнет чем-то давним: хвоей, дегтем, детским мылом. Как на елке...

ДЕВИЦА. Да все на парфюме.

АННА. И будто мандаринами. Но как... как ею пользоваться?

ПАВЕЛ. Ни в коем случае! (Делает вид, что хочет забрать склянку).

АННА. Но отчего?

ПАВЕЛ. Нет, это невозможно.

АННА. Но она! Но ты сам! Вероника, наконец!

ПАВЕЛ. Средство сильное, радикальное. Нужна проверенная нервная система. Предварительные анализы, психологическая подготовка...

АННА. Но я готова. Честное слово. Я анализы недавно сдавала.

ДЕВИЦА. Штукатурку придется удалить.

АННА. Конечно!

ДЕВИЦА. Наносить на кожу тонким слоем.

АННА. Тонким, понимаю.

ДЕВИЦА. Втирать до полного впитывания.

АННА. Разумеется...

ПАВЕЛ. Не могу взять на себя подобную ответственность!

АННА. Неужели это так серьезно?

ПАВЕЛ. Еще как!

АННА. Ах, тогда можно, я помажу хотя бы руки?

ПАВЕЛ. Что с тобой делать...

АННА. Ты гений.

ПАВЕЛ. Руки помажь!

ДЕВИЦА. Не-ет, так не пойдет!

АННА. Что, обязательно целиком?

ДЕВИЦА. А вы думали! Раздеться да намазаться!

АННА. Вы правы, просто жалко оставлять старые места...

ДЕВИЦА. Смотрите на меня — у меня все новое. Ей-богу!

АННА (Павлу). Это правда?

ПАВЕЛ (просто). Да.

АННА. Тогда...

ПАВЕЛ. Просто рука не поднимается забрать у тебя эту мазь обратно.

ДЕВИЦА. Ура!

АННА (в недоумении). До полного впитывания? (Решившись.) Ну, если я превращусь в ведьму — тебе несдобровать.

ДЕВИЦА. Опыты продолжаются!

ПАВЕЛ (Анне). Сюда пожалуйста. (Провожает ее).

ДЕВИЦА. Что ты ей дал-то?

ПАВЕЛ. Тише! (Врубает музыку). Папаша этой мазью свой кожаный пиджак драит.

ДЕВИЦА. Абзац!

ПАВЕЛ. Подруга матери. Забавно. Интервью она прочитала...

ДЕВИЦА. Неужели поверила?

ПАВЕЛ. Будешь такой — и ты согласишься.

ДЕВИЦА. Еще чего, я такой не буду. Умру раньше.

ПАВЕЛ. И что теперь с ней делать?

ДЕВИЦА. Пусть...

Танцуют, обжимаются, смеются. Через какое-то время — голос Анны: «Зеркало!» Анна появляется на сцене.

АННА (ступая осторожно, словно стеклянная). Где здесь у вас зеркало?

ПАВЕЛ. Зеркала в комиссионке.

ДЕВИЦА. Хрусталь на барахолке.

АННА. Неужели же нет никакого зеркала?! И сумка моя в машине осталась. (Девице). Есть у вас хоть пудреница?

ДЕВИЦА. Одни осколки.

ПАВЕЛ. Но сдвиги налицо.

АННА. Ты находишь? Неужели так быстро?

ПАВЕЛ. Сейчас не надо на этом концентрироваться.

Не фиксируйся, распыляй внимание, расслабься...

ДЕВИЦА. Медитируй.

ПАВЕЛ. Позволь?

Павел и Анна танцуют

ДЕВИЦА. Албанская королева, кто ж так танцует?

АННА. А как надо?

ДЕВИЦА. Учиться пора.

АННА. Теперь пожалуй. В самом деле.

ПАВЕЛ. Эту ногу сюда.

АННА. Так?

ДЕВИЦА. И зад подтяни, мамуля.

ПАВЕЛ. Плечи расправлены, живот подобран. Выше голову!

ДЕВИЦА. Грудь вперед, чтоб не болталась. И пошли на три такта: мы не хиппи, мы не панки, мы простые лесбиянки...

ПАВЕЛ. Эксперимент идет успешно.

ДЕВИЦА. Теперь бедрами толкнемся.

АННА. Вот здесь немножко жжет, на груди.

ДЕВИЦА. Ноги не зябнут?

ПАВЕЛ. Хорошие симптомы.

Автомобильный гудок на улице.

АННА. Ах, теперь он слишком стар для меня.

ДЕВИЦА. На барахолку.

АННА. Кожа натянулась.

ПАВЕЛ. Не надо обращать внимания. Нужно отвлекаться. Вспомнить доброе, помянуть старое. Ну хоть как вы там, мы там..., на даче-то оказались?

ДЕВИЦА. Еще оттепель была.

АННА. Февраль, оттепель, дачный поселок пуст — ни огонька, точно в это же время года, все как сегодня. Вокруг темно, только в одном бедном домишке светилось окошко. Там жила старушка, не то сторож, не то комендант... Под глазами разгладилось?

ПАВЕЛ. Старушка, сторож, напротив живет.

АННА. Помнишь, она приковыляла среди ночи справляться — не воры ли забрались? И ты испугался, что отцу доложит, как ты с двумя девицами на дачу прикатил.

ПАВЕЛ. Бывает.

АННА. Старуха с усами.

ПАВЕЛ. Соня. Ее почему-то все у нас Соней зовут. Не по имени-отчеству, не тетей Соней, а просто...

АННА. Хорошо ее помню. Когда подсохнет, нельзя будет сверху намазать кремом?

ПАВЕЛ. Не сбивайся. Вспоминай. Что весело было?

АННА. Ты забыл: хохотали как безумные. (Девице.) Мужчины всегда помнят только то, что надо забыть. А забывают все остальное.

ПАВЕЛ. Отчего же, все помню. Мы вошли: ты, я, Вероника. Вероника, ты и я.

АННА. Вошли.

ПАВЕЛ. Сели.

АННА. Не так, не так. (Молодеет). Помнишь, почему мы втроем на даче оказались?

ПАВЕЛ. Сговорились устроить на даче пикничок. Маленькую такую студенческую пирушку.

АННА. Но ведь с нами должен был ехать Пентин!

ПАВЕЛ. Пентин?

АННА. Пентин, из твоей группы.

ПАВЕЛ. Ах, Пентин, выскочило из головы.

АННА. А Вероника пригласила меня.

ДЕВИЦА. Что это вы не танцуете?

АННА. Но ты устроил Веронике сцену. И Пентина не взяли. А я ничего не знала и пришла на вокзал.

ПАВЕЛ. Помню, конечно. В такой еще... шапочке.

АННА. Вот и нет, на мне был платок в крупных белых цветах.

А ты разозлился. Ты на меня внимания сначала совсем не обращал и злился всю дорогу. Ты думал — Вероника нарочно все подстроила, чтобы вам вдвоем не ехать.

ДЕВИЦА. Еще как нарочно.

АННА. Мы вошли сюда, а ты все еще дулся. А Вероника все время смеялась. Не знаю почему. И была такая возбужденная, и все время тебя дергала. Ревновала, наверное.

ДЕВИЦА. У нее другой был.

АННА. У нее кроме тебя и Пентина еще поклонник имелся — черненький такой, с физтеха. Она тогда выбирала — за кого замуж идти.

ПАВЕЛ (строго). Пили?

АННА. Сухое вино. Красное, кажется. Напариули или хванчкару. Помнишь, в Столешниковом тогда еще можно было купить Хванчкару?

ПАВЕЛ. Хоть залейся.

АННА. Мы открыли вино, и Вероника сказала: «Миленькая избушка, вы одни тут хозяева?»

ДЕВИЦА. Быка за рога.

АННА. Ты ведь был знатным женихом, а, Павел? Не таким, как сейчас, конечно, но завидным. Отец — академик, машина, дача, сбережения...

ПАВЕЛ. Дальше!

АННА (ощупывая себя). Дальше разожгли печку.

ПАВЕЛ. Разожгли. Конечно.

АННА. Печка трещала, пыхала... Ах, что это! Юбка!

ПАВЕЛ. На месте.

АННА. Кажется — широка стала.

ДЕВИЦА. Поясок дать?

АННА. Кажется — у меня меняется фигура. Обрат-
но!

ПАВЕЛ. Это только начало.

АННА. И грудь... напряглась.

ПАВЕЛ. Я начинаю жалеть, что согласился...

АННА. Нет-нет, я ничего. Я так... О чем я говорила? Да, печка. Трещит. Рядом — лыжи. На поленьях смола, как слеза...

ПАВЕЛ. Как слеза, как же, как же, вино сухое красное.

АННА. И мы поем — Сидим втроем у печки обнявшись — и поем. Троллейбус новенький, лети-спеши, здесь остановки нет, а мне пожалуйста... Ну и так далее. И вдруг Вероника как вскочит. Растолкала нас и кричит:

танцы, танцы! Пригласишь, кричит, ты, Павел, Аньку, или нет.

ПАВЕЛ. Мамаша была — огонь.

АННА. Будь кавалером, кричит, не то Анька подумает, что она здесь лишняя.

ДЕВИЦА. Это еще посмотреть надо...

АННА. Кричит, как сумасшедшая.

ПАВЕЛ. И пригласил?

АННА. Привет! Ты ж от меня к тому времени уже ни на шаг не отходил. И все время заглядывал в глаза — вот как сейчас.

ПАВЕЛ. Подо что танцевали?

АННА. Маленькие такие пластинки были, их приходилось то и дело переворачивать. Какие-то итальянские печенки. Что-то про ослика. Что-то вроде: ступай, ступай, мой ослик смело...

ДЕВИЦА. Смелый ослик, держите меня!

АННА (нежно). А дальше — сам.

ПАВЕЛ. Танцуем, значит.

АННА. Верно.

ПАВЕЛ. Печка, значит, трещит. Оттепель.

АННА. Правильно. А потом?

ПАВЕЛ. Потом — пластинка кончилась.

АННА. Все помнишь, оказывается! И Вероника ее перевернула. А мы с тобой все танцевали.

ПАВЕЛ. Перевернула: оп-ля.

АННА. Так и было.

ДЕВИЦА. Во память! Здесь с кем вчера была не помнишь. (Наливает себе, пьет.)

АННА. И ты шепнул...

ПАВЕЛ. Догадываюсь — что!

АННА. Ты шепнул: «Вероника сердится».

ПАВЕЛ. А она сердилась?

АННА. Еще как. Сначала она думала, что я безопасна, вот что она думала, я знаю. А потом увидела. И ка-ак топнет ногой!

ДЕВИЦА. Топ!

АННА. Вы как хотите, говорит, а я иду спать.

ПАВЕЛ. И ушла?

АННА. Улеглась на диване.

ДЕВИЦА. Дура (Пьет.)

ПАВЕЛ. А... а я?

АННА. А ты решил на нее обидеться. Губы надул, а потом стал мне жаловаться: и как Вероника избалована, и ничего-то не ценит, и что ты из-за нее завалил экзамен, и после каникул придется пересдавать. И что она эгоистка.

ПАВЕЛ. Знакомая оценка. Весьма.

АННА. И мы присели у печки. Огонь вьется бесшумно, по стенам отсветы ползают, гуляют блики, и так отчего-то грустно... И вошла старуха.

ДЕВИЦА. Вот как.

АННА. Вошла, села, ты смешно суетился, все повторял: у нас нет воров, у нас нет воров...

ДЕВИЦА. Нету воров-то!

АННА. У нас все в порядке, говорил ты. А старуха смотрела на тебя, смотрела на меня и ничего не говорила. Она смотрела на нас, как будто мы вместе. Как будто мы одно — ты и я. Так она смотрела, я помню...

ПАВЕЛ. А потом?

АННА. Потом она ушла. Ты сел рядом и стал сокрушаться, что старуха обо всем расскажет твоему отцу, потому что ключи от дачи ты взял без спросу...

ДЕВИЦА. Без спросу, конечно.

АННА. Но я уж не слышала тебя. А опустила голову тебе на плечо.

ДЕВИЦА. На плечо. Вот так.

АННА. И ты обнял меня.

ПАВЕЛ. Прыткий какой. А Вероника?

АННА. Она спала, а мы — мы же были так молоды. И ты меня поцеловал. Один раз и второй. (Целует Павла раз и второй).

Девушка делает громче музыку.

Потом... потом ты стал меня целовать часто-часто и осторожно. (Целует Павла осторожно и часто).

Девушка надевает лыжи.

А потом — горячо и долго. (Целует Павла горячо и долго).

ДЕВИЦА (бежит на лыжах прямо на них) Берегись! Я — ночная лыжница! (Падает.)

АННА. И тогда она вскочила!

ПАВЕЛ. Кто?

АННА. Вероника вскочила с дивана. И закричала: «Пустите меня!» — хотя, конечно, ее никто не держал.

ДЕВИЦА (барахтаясь на полу). Пустите меня!

ПАВЕЛ. А папаша что?

АННА. Совсем растерялся. Метался от меня к ней, от меня к ней, и снова — от нее ко мне.

ПАВЕЛ. Картиночка.

АННА. И причитал. Девочки, просил, ну девочки. Волновался ужасно. Оно и понятно, ведь я — рыдала!

ДЕВИЦА. Прав не имеете.

АННА. И Вероника схватила шубу, схватила шапку, схватила сумку — и побежала. На улицу. И дверью ка-ак размахнется. А ты кричал: «Вероника!» А она: «Я вижу — я здесь лишняя». И так на меня посмотрела — я думала, ударит. А я уж не могу остановиться — сижу на полу и реву.

ПАВЕЛ. И что же — так и ушла?

АННА. Конечно, нет. Она дождалась, когда ты побежишь ее догонять, и стала уходить не раньше, чем убедилась. Ведь ты был нерешителен. Ты подбежал сначала к двери, потом подбежал ко мне. Потом опять к двери. Мне жалко ее — так ты мне объяснил. И только тогда бросился за ней.

ПАВЕЛ. Жалостливый, верно.

ДЕВИЦА. У меня, может быть, негр есть — с во-от таким ростом. Что вы мне сделаете?

АННА. Я тогда была на первом курсе, я же не сразу поступила. А вы на третьем.

ПАВЕЛ. Уложу лаборантку. (Снимает с Девуцы лыжи, укладывает ее на диван.)

ДЕВИЦА (мямлит). Та-ак нельзя-я-я... (Отключается).

АННА. На мне, помню, был вязаный свитер — мама вязала — с длинным воротом и молнией на плече. Тогда такие носили. Ворот непременно должен был быть

узким, как чулок — его заворачивали несколько раз...
Ну, как?

ПАВЕЛ. Порядок. В отрубе, пускай проспится.

АННА. Как я?

ПАВЕЛ. Красивая.

АННА. Сколько мне можно сейчас дать?

ПАВЕЛ. Как тогда, на каникулах.

АННА. Как тогда?

ПАВЕЛ. Точно.

АННА. Может быть, это даже к лучшему, что здесь нет зеркала. Что я себя не вижу сейчас. Все-таки это так неожиданно — помолодеть. Так сразу — и молодая, так вдруг — и в обратном направлении. Потанцуй со мной.

Танцуют.

Так сразу и рядом с тобой!..

ПАВЕЛ. Значит, в тот вечер между вами... между мной и тобой так ничего и не...

АННА. Ты же убежал! Тебе ее, видите ли, было жаль.

ПАВЕЛ. Ничего не. Обстоятельства не сложились.

АННА. В тот вечер.

ПАВЕЛ. Ты рыдала, я — побежал. Не случилось.

АННА. Вы два часа где-то шлялись. Как ты ее успокаивал, покажи? Как ты ее успокаивал?

ПАВЕЛ (весело). Не вышло, что делать. Может, то и хорошо. Есть что вспомнить. Всегда, знаешь, лучше запоминается, когда не. Выпьем? За тебя, за нас, за все...

АННА. За все — за все. За нашу юность. За тебя. За то, что я — к тебе приехала!

ПАВЕЛ. Ко мне?

АННА. Приехала к тебе!

ПАВЕЛ. Куда?

АННА. Приехала сюда!

ПАВЕЛ. Зачем?

АННА. Но я же вернулась к тебе через два дня. Одна. Выпьем за это!

ПАВЕЛ. И дорогу запомнила?

АННА. И так было хорошо, так было хорошо, что умереть хотелось. (Бросается.) Ты был волшебный!

ПАВЕЛ. Но... Вероника? Где была она?

АННА. Ты забыл, она же уехала в Карпаты. Она уехала на каникулы по профсоюзной путевке. На лыжную базу. А ты остался, ты к экзамену готовился. Такой одинокий!

ПАВЕЛ. Ясно. Хотелось, значит, умереть.

АННА. Ты совсем не удивился.

ПАВЕЛ. Я не удивился.

АННА. Открыл дверь, как сегодня. Ведь я приехала уж затемно. Ты помнишь, что я приехала затемно?

ПАВЕЛ. Опоздала на электричку.

АННА. Нет.

ПАВЕЛ. Задержалась в городе. Когда принимала ванну — залила соседку. Посещала парикмахерскую, химчистку, банно-прачечный комбинат. Шила новую юбку, делала завивку...

АННА. Нет же, нет. Была катастрофа!

ПАВЕЛ. В личной жизни? Или в собственной?

АННА. Была ужасная катастрофа. На железной дороге. Поезд совсем сошел с рельсов. Когда я добралась, наконец, меня всю трясло. Неужели ты не помнишь?

ПАВЕЛ. Некоторая вибрация ощущалась.

АННА. Меня трясло, ты открыл дверь, как сегодня, и сказал: «Заходи скорее, тебя всю трясет». Так ты сказал. Ты думал, это от холода.

ПАВЕЛ. Так и думал, оф коурс.

АННА. Но это было от катастрофы. Я выехала утром. В два. Ехала, ехала, гадала — застану ли, сомневалась — нужно ли ехать. Испугалась, совсем уж было собралась повернуть назад — как вдруг это несчастье.

ПАВЕЛ. Много жертв?

АННА. Ах, не знаю. Жертвы должны были бы быть. Многие могли погибнуть или по крайней мере получить ранения. Я зажмурилась. Я хотела было выйти на первой же станции, как увидела, что встречный поезд совсем сходит с рельсов и становится косо, как инвалид на одной ноге. Я зажмурилась, и движение долго не возобновлялось.

ПАВЕЛ. Но с твоим поездом ничего не случилось?

АННА. Этого еще не хватало. Я ехала на электричке, а тот был дальнего следования.

ПАВЕЛ. А ты была ближнего, и вся дрожала...

АННА. И ты бросился меня раздевать.

ПАВЕЛ. Такой нетерпеливый.

АННА. Очень, очень. Стал стягивать с меня пальто, стал стягивать с меня платок...

ПАВЕЛ. В крупных белых цветах.

АННА. Ты помнишь! Я еще его снимать не хотела, потому что перед отъездом помыла голову, и голова уже высохла, но я не успела причесаться...

ПАВЕЛ. Но ведь он... но ведь я — убежал за Вероникой.

АННА. Убежал.

ПАВЕЛ. А ты?

АННА. А я — приехала.

ПАВЕЛ. И... и осталась?

АННА. Сначала я не хотела оставаться. Но потом...

ПАВЕЛ. Ты осталась.

АННА. Но ведь ты клялся! Клялся, что ждал меня. Ты говорил, что все время чувствовал. Клялся, что знал заранее: сейчас откроется дверь — а на пороге я.

ПАВЕЛ. Экстрасенс.

АННА. Ты говорил, что мог бы сосчитать шаги, которые я делала в последние минуты, пока не дошла до двери: раз, два, три...

ПАВЕЛ. Сосчитал. Потом танцевали. Про ослика. Так?

АННА. Танцевали.

ПАВЕЛ. Пили Хванчкару, сидели у печки.

АННА. Сначала у печки, потом Хванчкару.

ПАВЕЛ. А он, значит, весь день чувствовал. Потом про ослика. Потом у печки. Потом осторожно и часто. Потом горячо и долго. Постом быстро и больно. Потом сладко и медленно.

АННА. Ты изменился.

ПАВЕЛ. Так или не так?

АННА. Почему ты кричишь? Пусть так. Была катастрофа. Я изнервничалась. Была на взводе...

ПАВЕЛ. Помыла голову, вся дрожала.

АННА. Проявила слабость, может быть.

ПАВЕЛ. Проявила-таки!

АННА. Но, Павел, но мы же взрослые люди. Какие только глупостей не наделаешь смолоду. Не ревнуй же меня к нашему с тобой прошлому!

ПАВЕЛ. И не думаю. Просто интересно. Сначала побежал за невестой, потом подруге под юбку. Собственно, ничего такого. Сейчас, бывает, и по трое живут, сколько угодно. Но ты!

АННА. Что — я?

ПАВЕЛ. Ты-то?

АННА. Что?

ПАВЕЛ. Ничего.

АННА. Но я тебя любила.

ПАВЕЛ. А?

АННА. Любила.

ПАВЕЛ. Кого?

АННА. Тебя.

ПАВЕЛ. Меня любила?

АННА. И ты знал об этом. Вот и все. Ты устал?

ПАВЕЛ. Нет вроде.

АННА. Устал, я вижу. Заработался. Не возражай.

ПАВЕЛ (растерянно). Любила...

АННА. Ну да, что тут такого?

ПАВЕЛ. А она?

АННА. Вероника? Наверное, тебе лучше знать. Только если и любила, но не так, иначе. Поцелуй меня.

ПАВЕЛ. Я?

АННА. Усталый, нервный... Боже, руки какие горячие. Как у мальчика. Как тогда.

ПАВЕЛ (волнуясь). И сейчас...

АННА. Что сейчас?

ПАВЕЛ. И сейчас — любишь?

АННА. Столько было всего, столько лет прошло...

ПАВЕЛ (вдруг). Но средство же, средство же — подействовало!

АННА. Средство впиталось.

ПАВЕЛ. Вот видишь, ты сейчас — как тогда. Знаешь что, давай так, сейчас — как тогда, посередине — ничего, и все сначала. Договорились?

АННА. Разве ж так бывает.

ПАВЕЛ. Без средства, разумеется, не бывает. Но ты-то вернулась.

АННА. К тебе?

ПАВЕЛ. К себе вернулась, к той, какой была. Ты уже и танцуешь так же, и целуешься.

АННА. Закрываю глаза, потом открываю: те же кресла, та же печка. И кажется, всю жизнь только эта печка и была.

ПАВЕЛ. И мы — вдвоем.

АННА. Ни надежд, ни прощаний, когда не знаешь отчего, но что дальше нельзя — знаешь точно. Ни мужа, ни развода... Одна печка.

ПАВЕЛ. Ты разведена? А, ты говорила...

АННА. Муж все ездил, ездил, ездил. И мне стало все равно. А он все равно ездил.

ПАВЕЛ. Ты не расстраивайся. Пусть катится.

АННА. Я давно в разводе, шесть лет. Я не расстраиваюсь.

ПАВЕЛ. А дети?

АННА. Что — дети?

ПАВЕЛ. Есть?

АННА. Дети — нет, детей нет. То есть — есть, конечно, что я говорю. Но какой же она ребенок. Ей скоро четырнадцать; живет у мамы, хорошая девочка...

ПАВЕЛ. Когда мне было четырнадцать — восемнадцать давали.

АННА. Чувствую себя, как после сна. Будто долго спала, — а сейчас очнулась.

ПАВЕЛ. Молодая просто.

АННА. Просто?

ПАВЕЛ. Сколько угодно таких случаев.

АННА. Ведь это все-таки так несправедливо — стареть.

ПАВЕЛ. Молодым — несправедливо, а пожилым — нормально.

АННА. Верно, верно, пожилым уж все равно. Но когда еще молодая, а уже не совсем — иногда кричать хочется. Вот так: а-а-а. И визжать, и кусаться. А всего-то: приехать, намазаться, обнять тебя. И все равно страшно, все равно — не верится...

ПАВЕЛ (жалая ее). Ты взгляни на меня.

АННА. Да.

ПАВЕЛ. Ты лучше смотри.

АННА. Я хорошо смотрю.

ПАВЕЛ. Видишь?

АННА. Глаза. Твои.

ПАВЕЛ. Нет, не здесь. Пощупай.

АННА. Губы. Сладкие и горячие.

ПАВЕЛ. Это от вина. А ниже, вот здесь, на шее. Здесь — знаешь что — здесь морщины были... Ты не гляди, что сейчас я молодой. Морщины были, как у таксы. Здоровые морщинищи!

АННА. У чьей таксы?

ПАВЕЛ. Морщины, как у таксы. Вообще таксы, ничьей. Поперечное сцепление. Так сцеплялись и так. А теперь — гладко!

АННА. Гладко и мокро.

ПАВЕЛ. Мокро от твоих слез. И у тебя теперь так же. Веришь?

АННА. Я давно верю.

ПАВЕЛ. Мы с тобой оба — как тогда.

АННА. Я верю и от этого плачу.

ПАВЕЛ. Оба одинаковые.

АННА. А Вероника?

ПАВЕЛ. Нет больше Вероники, ушла Вероника. У нее теперь другой — такой плешивенький.

АННА. Я знаю.

ПАВЕЛ. Плешивенького знаешь? Он во Внешторге.

АННА. Знаю, что вы с Вероникой разведены. Мне еще год назад сказали...

ПАВЕЛ. А что ж ты все — как Вероника, где Вероника?

АННА. Я хотела, чтобы ты сам... Посмотри на меня.

ПАВЕЛ. Смотрю.

АННА. Лучше смотри.

ПАВЕЛ. Я хорошо смотрю.

АННА. А сегодня?

ПАВЕЛ. Что сегодня?

АННА. Сегодня ты меня ждал?

ПАВЕЛ. Э-э, наверное. Что-то такое было... То есть, конечно... Конечно, ждал!

АННА. Считал шаги, которые я делала в последние минуты?

ПАВЕЛ. И шаги считал. Как машина подъехала — так и стал считать: раз, два, три...

АННА. Можно, я снова заплачу?

ПАВЕЛ. Заплачь. А то выпьем давай.

АННА. Я в последние годы будто чувствовать перестала. Хожу, говорю, а ничегошеньки не чувствую. Уколи меня — ничего, деревянная. А подъехала к твоему дому — сосны в снегу. И вдруг вспомнила: тогда тоже лежал снег на соснах. Как пена от шампуня. И утром, когда мы проснулись, сосны были видны в окно. С постели. Шел снег — мелкий, быстрый, красивый и холодный, и мне казалось, что в мире — мы вдвоем, а если б не было тебя — я не выжила б. Невозможно было бы выжить. И мне снова стало сегодня так больно, так хорошо, так одиноко...

ПАВЕЛ. Ты уже плачешь снова?

АННА. Нет почему-то. Возьми мои волосы.

ПАВЕЛ. Да.

АННА. Крепче. Они станут гуще, правда?

ПАВЕЛ. Уже стали.

АННА. Помнишь, у меня были густые волосы тогда.

ПАВЕЛ. Мягкие и густые. Они и сейчас такие. Они пахнут...

АННА (пугаясь). Пахнут?

ПАВЕЛ. Пахнут медом. И молоком.

Обнимаются.

Что с тобой?

АННА. Мне показалось...

ПАВЕЛ. Где?

АННА. Там, в окне. Кто-то смотрит на нас.

ПАВЕЛ. Сосны.

АННА. С усами.

ПАВЕЛ. Сосны и ветер. Ну, иди ко мне.

АННА. Это он.

ПАВЕЛ. Кто?

АННА. Спутник мой. (Отталкивает Павла). Он соскучился, подсматривает. Ах, милый, выйди к нему, отпусти, отправь. Скажи, теперь уж меня можно не ждать. (Беспечно, счастливо.) Ах, скажи, что хочешь. Или — все объясни. Иди же!

Павел нерешительно идет к двери.

Иди, я жду. (Подходит к окну, пытается разглядеть что-то в черном стекле; поправляет волосы, пытается найти свое отражение). А хочешь, я могу покраситься? Я ведь тогда красилась под блондинку...

В дверях Павел и Старуха, причем Павел пытается преградить ей дорогу.

ПАВЕЛ (громким шепотом). Говорю тебе, сюда нельзя. Соня. У нас все в порядке, воров нет. Все свои...

АННА. Тогда все красились, хотя краску было так трудно доставать. Теперь краски сколько угодно, и краситься стало немодно... Ах, кто это?

ПАВЕЛ. Это-то? Это — так... Это — соседка. На минутку зашла... За спичками...

СТАРУХА (Тесня Павла). Хорошо у вас. Темно.

ПАВЕЛ. За спичками и за солью. Она сейчас уйдет. Ты не обращай внимания. Ты это... музыку послушай. Или почитай что-нибудь. Почитай журнал...

АННА (глядя на Старуху во все глаза). Павел!

ПАВЕЛ. «Огонек». Здесь есть старые «Огоньки», там очень много интересного. Таких в библиотеке не получишь...

АННА. Павел. Но ведь это же она!

ПАВЕЛ (быстро). Почти совсем слепая.

АННА. Павел, но это та самая старуха!

СТАРУХА (опускаясь в кресло). Темно, хорошо. А то на свету все слезы текут.

ПАВЕЛ. Почти совсем глухая.

АННА. Даже не по себе стало: совершенно та самая. И усы, и валенки, и платок. И голос, как на старой пластинке. Как двадцать лет назад... Дача, оттепель, мы вдвоем — и старуха та самая!

ПАВЕЛ. Однажды состарилась — и живет.

СТАРУХА (Анне). У нас, знаете ли, беспокойно.

ПАВЕЛ (вмешиваясь). Он немножко — того. Ты ее не слушай. Видишь — сама с собой разговаривает. (Старухе). Соня, ну что ты села-то!

СТАРУХА (невозмутимо). Позапрошлый год забрались на дачу — по Лесной крайняя. К Кузяковым. Взять ничего не взяли, а посуду попачкали и постели покомкали, но ничего не сожгли.

ПАВЕЛ (тоскливо). И ведь пенсию получает, а все сторожит. Куда ей деньги-то.

АННА (заворожено). Все эти годы она сторожила сосны в снегу. Сторожила мелкий быстрый холодный красивый снег. Тот, что мы видели через окно, лежа в

постели обнявшись. Тающий снег под ногами, когда ждали электричку на пустой платформе. Сторожила от-тепель! (Восторженно). Она услышала музыку!

ПАВЕЛ. На твою машину набрела.

АННА. Моя машина? Ах, да, машина — совсем из головы вон.

СТАРУХА (Анне). Если б подожгли — тогда другое дело. А так — все цело, электрический камин был и без того испорчен. Ничего не сломано. Зачем заявлять?

АННА. Понимаю, понимаю...

ПАВЕЛ. Завела шарманку — про сторожевое дело. Хлебом ее не корми. (Старухе, громко). Пойдем, Соня, я тебя провожу. Здесь — порядок, сама видишь. Воров нет. Так что отдохнула — и хорош! (Пытается приподнять старуху, но та сидит кулем).

СТАРУХА (Анне). Но Кузяковы все равно заявили!

АННА. Не трогай ее, пусть побудет с нами. Я сама дам ей спичек, сама насыплю ей соли. Как-никак она была первая, кто видел, что мы с тобой — одно! Но кто такие Кузяковы?

ПАВЕЛ. Кузяковы из нашего дачного кооператива. Кричали на собрании, что Соню нужно прогнать. Кричали: «Она ходить не может — не то что сторожить!»

СТАРУХА. Но сторожить надо! Кузяковы сторожить не будут!

АННА (с умилением). Как здоровье, бабушка?

СТАРУХА (тревожно). Вы про Борю спросили? Боря редко пишет. Сначала часто писал, а теперь редко.

АННА (Павлу). Боря — это ее сын?

ПАВЕЛ. Брат, из Киева.

СТАРУХА. Боренька хоть и моложе меня на два года, но когда я получаю от него письмо, уж не и не знаю — жив ли... Письма так долго идут.

ПАВЕЛ. Теперь будет сидеть два часа.

СТАРУХА. И почтальон доставляет далеко не всегда своевременно.

ПАВЕЛ. Пока идет по прямой — еще ничего, но если сядет — будет долго сидеть, пока оклемается.

АННА. Такие старые — брат и сестра. По переписке, и оба глухие. Оба слепые, но пишут друг другу подробные письма слабым почерком. О чем пишут они один другому — только о смерти?

СТАРУХА. Бореньке назначили такую пенсию значительную, что ему приходится держать деньги в банке.

АННА (ужасаясь). В банке? Как странно и жутко — закатывать пенсию в пол-литровую банку. Впрок. Павел, отчего она такая старая?

ПАВЕЛ (мрачно). От возраста. И от жизни.

АННА. Так на меня смотрит.

СТАРУХА (Анне). Какая нарядная барышня.

АННА. Ты слышишь?

ПАВЕЛ. Слышу.

АННА. Она узнала меня!

ПАВЕЛ. Она меня с трудом узнает.

АННА. И это вполне естественно: ведь с возрастом давние воспоминания становятся только ярче. А я выгляжу, как тогда.

ПАВЕЛ. Может, она теперь и вообще встать не сможет.

АННА. Но отчего ты ей не поможешь, Павел?

ПАВЕЛ. Помогаю, а она — все равно сидит. Она тяжелая, тяжелый пассажир.

АННА. Я не о том.

ПАВЕЛ. Да у нее все есть. Отец привозит... то есть я подбрасываю. В общем, мы ее не оставляем...

АННА. Но ты же врач!

ПАВЕЛ. Я? Я врач.

АННА. Ты клятву давал. Ты клялся Аполлоном-врачом, богами, богинями...

ПАВЕЛ. Богами клялся.

АННА. И как его — Асклепием. Ты обязан ей помочь, ты просто не можешь сидеть сложа руки. Она же не чужая тебе!

ПАВЕЛ. Не могу. Сложа руки не могу.

АННА. Так помоги же ей! Она так на нас с тобой смотрит. Дай ей средство, пусть помолодеет и она. Помолодеет, встанет со стула и поедет к Боре.

ПАВЕЛ. Я? Средство... Соне... Она помолодеет? (Принимается смеяться). Средство к Боре...

АННА (с напором). Все эти годы она сторожила нас с тобой. И вот теперь наконец-то мы можем ее отблагодарить.

ПАВЕЛ (с трудом). Н-не п-получится. Н-ничего не получится...

АННА. Но почему?

ПАВЕЛ. Никак не выйдет.

АННА. Не понимаю.

ПАВЕЛ. Сердце старое. Не выдержит. Слишком поздно.

АННА. Как! Для... этого бывает слишком поздно?

ПАВЕЛ. Увы!

АННА. И что, еще чуть-чуть — и я тоже могла бы не успеть?

ПАВЕЛ. Ну, в твоём случае был все-таки довольно значительный запас.

АННА. Вот оно что... (Старухе). Бедная, вы, наша бедная.

СТАРУХА (Павлу). А что ж отец-то не едет?

ПАВЕЛ (взвывается). О, видишь, что я говорил — она ж заговаривается.

СТАРУХА. Обещал сыру привезти — и не едет.

ПАВЕЛ. У нее склероз. Сосудов головного мозга. А ты — помочь, здесь уже ничем не поможешь. Ну что ты мелешь, Соня, какого такого сыра?

СТАРУХА (упрямо). Обещал, а самого нету.

ПАВЕЛ. Всех путает. Меня — за отца принимает... то есть отца — за меня. А меня за сына. Соседа — за почтальона, это у нее запросто. Она мужчину за женщину может принять. Или наоборот... Вот она смотрит на себя сейчас, а думает вполне возможно, что ты — участковый милиционер.

АННА (Старухе, ласково.) Я не милиционер, я Анна. Вы меня узнаете? Я была здесь всего два раза, много лет назад, и шел снег, несмотря на оттепель. И все было точно так, как сейчас, вот только Павел... Павел скоропостижно скончался.

ПАВЕЛ (хватаясь за эту тему). Вот именно. Преставился, дуба дал. А ты, Соня, забыла, а ты — сыр. Давно в могиле Павел Павлович.

СТАРУХА. Ведь молодежь за дачей следить не будет.

АННА (подкладывая Старухе за спину подушки). Уже несколько лет как умер. В газете был большой некролог, очень хорошие слова. Вам удобно?

СТАРУХА. Молодежь танца любит. И игры.

АННА. Урна с прахом погребена в колумбарии. На Ваганьковском. Вам не дуется?

СТАРУХА. У молодежи иное на уме, а дом поддерживать надо.

ПАВЕЛ (с тоской). Да простоит ваш дом еще сто лет!

АННА. Тише! Быть может, она хочет подремать? (Отходит на цыпочках.). Неужели и мы будем такими?

ПАВЕЛ. Мы? Такими? Да никогда!

АННА. Верно, у нас же средство.

ПАВЕЛ. Мы молодые.

АННА. А она опоздала.

ПАВЕЛ. Пусть подремлет.

АННА. А я успела. И знала, знала, знала, что у нас с тобой все вернется!

Павел (косясь на Старуху, которая и впрямь задремала). И у меня никогда никого не было как ты — из двух половинок.

АННА. Молодые и все сначала.

ПАВЕЛ. И в ту, и в обратную сторону: Ан-на!

АННА. Я здесь.

ПАВЕЛ (шепотом). Иди ко мне.

АННА. Но она... (Кивает на Старуху.)

ПАВЕЛ. Спит, спит... К тому же ничего не видит.

АННА. И все ж таки неловко, все ж таки как-то советно...

ПАВЕЛ. И не слышит.

Обнимаются. Автомобильные гудки на улице.

Черт! Что этот тип все время гудит!

АННА. Ах, я и забыла о нем. Разве ты его не отправил?

ПАВЕЛ. Я и до машины не дошел, вот с Соней возился... Послушай, а собственно, кто он?

АННА (напевает). Кто он — кто он, кто он — кто он. Ах, глупости. Так.

ПАВЕЛ. То есть как это — так?

АННА. Я взяла его ненадолго.

ПАВЕЛ. Взяла?

АННА. Да займы. Ну, Павел, ну что ты сразу стал такой. Взяла, потому что не могла быть уверена, что ты один. Что ждешь меня. На всякий случай всегда при себе нужно иметь спутника.

ПАВЕЛ. Но как это — займы?

АННА. Просто он не мой знакомый.

ПАВЕЛ. Вы с ним не знакомы?

АННА. Нет, знакомы, конечно... Просто я взяла его на время. У Галины.

ПАВЕЛ. Кто такая Галина?

АННА. Галина — моя подруга.

ПАВЕЛ. И она дала?

АННА. Еще чего, обозлилась ужасно. Прямо в бешенство пришла. Он, видите ли, у нее всегда останавливается! Да он в Москве-то уже два года не был.

ПАВЕЛ. Странно как-то.

АННА. Пустяки.

ПАВЕЛ. Он торчит здесь, гудит...

АННА. Ну, хорошо — ты прав, прав, прав. Я привезла его не без задней мысли. Я привезла его не просто так. Я привезла его, если хочешь знать, только из-за тебя.

ПАВЕЛ. Из-за меня?

АННА. Конечно. К тебе же я сюда ехала!

ПАВЕЛ. Прочла интервью в газете, решила помолодеть...

АННА. Ах, у женщины всегда несколько причин. Я приехала... Нет, теперь это просто смешно. Ты будешь смеяться.

ПАВЕЛ. Не буду.

АННА. Ты так говоришь — не буду, а сам будешь.

ПАВЕЛ. Обещаю, что не буду.

АННА. Ну, хорошо. Я приехала — мстить.

ПАВЕЛ. Мстить? Кому?

АННА. Мстить тебе. Когда я узнала, что ты расстался с Вероникой... Что с Вероникой вы разошлись... Что Вероника тебя... В общем, когда я узнала, что ты один...

ПАВЕЛ. Я один.

АННА. Тогда я решила. И приехала — на «Шевроле». Чтобы ты увидел.

ПАВЕЛ. Тебя?

АННА. «Шевроле».

ПАВЕЛ. «Шевроле» я видел.

АННА. И ни в какой Тарасовке я не была.

ПАВЕЛ. Почему ты не была в Тарасовке?

АННА. Ах! Это же так просто! я ехала на «Шевроле» прямо к тебе. Чтобы ты понял.

ПАВЕЛ. Я понял.

АННА. Понял, что я сдаюсь. Что у меня все в порядке.

ПАВЕЛ. С тобой все в порядке.

АННА (терпеливо). Ты постарел, так? Измотался по службе. Жена ушла. И тут — я. Элегантная, с богатым порядочным человеком, на автомобиле заграничной марки из ресторана в Тарасовке. И муж — за границей.

ПАВЕЛ. Но ты же разведена.

АННА. Это я тебе сейчас сказала. Но сразу же ты этого не знал. У меня муж действительно часто бывал за границей. Теперь понятно?

ПАВЕЛ. И это месть?

АННА. Должен же ты был рано или поздно узнать — от чего ты отказался!

ПАВЕЛ. А разве женщины мстят?

АННА. Это мужчины забывают и прощают. Прощают и забывают. А мстят женщины.

ПАВЕЛ. За что? За то, что им сделали больно?

АННА. Нет, за это нет. Женщины мстят за то, чего им не сделали... Я должна была ему подать знак.

ПАВЕЛ. Какой знак?

АННА. Я должна была помигать светом. Небрежно эдак поиграть выключателем. Чтобы шел к нам, чтобы принес из машины все то, что мы привезли. А у тебя — перегорели пробки...

ПАВЕЛ. Перегорели, верно, не надо играть...

АННА. Представляешь, каков был бы эффект?

ПАВЕЛ. Предоставляю. Как у Кио. Но лучше все-таки пусть посидит в... Пусть останется за... Ему сюда не... Слушай, а чего он тебе... то есть чего я тебе — не сделал?

АННА. Хуже, чем не сделал. Ты сделал, а потом — забрал все назад. Ты поступил со мной бесчестно. Ты меня предал, как можно это еще назвать.

ПАВЕЛ. Заложил, подставил, пробросил, кинул...

АННА. Ты меня предал на следующий же день. Ты проводил меня до электрички, вечером обещал позвонить, но вместо того, чтобы готовиться к экзамену, следом за мной, как вор, уехал в Москву. В Москве ты холодно, как убийца, взял билет на самолет — и улетел. Прямо из нашей с тобой постели ты улетел в Карпаты, к ней. А меня — меня даже не предупредил!

ПАВЕЛ. Вот как.

АННА. А я ждала. Весь тот вечер, и весь следующий день. И мне позвонил Пентин. И сказал, что ты улетел. К ней, на Карпаты. И что дал ему мой телефон... Я хотела умереть.

ПАВЕЛ. Дал телефон Пентину.

АННА. И не сдержал своего слова.

ПАВЕЛ. А... я тебе что-нибудь обещал?

АННА. Хуже, хуже, ты не обещал, и одного этого всегда за глаза достаточно. Ты же был так нежен со мной тогда. Ты был — волшебный! (Хочет броситься к нему.)

ПАВЕЛ (отстраняясь). Я был.

АННА. А потом — потом унизил меня у всех на глазах.

ПАВЕЛ. У кого это у всех?

АННА. На глазах у Вероники, на глазах у Пентина!

ПАВЕЛ. Да при чем здесь этот Пентин?

АННА. Но ты же первый!

ПАВЕЛ (ужасаясь своей догадке) Ах, вот что. Значит...

АННА. Не сразу. Когда вы вернулись, помирившись в Карпатах, и подали заявление в загс, и Вероника попросила, чтобы я была свидетельницей на вашей свадьбе, и свидетелем с твоей стороны должен был быть Пентин... тогда.

ПАВЕЛ. Хорошая комедия.

АННА. Но ведь она же повезла меня примерять белое платье!

ПАВЕЛ. И фату?

АННА. И фату. И по дороге мне спела песенку, которую ты про меня сочинил. Анна, Анна, наполни ванну. Гадкая песенка, я тебе скажу. Подлая песенка...

ПАВЕЛ. Это не я. Это — он.

АННА. Ты, ты, голубчик. Это ты все в институте песенки сочинял, а Пентин — только на гитаре подыгрывал. И вы их вместе пели. про дым.

ПАВЕЛ. Про что?

АННА. Про дым из трубы. Про зеленого аиста. Одинокого.

ПАВЕЛ. Зеленый аист, одинокий, в дыму — последний день Помпеи.

АННА. И про голубой вагон.

ПАВЕЛ. Голубой спальный или голубой общий?

АННА. Это же наша молодость.

ПАВЕЛ. Или голубой плацкартный?

АННА. Наша юность! Все, все говорили, что ты очень талантливый. А я — я бы и умерла, так мне было плохо. Умерла, если бы не мама.

ПАВЕЛ. Если бы не Пентин.

АННА. Постой... Ты... ты ревнуешь? Ты в самом деле ревнуешь? О, какая я дура, какой ты смешной, какие мы — счастливые. Скажи, а тогда?

ПАВЕЛ. Что?

АННА. Тогда тоже ревновал, но не показывал виду?

ПАВЕЛ (почти с ненавистью). Я не показывал виду.

АННА. Ты — настоящий. Я всегда знала это. Когда ты похлопал Пентина по спине — мы целовались с ним на диванчике в фойе ресторана на вашей свадьбе, — когда ты похлопал его, проходя мимо, мол, давай-давай — я и тогда знала. Просто ты не мог поступить иначе.

ПАВЕЛ. Гнида какая.

АННА. Я и сама-то была, как растение...

ПАВЕЛ. Как что?

АННА. И с тобой, и с другими. И с мужем была как растение, потом снова с другими. Но теперь, теперь, когда мы снова вместе, теперь, когда можно все начать сначала, с чистой страницы, с белого листа — о, теперь-то я... Я не буду дурой! Теперь я просто скажу: дай руку. Я скажу: дай руку, люди одиноки, я твоя. Глупо кусаться, если хочешь отдаться. Я скажу: я твоя, пойдём в постель, потому что холодно на дворе, и даже с постели видно, как идет за окном снег. Потому что завтра мы устанем еще на один день, и даже если снова возьмемся за руки, наши руки уже не будут такими горячими. Начнем же сначала, не откладывая. Дай руку. Я твоя!

СТАРУХА (громко). И умереть нельзя.

АННА (вздрагивая). Умирать нельзя.

СТАРУХА. Ведь Мусю совсем не на кого оставить.

АННА. Надо жить.

СТАРУХА. Муся хоть и мало есть — молоко и сырую рыбу, но без меня — кто накормит. (Затихает).

АННА. Жить! Жить!

ДЕВИЦА (шевелиясь на диване). Пить! (Садится). Мне такой сон снился страшный — будто все на меня кричат.

АННА (Павлу). Отчего же ты не берешь мои волосы? Они стали гуще. Они пахнут, как раньше, медом и молоком.

ДЕВИЦА. Чего это она?

АННА. Я же никогда на тебя не сердилась, ни секунды, хоть ты и обижал меня всегда — все эти двадцать лет. Ты ведь тоже меня простил?

ПАВЕЛ. Мы не ссорились.

ДЕВИЦА. Чего это она с ума сходит?

АННА. Ты простил. Но отчего ты так горько это сказал? Нет-нет, нам не нужна эта горечь теперь. Все то — в прошлом. Посмотри же на меня!

ДЕВИЦА(подходя к Анне). Ты чего, мамуля?

АННА (Девнице). Мне и вас хочется обнять, и эту старую одинокую женщину, которая опоздала. За то, что вы любите его, я вижу. О, вы правы, его нельзя не любить... Как вы меня учили — эту ногу сюда?

ДЕВИЦА (с опаской). И зад подобран.

АННА. Именно — подобран. Грудь вперед, верно? И — на три такта: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три... (Подхватывает Девницу, не очень складно танцует). Знаешь, Паша, зачем я сюда ехала? О, я только сейчас, в эту самую минуту все-все поняла. Я ехала удостовериться, что у меня — есть моя жизнь. Моя, одна, целая моя жизнь — не из обрывков, и лоскутов, а целая. Что ниче-

го не пропало — из тех чувств. И вот теперь я знаю: все эти годы была между нами натянута незримая нить. Ведь ничего не пропадает, если случилось однажды. Если по-настоящему произошло. Все остается, пока мы живы!

ДЕВИЦА (высвобождаясь). Пока еле живы.

АННА. Ничего не прервется и ничего не исчезнет. Потому что мы все вместе — хоть и такие одинокие, но мы есть! (Оглядывает присутствующих словно со стороны.). В те годы я часто представляла тебя, Пашка, вот так: в кругу сотрудников, среди близких и друзей. Я пыталась вообразить — каким должен быть твой дом. Я видела тяжелую старинную мебель, какие-нибудь лесные пейзажи в золоченых рамах, толстые книги на длинных полках. Я представляла себе твоего отца, твою мать, добрыми, сильными благородными и интеллигентными. Особенно мать — ее я чаще всего себе представляла.

ДЕВИЦА. На «Жигулях».

АННА. Да-да, не смейтесь. Мне всегда казалось, что если я увижу ее когда-нибудь — мне тут же захочется целовать у нее руки. (Девнице) Вам, должно быть, приходится бывать иногда в этом доме. По делам.

ДЕВИЦА. Не деловая. (Павлу.) Чего она к нам липнет-то?

АННА. Давай же выпьем все вместе!

ДЕВИЦА. Это можно. Пока никто больше не завалился.

АННА (Павлу). Мы ждем кого-нибудь?

ДЕВИЦА. Да папаша может нагрянуть.

АННА. Папаша?

ДЕВИЦА. А вы что думали: хозяин — барин.

АННА (неприятно удивлена). Ваш отец?

ДЕВИЦА. Мой навряд ли. Он не здесь живет. Его!

АННА. Вы ошибаетесь, моя милая, отец Павла шесть лет назад умер.

ДЕВИЦА. Ну и юмор у вас.

АННА (раздражаясь). Работая в этой области, вы могли бы знать о смерти такого крупного специалиста.

ДЕВИЦА. В какой-то области?

СТАРУХА (очень вдруг). И за что безгрешному человеку, такой души необычайной — и такие муки перед смертью!

ДЕВИЦА. Или вы про деда? Тот умер, верно, мне Пашка говорил, был на совещании и на ковре того, с копыт.

АННА (с беспокойством). С копыт на ковре?

СТАРУХА. С легкими-то у него давно было неладно, но цирроза до последнего не подозревал. Из дома — в больницу, из больницы — домой. После операции — в реанимацию. И ведь полгода после того еще прожил, так крепко за жизнь держался — изо всех сил, изо всех сил...

ДЕВИЦА. А папаша в любой момент нагряться может.

СТАРУХА. Нину тоже можно понять — так намучилась. Все на ее плечи легло. Он в последние два месяца и не вставал. Бывало, Нина зайдет ко мне — на что всегда молодцом держалась, а сядет да расплачется. Сидим — обе плачем. Да и то, такого мужа терять...

ДЕВИЦА. Ладно, наливай по-тихому.

СТАРУХА (Анне, доверительно). Молодым не до стариков. Верка ушла. Павлик хоть и добрый, а невнимательный. С Павлуши и подавно какой спрос...

ДЕВИЦА. Наливай, Павлуша.

СТАРУХА. Павлик-то добрым мальчиком рос. Другие балуются, животных мучают, в почтовый ящик бросают зажженные спички. А Павлик книжек много читал. И правдивым рос. Иной раз уронит что-нибудь или украдет — так сразу и расплатится. И все расскажет. А если повредит куклу, тут же сам и наложит повязку.

АННА. Что-то у меня голова...

ДЕВИЦА. Просто их всех Павлами звать. Теперь, к примеру, все Володьки или Сашки. А они — Павлы!

СТАРУХА (сквозь дрему). Взрослые говорили — тоже доктором будет.

АННА. Где мой анальгин? От вина у меня всегда голова... (Девнице.) Вы так громко кричите.

ДЕВИЦЕ. У меня голос такой.

АННА. Павел, отчего ты молчишь?

ДЕВИЦА. Да что вы к нему цепляетесь: Павел, Павел. Он уже двадцать лет Павел. Да, Паш?

АННА(дрожащим голосом). Ты не мог бы сказать этой твоей... твоей лаборантке, чтобы не смела говорить со мной таким тоном.

ДЕВИЦА. Скажет он. Перетопчешься.

АННА. Таким наглым тоном. Чтоб вообще не смела со мной говорить!

ДЕВИЦА. И говорить не о чем. Сама первая. Еще обниматься лезет.

АННА. Мне как-то не по себе, Павел. Почему ты не смотришь на меня?

ДЕВИЦА. Посмотри ты на нее, если ей так хочется.

АННА. Мне страшно, Павел. У тебя чужие глаза. Я не узнаю тебя. Это ты?

ДЕВИЦА. Он это, он.

АННА. Ты какой-то другой.

ДЕВИЦА. Он самый. Только вы его за другого приняли.

АННА. Ты не Павел.

ДЕВИЦА. Он Павел. Они все — Павлы. И мне рот не затыкайте. У меня отец тоже — может быть. Никто не виноват, что вы адресом ошиблись.

АННА (в ужасе). Я ошиблась адресом?

ДЕВИЦА. Не в том смысле. Промахнулись просто.

АННА. Я промахнулась.

ДЕВИЦА. Хвач-кара, хвал-кара. Да мы в рот сухого вина не берем. Кислятина.

АННА. Промахнулась? (Озирается). Но эта печка, и эти кресла? Этот запах — тот самый, давний. И эта старуха?

ДЕВИЦА. Он и песен про ослика не знает. Кто сейчас про ослика-то поет? Не к тому заехали.

АННА. Теперь я вижу, да-да. Но где же Павел?

ДЕВИЦА. Долго же до вас доходит. Того Павла нету здесь. А этот Павел — его сын.

АННА (с любопытством). Павел, ты его сын?

ПАВЕЛ. Предположительно. Или Пентина.

АННА. Да-да, ты мне говорил, что у тебя — сын. (Разглядывает Павла). Взрослый уже.

ДЕВИЦА. Наконец-то доперла...

ПАВЕЛ (Девнице). Если ты сейчас не заткнешься!..

ДЕВИЦА (прикрывая голову). Ты чего, а, ты чего? Она тебе нужна... Тебе такая нужна...

АННА. А у меня дочь. Тоже взрослая. Четырнадцать будет, в апреле. Я говорила уже, кажется... Я поздно родила. Поздно замуж вышла и поздно родила. Она живет у мамы, там ей неплохо. Английская школа рядом, совсем близко, через дорогу. Она славная, фигурка чудесная. Ее маленькой мама на каток водила, фигурное катание... (Девице.) Подайте мне, пожалуйста, мое пальто.

ДЕВИЦА. Натe. (Подает пальто).

АННА (вздрагивая от ненависти). Не дотрагивайтесь до меня! (Павлу.) Отцу привет передавай. Скажи — заглядывала Анна. Подруга Вероники по школе. Была неподалеку, заглянула на огонек. Жаль, что не застала. Его подруга студенческий лет... (Садится)

ПАВЕЛ (искренне). Может быть, воды?

АННА. Пустяки. Сейчас, сейчас... (Встает, натягивает пальто.) Подруга Вероники. Из Тарасовки. Он вспомнит. (Идет к дверям).

ПАВЕЛ (не сдерживаясь). П-постой!

Анна оборачивается.

Постойте.

АННА. Все ж таки очень похож.

ПАВЕЛ. Я просто пошутил...

АННА. Верно, верно, было очень весело.

ПАВЕЛ. А ты... а вы — сами.

АННА. Я сама.

ПАВЕЛ. Я только хочу сказать, что ты — не можешь... не должна так просто уходить.

АННА. А вот теперь — уже не надо ничего. Успокойся, ты молодой, у тебя — все будет хорошо. У тебя и у твоей... девочки. (Идет к двери).

ПАВЕЛ. Ты что, забыла?!

АННА. Перчатки здесь, сумочка в машине...

ПАВЕЛ. Ты забыла.

АННА. Будь счастлив.

ПАВЕЛ. Ведь ты — молодая!

АННА. Ах, оставь.

ПАВЕЛ. Но средство же.

АННА. Как же, как же.

ПАВЕЛ. Средство же — подействовало!

АННА. Пожалуйста, отпусти меня.

ПАВЕЛ. Ты что, не понимаешь? Ты взяла у меня средство, так? средство, чтобы помолодеть. И вот теперь ты...

АННА (внезапно вспомнив). Боже! (Ощупывает себя, ищет зеркало.) Средство, да-да... Боже мой!

ПАВЕЛ. Вот видишь.

АННА. Что же теперь делать?!

ПАВЕЛ. Веселиться. Все начинать сначала, с чистой страницы, с белого листа. Сама говорила.

АННА. Я так говорила?

ПАВЕЛ. А кто же.

АННА. Какие глупости. (Не находит себе места). Какая глупость. (Вдруг.) Постой. А он?

ПАВЕЛ. Кто?

АННА. Твой... твой отец?

ПАВЕЛ. А-а, он не рассердится. Он мне разрешил пользоваться...

АННА. Он — тоже?

ПАВЕЛ. Что?

АННА. Он тоже — молодой?

ПАВЕЛ. Он еще ничего.

АННА. Также как двадцать лет назад?

ПАВЕЛ. Ну, это вряд ли...

АННА. Он тоже — на каникулах?

ПАВЕЛ. Ты об этом... Он — да... то есть нет. Конечно, нет. Ведь это... это чисто женское средство!

АННА (сокрушенно). Вот видишь, вот видишь... (Плачет).

ПАВЕЛ. Ты же хотела помолодеть! Приехала, как только интервью папашино прочла. Вспомни, интервью в газете. И все было отлично: ты раньше была деревянная, а теперь — шампунь на соснах...

АННА. Просто катастрофа.

ПАВЕЛ. Но почему?!

АННА (кричит). Хотела, хотела, мало ли чего я хотела! Я же не знала, что ты — это не ты. Что ты — это не он. Что ты — ты! О, что ты наделал, мальчишка...

ПАВЕЛ. Чего такого-то.

АННА. Нет, я и представить не могла, что это — так тяжело. Никогда бы не подумала, что это так жутко — молодеть. Это, может быть, еще страшнее, чем наоборот. Стареешь все-таки медленно, постепенно, можно хоть как-то подготовиться, хотя, конечно, когда нужно — всегда оказываешься не готова... Скажи мне правду — что, я действительно так изменилась?

ПАВЕЛ. Стала как тогда.

АННА. О господи! Что скажет мама! И как я объясню дочери!

ПАВЕЛ. Тебе идет быть такой.

АННА. А как я появлюсь на работе — у меня же там чисто женский коллектив! И что — никак нельзя все это... удалить?

ПАВЕЛ. Я не знаю...

АННА. Конечно, конечно, откуда тебе знать. Даже спутнику неудобно показаться в таком виде... Нет, это невозможно. Я в отчаянии, я просто в отчаянии...

ПАВЕЛ (утешительно). Разница не так уж и бросается в глаза.

АННА. Как же! Не бросается. Еще как бросается! Что ты понимаешь во всем этом... Это же совершенно разные вещи. Нет, нет, он не должен был выдумывать этого средства. Он просто не имел права его выдумывать. Видите ли, головная лаборатория! Если так, то будь добр позаботиться, чтобы твое средство было универсальным: и туда, и обратно. Ведь бывают же обстоятельства, при которых женщине просто никак нельзя себе позволить быть чересчур молодой! Конечно, можно накраситься, можно наложить грим — но в этом доме нет даже зеркала!

ПАВЕЛ (срываясь, со слезами). Значит, все, что ты мне говорила... все что ты делала — все это...

АННА. Не ждать же теперь двадцать лет, покуда опять придешь в нормальную форму!

ПАВЕЛ. Все была ложь?

АННА. А что такое я тебе говорила?

ПАВЕЛ. Что люди одиноки.

АННА. Разве?

ПАВЕЛ. Что холодно на дворе.

АННА. В самом деле.

ПАВЕЛ. Что завтра мы остынем еще на один день.
Ты шептала: «Дай мне руку».

АННА. Я шептала?

ПАВЕЛ. Говорила: «Я твоя!»

АННА. И все эта проклятая мазь.

ПАВЕЛ. Ты обнимала меня...

АННА. Но, но, но... Ты такой юный.

ПАВЕЛ (убито). Обнимала. Вот здесь. На этом самом месте. И просила, чтобы я взял твои волосы...

АННА (отшатываясь). Боже упаси. Да я могла бы быть твоей матерью.

ПАВЕЛ. Моей матерью? Не-ет, высовсем не похожи...

АННА. По возрасту.

ПАВЕЛ. Моей матерью? (Спохватившись). Это ты раньше могла, понятно? А теперь — не можешь!

АННА. Отчего же...

ПАВЕЛ. Теперь... теперь ты — как я.

АННА. Как ты?

ПАВЕЛ. Конечно. Теперь у нас с тобой могут быть дети!

АННА. Правда, дети еще вполне могут быть.

ПАВЕЛ (страстно). Теперь ты можешь быть только моей... знакомой. Или моей невестой, например.

АННА. Твоей невестой?

ПАВЕЛ. Или так — подругой.

АННА. Нет, мне не справиться с этим.

ПАВЕЛ. Ведь мы могли бы с тобой вместе в институте учиться.

АННА (вглядываясь в него). Верно, верно, тебе нужно учиться.

ПАВЕЛ. Или в школе — сидеть за одной партой.

АННА (осторожно). А это — надолго?

ПАВЕЛ. Конечно!

АННА. Действие мази?

ПАВЕЛ. А, мази. Конечно, надолго.

АННА. Все-таки был бы хоть чуть-чуть постарше...

ПАВЕЛ. К тому же ее полно — мази-то. И рецепт есть!

АННА. Впрочем, у моей заместительницы муж — на восемь лет моложе. И живут. На Западе это даже модно... (Вдруг.) Но Вероника!

ПАВЕЛ. Что Вероника?

АННА. Ну как же — что: она же была моей подругой, а теперь — теперь ты ее сын.

ПАВЕЛ. Так она же ушла. А я остался.

АННА. Как она могла.

ПАВЕЛ. Просто: нашла себе другого. Теперь они за границей. Она хотела, чтобы я с ней жил...

АННА. Еще бы!

ПАВЕЛ. Но мне — и дома хорошо.

АННА. С отцом?

ПАВЕЛ. Она теперь шмоток подбрасывает... Иногда письмо придет. Или открытку — с видом...

АННА (вглядываясь в него). А может быть — это даже справедливо. Может быть, это во сто крат справедливее, чем если бы ты был не ты — а он. Кто знает, может быть, тогда, двадцать лет назад, все и было только ради этого. (Очень взволнованно). Все и было только ради того, чтобы шли эти годы, он выдумывал средство, Вероника собиралась за рубеж, ты вырослел, а я — я бы тебя ждала. И вот мы встретились...

ПАВЕЛ. Дай мне руку.

АННА. Мы встретились, и я вижу — я нужна тебе.

ПАВЕЛ. Ты мне нужна.

АННА. Мальчик мой. Совсем один. Дай мне свою голову, положи мне ее на грудь. Вот сюда...

ПАВЕЛ. Да.

АННА. Ты увидишь, ты увидишь... все будет хорошо. Все будет...

ПАВЕЛ. Ты теперь не уйдешь?

АННА (целуя его). И все-все можно устроить. Квартира у меня однокомнатная, но кухня — девять метров. И метро рядом...

ПАВЕЛ (плача). Ты не думай, я от армии освобожден.

АННА. Ты сильный. Я чувствую себя рядом с тобой совсем маленькой.

ПАВЕЛ. А долг я отдам....

АННА. Все будет, все будет... Знаешь, ведь я ни о ком никогда не заботилась по-настоящему. А о тебе — буду. (Вновь молодеет.) И сделаю короткую стрижку. Если ты не хочешь, чтобы я красила волосы — я стрижку сделаю. Раньше мне было хорошо со стрижкой.

ПАВЕЛ. Я работать пойду.

АННА. Ведь девочка моя почти взрослая, я ей больше не нужна... А долг ерунда, долг отдадим. Найдем денег. Или продадим что-нибудь.

ПАВЕЛ. Я в институте восстановлюсь...

АННА. Знаешь, когда я выходила в прошлый раз замуж, мой муж запретил мне надевать белое платье...

ПАВЕЛ. На вечернем...

АННА. Представляешь? Сказал, что в моем возрасте выходить замуж в белом — неприлично.

ПАВЕЛ. И уедем на море.

АННА. А ведь мне всегда шло все белое.

ПАВЕЛ. Какая ты горячая.

АННА. Это — твоё тепло.

ПАВЕЛ. И руки, и грудь...

АННА. Это потому, что я начинаю сначала... Красиво-то как: платье белое, фата, цветы — скажем, гладиолусы. И вальс — Мендельсона!

ПАВЕЛ. У меня Мендельсона нет, только Джексон...

ДЕВИЦА. Ну вот, что я говорила! Здра-асьте!

Тут только Павел и Анна замечают, что на пороге стоит как статуя командора Павел Павлович.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (нервно). Всем оставаться на своих местах.

Павел и Анна замирают, как в немой сцене.

СТАРУХА. Это ты, Павлик?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (подвигаясь к ней боком, не спуская глаз с остальных). Здравствуй, Соня. (Целует Старуху в щеку). Спасибо, что посторожила этих... Вот твой сыр. Российский. Швейцарского больше нет.

ПАВЕЛ. Неужели ты шпионила за нами, Соня! Я же говорил... я так и думал. (Поворачивается к отцу.) И ты тоже?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Молчать! И всем не двигаться — если не хотите лишних неприятностей.

ПАВЕЛ (угрожающе). Зачем ты приехал?

СТАРУХА (нюхая сыр). Павлуша-то как вытянулся.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Весьма, весьма... (Пристально всех разглядывает.)

ПАВЕЛ. Я тебя спрашиваю...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. А? Ты меня спрашиваешь? Могу сказать: я приехал на собственную дачу подышать свежим воздухом. (Вдруг с пафосом.) И заодно поздравить тебя — твоим делом занимается прокуратура.

ДЕВИЦА. Приплыли.

СТАРУХА. Молодежь за домом не уследит, у молодежи веселье на уме...

ПАВЕЛ (сквозь зубы). Каким делом... папа?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (взрываясь). И оставь это вечное свое паясничанье, что за «папа»?!

ПАВЕЛ (как можно спокойнее, упрямо). Каким делом?

СТАРУХА (нюхая сыр). Муся российский есть не будет. (Засыпает.)

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (не отвечая сыну). Ну-с, девушки, которая из вас будет Лялька?

ДЕВИЦА. Нет ее здесь.

АННА. Как постарел.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Рыжего-то я уже видел — дрыхнет в автомобиле, как ни в чем не бывало. Подумать только, на перепродаже ворованных кожаных пиджаков можно вполне прилично зарабатывать!

ПАВЕЛ. Это не Рыжий. Каким делом — ты можешь ответить?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Не Рыжий? Отлично. Правоприменяющие органы разберутся. (Театрально). Как это все грязно, грязно, грязно, Павел!

АННА (Павлу Павловичу). Ты меня не узнаешь?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Лицо как будто знакомое.

АННА. Не узнаешь. Это и понятно, я очень изменилась... Я — Анна, подруга Вероники по школе...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Подруга Вероники? Анна? Да-да-да. (Узнает Анну — без удивления и без удовольствия.) Вот так сюрприз, неужели. Давненько не виделись...

АННА (торопясь). Да, давно. Но это после. Понимаешь...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Анна, Анна, наполни ванну, так кажется? Не помню как дальше...

АННА. Потри мне спину, роди мне сына. Но это не важно...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Да, было время — и мы стишками баловались. Юность, юность... Даже на гитаре помнится, играл — так, бренчал по струнам, в домашнем кругу баловался, грешный человек... гм. А собственно, откуда ты здесь?

АННА. Приехала. На автомобиле. Я должна тебе сказать...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (мрачней). На автомобиле? Вот оно что. Значит, подруга Рыжего? Не ожидал, признаться, не ожидал... Гм, тесен мир...

АННА. Выслушай же меня! Павел, твой сын, — он ни в чем не виноват...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Вот как.

АННА. Не перебивай, пожалуйста. Я все объясню по порядку. Во всем виновата — я одна. И никто больше!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Интересно.

АННА. Это я настояла. А он — взял без твоего разрешения.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Именно это действие и называется... квалифицируется законом — соответствующим образом. Гм.

АННА (Павлу, который хочет вмешаться). Молчи, ради бога — молчи.

ПАВЕЛ. Но...

АННА. Молчи, прошу тебя. (Павлу Павловичу). Теперь ты понимаешь?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Признаться, не совсем. Что, ты — в стесненных обстоятельствах? Так сильно приперло? Ну, в крайнем случае, обратилась бы ко мне, я попытался бы... по старому знакомству...

АННА. Бывают люди, которые и не были молодыми. Но когда с юности привыкла быть молодой — и потом так трудно от этого отказаться. Ты понимаешь меня.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Я-то понимаю. С возрастом расходы действительно растут. Но как это объяснить суду?

АННА. Суду?!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Делу дан ход. (Павлу.) Да-да, ты напрасно ухмыляешься. Преступление есть преступление...

АННА. Но разве хотеть жить — это преступление? Разве за то, что ты пытаешься начать все сначала, можно строго судить? Посмотри на меня. Еще вчера — я была совсем другой. А сегодня я изменилась за одну ночь!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (скептически). Что, измучило раскаяние?

АННА. Ты же видишь — какая я молодая!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (с опаской отодвигаясь). Да, пожалуй... Конечно...

АННА. Тебе-то это заметно как никому!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (еще отодвигаясь). Мне, ты полагаешь? Почему, собственно, мне?

АННА. Ты — ювенолог, ты...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Я не на работе.

АННА. Я на колени встать готова перед тобой. Ведь такой, какой я стала теперь — я стала только благодаря тебе. Тебе и твоему сыну.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Положим, я здесь ни при чем.

АННА. Прости же его — ради меня. Ради нашей с тобой давней дружбы.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Только не надо... не надо этого, не надо становиться на колени. Павел, скажи ей...

ПАВЕЛ. Не надо, Анна.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Я... гм... не хочу быть жестоким, конечно, не хочу... но — не могу и поощрять, да!.. Павел, поддержи же ее. Так что если вы немедленно отдадите золото...

АННА. Сколько нужно? Скажи — сколько нужно?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (отступая). Спокойнее, спокойнее, у меня тоже нервы. Я ночь не спал... не дали... гм. Так вот, Павел, — я к тебе обращаюсь...

ПАВЕЛ. Да, папа.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Если вы сейчас же вернете награбленное... И если ты попросишь у бабушки сегодня же прощения, то быть может, мне удастся убедить ее

забрать заявление назад. Правда, твоя бабка, сам знаешь, упряма, как... (ищет пристойное сравнение) как муссон. Или как пассат? Всегда их путаю, хотя разница, кажется, всего лишь в направлении ветра...

ПАВЕЛ. Вот оно что. Из-за какого-то старого кольца...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Согласись, мы долго терпели все твои выходки. Бабка тебя избаловала безбожно, хотя я ее много раз просил этого не делать. Но сколько же можно!

ПАВЕЛ. Значит, ты тоже руку приложил, папа?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Она плачет. Она не спала всю ночь. Она же любит тебя и это при ее-то больном сердце!

ПАВЕЛ. А сама заявление в милицию пишет?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Это кольцо — небольшое из того, что осталось от бабушки! Ты не понимаешь, что взяв его — ты ее оскорбил!

ПАВЕЛ (Девнице). Я же говорил — бабка у нас маленько того, стебанутая...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (топая ногами). Не смей так говорить о моей матери! Да еще в присутствии посторонних. (Озирается). Лиц.

ДЕВИЦА. Вот оно! (Показывает кольцо).

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Ну вот, я же сразу понял, что вы — одна шайка. Значит, организованное ограбление пожилой женщины? Доверчивая старуха, которая тебя вынянчила...

ПАВЕЛ. Грудью вскормила.

ДЕВИЦА. И вовсе мы не вместе.

АННА. Я одна.

ДЕВИЦА. Кольцо-то у меня.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Впрочем, это не имеет значения. Давайте!

ДЕВИЦА. Нет, имеет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. В каком смысле?

ДЕВИЦА. В прямом. Вы видите — какое это кольцо?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Золотое.

ДЕВИЦА. А еще.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Краденое. Если говорить языком милицейского протокола.

ДЕВИЦА. Не угадали. Это — обручальное кольцо!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Обручальное кольцо моей матери!

ДЕВИЦА. Верно. Но Павлик взял его у вашей мамы. Взял его — для меня!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Павел, что все это значит?

ДЕВИЦА (бросаясь к Павлу Павловичу). Папа!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (бросаясь от нее). Павел же!

ПАВЕЛ (невинно). А? Ты — меня?

ДЕВИЦА. Так что можете нас поздравить...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (Павлу, с ужасом). Ты что, решил жениться?

АННА. Это еще не решено.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Но почему я об этом узнаю в последнюю очередь?

ПАВЕЛ. Я же тоже узнал в последнюю очередь о том, как женился ты.

ДЕВИЦА. Сами видите.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (глядя на Девницу). Девочка беременна?

ДЕВИЦА. Нет еще, папа.

ПАВЕЛ (Анне). Уйдем отсюда.

АННА (с трудом). Нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (с неожиданным пафосом). Ты мужчина, Павел, и если ты сделал выбор, если ты принял на себя ответственность за эту девушку... за вашу будущую семью...

ПАВЕЛ (Анне). Уйдем.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Ты чувствуешь свою ответственность?

АННА. Да.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Ты подумал, где вы будете жить, например?

ДЕВИЦА. Пока здесь поживем, если вы не возражаете.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (сомнамбулически). На вашем поколении сегодня лежит особая ответственность. В эти дни, когда всемерно возрастают темпы научно-технического прогресса... Вы — молодые, вы — впереди, ваше поколение, может быть, будет жить... будет жить на Марсе!

ДЕВИЦА. А говорите — жить негде.

ПАВЕЛ (Анне). Ты остаешься с ним?

АННА (пересиливая себя). Я... побуду. Так надо.

ДЕВИЦА (беря Павла под руку). Поживем на свежем воздухе.

АННА (не сдерживаясь). Подождите.

ПАВЕЛ (Девнице, резко). Идем!

АННА. Подожди же!

Павел останавливается

Ты... ты... (Не знает, что сказать). Ты — замерзнешь! Возьми вот хотя бы свитер. (Принимается стягивать с себя свитер.) Пожалуйста, возьми...

ДЕВИЦА. А вот вашего нам ничего не нужно.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (спохватывается). Да, вот еще, Павел. Конечно, нужно было тебе сказать раньше, но я только что вспомнил. Все время крутилось в голове... Так вот, Павел, запомни одну важную вещь: жениться надо так, Павел, чтобы тебе были за это благодарны! (Задумывается). Впрочем, это не я сказал...

ПАВЕЛ. Кто же это мог сказать, папа, если не ты?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Кто-то из киников. Или из стоиков. Антисфен или Зенон.

ПАВЕЛ. Или Герцен? (Берет Девушку за руку, они уходят.)

ДЕВИЦА (возвращаясь). Лыжи забыли. Пока. (Забирает лыжи. Уходит.)

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (очнувшись). Да, а как же мой кожаный пиджак?

ГОЛОС ПАВЛА. Вернется...

ГОЛОС ДЕВИЦЫ. Вернется...

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Это что, нынешняя мода — таким способом объявлять отцу о своей женитьбе! Помню, когда я делал предложение его матери... (Только теперь видит Анну). А ты — не с ними?

АННА. Нет.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. А... а с кем?

АННА. Одна. Наверное.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Гм... Но что же мы стоим! Присаживайся, располагайся. (Садится сам).

АННА. Ты плохо себя чувствуешь?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. С какой стати мне чувствовать себя хорошо, если я чувствую себя отвратительно... Ну, рассказывай, как дела?

АННА. Спасибо.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Гм... растут дети.

АННА. Растут. (Пауза.) Как ты?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Кто, я? Я нормально. Я хорошо. Отлично!

АННА. Заведешь лабораторией. Головной.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. А? А, это. Пустяки. Заведую, да.

АННА. Ты стал, как твой отец — всего добился.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Я? Добился? (Вдруг смеется.) Отец! О, это была величина — председатель, ответственный секретарь, светило. Калиостро, да-да, мошенник был первостатейный! Нам до него далеко... Гм. Так, значит, и живем. Дачка скромная, но нам хватает. А ты здесь раньше не была?

АННА. Бывала когда-то.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Тьфу, ты, конечно, как же, как же — память стала, как решето. Разумеется — бывала. Народу, помню, было много, человек двадцать пять. Все молодые, с девушками, танцевали до упаду: лэт'с твист эгейн, лайк ту би ласт самма, лэт'с твист жгейн, лайк ту би ласт еар... (Танцует.)

АННА. Тогда меня не было.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (останавливается). Действительно.

АННА. Я была в другой раз.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Да-да... (Садится.) Устал.

АННА. Расскажи о своей работе.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. О моей работе? Дым, иллюзия, мираж — вот что такое моя работа. Молодость — это мечта, пойдя позаведуй мечтой хоть пару лет. Разве можно исправить результаты чужих ошибок? Врачу, излечись сам. Ведь бывает, знаешь, такая большая мордастая ошибка — но ее можно исправить. А бывает маленькая, как спирохета, и от нее умирают.

АННА. И ты не знаешь средства от этого?

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. От смерти?

АННА. От ошибок.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Не знаю. А что касается старения — оно запрограммировано. Прислушивайся!

Мягкий стук об пол.

АННА. Что-то упало.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Но не разбилось. Слышишь? Это — шорох времени. Это — гипофиз, не уставая, вырабатывает специальный гормон — гормон смерти. Ты скажешь — гипофиз нужно удалить. Верно, и тогда ты умрешь молодой на операционном столе. Так что если вы не умерли в детстве, медицина вам уж ничем не поможет.

АННА. Никогда об этом не думала.

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Да-да. Гипофизом управляет гипоталамус.

Автомобильный гудок на улице.

АННА. Тише! Он проснулся!

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ. Кто?

АННА (подбегая к окну). Доброе утро, эй! (Стучит в стекло. Павлу Павловичу). Это — меня. (Стучит в стекло.). Эй, подожди, я сейчас. Я здесь, иду, иду... (Смеется, Павлу Павловичу.) Извини, меня ждут. А все ж таки полысел, постарел, брюшко отпустил, а? (Тычет его в живот, целует в макушку.) Держись, увидимся. Привет гипоталамусу. Ах, вот еще. (Сует Павлу Павловичу склянку с мазью). Это больше не нужно. Пока! (Кричит.) Бегу-у-у... (Убегает.)

ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ (нюхает мазь, подходит к окну, пожимает плечами). Гм... Так о чем я? Пожалуй, мы придаем слишком много значения чисто физическим ощущениям. И, как ни странно, забываем о самих себе. Можно предпринять разные хитрости — понижать температуру тела, меньше есть, употреблять витамины, тренировать сердце и другие органы, — и все равно мы умрем точно по графику. Не-ет, начинать надо — с души. Вот что требует укрепления. Это знали древние стоики. надо учиться — ежедневно, ежечасно — не раздражаясь по пустякам, всячески смирять свой эгоизм и не роптать, что бы ни случилось. (Останавливается перед Старухой). Главное — не роптать, верно, Соня? Вот ты у нас — настоящий стоик. Ты, Соня, Зенон и Марк Аврелий — вместе взятые. Только ты уронила сыр. (Теребит Старуху за плечо.) Соня, ты слышишь? Проснись, Соня, уже утро, Соня. Соня же!

Но Старуха остается безучастной.

С Н Е Г. НЕДАЛЕКО ОТ ТЮРЬМЫ

комедия в 3-х действиях

Эта пьеса была написана и впервые поставлена больше двадцати лет назад, но коренная жизнь в России меняется медленно. И если кому-то придет на ум ставить комедию теперь, то лимитчиков просто-напросто нужно заменить русскими беженцами с окраин бывшей империи. Автор

ЛИЦА

Девчонка АКИМОВА

ЛИЗАВЕТА по кличке КОЧУМАЙ

АНГЕЛ

ОСЯ

ЗАХАР, милиционер

БАБА, комендант

ЖЕНИХ, он же ЖЮЛЬ (исполнитель роли Ангела)

ПОДРУГА по кличке КОРМА

БАРМЕН, без слов

ШВЕЙЦА, без слов

Недалеко от тюрьмы, снег

I.

Пролетает самолет

КОЧУМАЙ. Опять не сюда. Снова мимо.

АКИМОВА. Но он прилетит.

КОЧУМАЙ. Считаю, полгода как в полете. (Кайлит лед) Мне что, прилетит — так прилетит. Да только я на твоём месте ждать не стала бы. Плюнула б. Чего ждать-то? Ты о себе подумай.

АКИМОВА. Я думаю — о нас.

КОЧУМАЙ. О ком это о нас?

АКИМОВА. О нём, о себе, маленьком. (Гребет снег лопатой)

КОЧУМАЙ. Вот и думай о дите. Под ноги смотри, нос к небу не задирай. И не упираться, полегоньку забирай, на краешек. Всего снега не перегребешь, всей работы не переделаешь.

АКИМОВА. А снега много.

КОЧУМАЙ. Навалило. (Кайлит.) Какой он хоть из себя?

АКИМОВА. Он? О, он не как все. Не похож на всех этих. И одет, и ходит, и говорит — не по-нашему.

КОЧУМАЙ. Иностранец, что ль? По-иностранному говорит?

АКИМОВА. Говорит по-русски, а все равно иначе. Все равно не так. Он... он как будто верхом. Как всадник.

КОЧУМАЙ. Все они жеребцы.

АКИМОВА. Юный всадник на быстром коне.

КОЧУМАЙ. Он тебе духов и подарил?

АКИМОВА. Всадник, заседлавший на заре лучшую кобылицу.

КОЧУМАЙ. И мыла, и духов, и шампуня.

АКИМОВА. Всадник, скачущий быстрее, чем восходит из-за гор солнце.

КОЧУМАЙ. От него, значит, и забрюхатила?

АКИМОВА. Во весь опор.

КОЧУМАЙ. От него, выходит, и поймала воробушка?

АКИМОВА. Залетела на всем скаку.

КОЧУМАЙ. А по мне — все одно от кого ни беременеть. Хучь от этого, хучь от того. Хоть бы и от чернослива. Придет твое время — все одно твой кусок из тебя вывалится. (Бросает кайлу, берет ребенка из люльки, кормит грудью, напевает.). Уж ты мой зассыха, уж ты мой сопливенький...

Появляется самолет

АКИМОВА. Это он! (Вверх, оттопырив пузо). Эй, мы здесь, слышишь? Ты оставил нас на квартире и обещал вернуться в конце июля, когда у нас иногда появляются фрукты. Но сейчас — уже идет снег, все белое, и очень холодно на дворе. С квартиры пришлось съехать — деньги кончились, и вот мы здесь — ждем тебя! Эй, видишь, видишь, какой он уже большой? Будет похож на тебя.

Самолет улетает.

КОЧУМАЙ (кормя грудью). Видать и энтот — не тот. Ой, не дожدهшься ты. Они, которые верхом, ненадежные. Которые на самолете... А что, родишь и одна — не ты первая, кто без отца рожает. Родишь, пропишут тебя, и все сладится. А мужика найдешь, ты красивая...

АКИМОВА (глядя живот). Никого нам не надо.

КОЧУМАЙ (пряча ребенка в люльку, застегивая кофту, берясь за кайлу). Вон ты вроде как непохожая, не как все. А смотрю на тебя — такая же. Все такие же. Вон в рабочем общежитии три дня назад шесть мордовок студента забили.

АКИМОВА. Насмерть?

КОЧУМАЙ (кайлит). Он хоть и студент, а полез. Хоть и студент, а тоже хочется. Как всем! Тоже надо.

АКИМОВА. Но отчего забили?

КОЧУМАЙ. Снасильничать хотел.

АКИМОВА. Кого?

КОЧУМАЙ. Мордовок этих. А они девки здоровые, мордовки-то...

АКИМОВА. Что, всех сразу?

КОЧУМАЙ. Может в очередь, свечу не держала. Только все как одна на него показания дают. Он в больнице сейчас, в тюрьме. Может выживет...

АКИМОВА. Бедный...

КОЧУМАЙ. В тюрьме тоже люди живут. И передачи, и баня. Книжки дают читать. Захар рассказывал... Ты полегче лопатой-то. А то, брось, свое докончу, за тебя погребу. Есть еще мыло-то?

АКИМОВА. Есть, кажется.

КОЧУМАЙ. То, цветочное, что в прошлый раз давала. Не знаю кому что, а мне цветочное мыло нравится.

АКИМОВА. Я дам.

КОЧУМАЙ. Ну и ладно. погоди, я тебе помогу.

АКИМОВА. Спасибо тебе, Лиза, но только мне самой надо стараться.

КОЧУМАЙ. Самой?

АКИМОВА. Я сама должна...

КОЧУМАЙ. Ишь ты! Да я, лично, если б только могла — век в руки лопату эту не взяла бы.

АКИМОВА. Не должны думать, что я ленюсь. Буду пока работать, а прописку оформят — в декрет пойду. Нам с маленьким ведь где-то жить будет надо.

КОЧУМАЙ. Оформят. Комендант — баба своя, добрая.

АКИМОВА. Только б живот до времени не заметила, только б жилплощадь оформить успеть.

КОЧУМАЙ. Да и заметит, что тогда? Скажешь, сама ничего не знала, сама только увидела.

АКИМОВА. На шестом месяце?

КОЧУМАЙ. А что. Я когда беременной была — три месяца ни о чем таком не думала.

АКИМОВА. Как же?

КОЧУМАЙ. Когда гостей нету — это ведь от разного бывает.

АКИМОВА. Как это — от разного?

КОЧУМАЙ. Застудишь, ветром надует, грязь какая понабьется... От разного, будто сама не знаешь...

Входит Ося. За его спиной — Ангел, держится поблатному щеголевато.

ОСЯ. Добрый день, здравствуйте. (Топчется). Мне бы коменданта...

АНГЕЛ (эхом, заглядывая в люльку). Ему бы коменданта.

КОЧУМАЙ. Нет ее сегодня, по субботам не принимает. (Ангелу) Куда полез, проходи от ребенка.

АНГЕЛ. Хороший мальчик, розовый.

КОЧУМАЙ. Своего роди — тогда пялся.

АНГЕЛ. Все недосуг, все некогда... А пацанчик-то весь в отца.

КОЧУМАЙ. Что ты про его отца знаешь.

АНГЕЛ. Многое.

КОЧУМАЙ. У Захара таких и приятелей нету.

АНГЕЛ. Пока нету, пока...

КОЧУМАЙ. Ну и вали отсюда.

ОСЯ (Акимовой). Я здесь никого не знаю. Я прямо с вокзала...

АНГЕЛ (Акимовой). Только сейчас с поезда, никого не знает. (Кочумай). Но и на маму похож.

КОЧУМАЙ (замахиваясь). Кому говорю — отскочь от колясочки. Чего надо?

АНГЕЛ. Познакомиться.

ОСЯ. Я из Харькова.

АНГЕЛ. Он из Харькова.

АКИМОВА. Это где-то там, на западе...

АНГЕЛ. На юго-западе. (Показывает на люльку) Взгляни, Иосиф, какой бутуз — слюнку пускает. Ишь, какой важный. Не хочешь, Иосиф, своего эдакого?

ОСЯ. Я детей люблю.

АНГЕЛ. (Акимовой). Любит детей. (Кочумай) Сколько весил?

КОЧУМАЙ (смущенно). Три семьсот, еле вылез.

АКИМОВА (Ангелу). Отчего вы сразу догадались, что это мальчик?

АНГЕЛ. Так ведь работа...

КОЧУМАЙ. Гинеколог, что ли?

АНГЕЛ. Вроде того (Строго.) Молока достаточно?

КОЧУМАЙ. На двоих таких засранцев хватит.

АНГЕЛ. Сцеживаешь? Хорошо. Сколько ребеночку?

КОЧУМАЙ. Четвертый месяц пошел.

АНГЕЛ. Как назвали?

КОЧУМАЙ. Хотела Захаром, в честь, как бы, отца. Но Захар говорит, мол, нечего. Знаем, говорит, разные ваши намеки. А я ведь просто так, из уважения. Я ничего... Иваном.

АНГЕЛ. Ванькой? Отлично (Акимовой). Разрешите представиться. Его (показывает на Осю) зовут Иосиф. Работающий, непьющий, холостой. Пока холостой. Любит детей... Не грусти, Йосиф, что-нибудь придумаем, куда-нибудь тебя и в субботу определим.

ОСЯ. Я ведь и дворником могу, мне все равно. Или в котельную.

КОЧУМАЙ. В котельную? Ты вот сперва пару лет лед поколи, а потом уж в котельную. А ему сразу в тепленькое! Тоже, видать, непрописанный. Трудовая-то у тебя хоть есть?

ОСЯ (торопливо). У меня документы в порядке. (Извлекает целлофановый сверток). Вот, пожалуйста, военный билет — годен к нестроевой в военной время, трудовая книжка, все как положено. Паспорт, правда в чемодане остался, вместе с деньгами, в камере хранения, а трудовая, пожалуйста, вот...

КОЧУМАЙ (важно читает). Краматорский тракторный... Ухтинское геологоразведочное... Криворожская угольная...

ОСЯ. Мне б только на первое время. Мне надо!

КОЧУМАЙ. Всем надо. (Читает.) Харьковское строительномонтажное... плотник третьего разряда. Да, побросало тебя, всякого, небось, навидался. Так тебе на строительстве лучше, коль ты плотник. Там тоже лимит. Общежитие дадут, прописку временную, коли ты третьего разряда.

ОСЯ (тихо). Я поэт.

КОЧУМАЙ. Как это?

АНГЕЛ. Поэт-древодел, обычное дело.

ОСЯ. Стихи пишу. Они у меня в тетрадках в чемодане...

АНГЕЛ. В камере хранения. Сохраняются.

ОСЯ. Но я и на память многое помню. Вот. (Декламирует). Станок застыл среди завода и спит, но стоит ток подать, станок как птица для полета начнет крылами трепетать...

КОЧУМАЙ. Сам, что ли, сочинил?

ОСЯ. Сам.

АНГЕЛ. Совершенно самостоятельно.

ОСЯ (Акимовой). У меня их много понаписано.

АКИМОВА (берясь за лопату). Хорошие стихи.

ОСЯ. Вам нравятся! Вам, действительно, нравятся мои стихи? Тогда... тогда я еще... сейчас, сейчас, сейчас... Вот! (Очень торжественно). Как если всходит заря на поля — так будет веселый май. Я буду писать стихи о весне, и о тебе, первомай!

АНГЕЛ. И ведь из совсем простой семьи.

ОСЯ. Солнцем хорошим и чистым согрет, ты и красив и вечен. Полный советских красных знамен, с партией ты обвенчан! Взвейся же выше, флагов кумач...

АНГЕЛ. Стоп, стоп. Bravo, bravo... Но дамам, я полагаю, будет интереснее что-нибудь нежное. Из интимной лирики. Эдакое личное: о дружбе, о любви.

ОСЯ. О дружбе? Может быть, это? Из новых... Ты лежишь в другой палате, синий халат на тебе, даже во время обхода утром думаю о тебе. (Акимовой). Тут я немного недоделал, тут не так будет, но это неважно...

АНГЕЛ. Совсем неважно.

ОСЯ. Сейчас дальше... Э, синий халат на тебе... Вот, сейчас. (Декламирует.) Потому что мы оба бедные, нас не помнит никто... Или не любит никто, не знаю, как лучше?

АНГЕЛ. И то и другое верно.

ОСЯ. Нас не любит никто. У тебя ничего не было, и у меня никого.

КОЧУМАЙ. Забирает.

АНГЕЛ. Попадаются весьма сильные строки (Акимовой). Не так ли, мадемуазель?

АКИМОВА(не отвечая Ангелу, Осе). А почему она у вас в палате лежит?

ОСЯ. Эти стихи я в больнице написал.

АКИМОВА. Вы болели?

ОСЯ. Да.

АНГЕЛ. Но теперь Иосиф здоров. Гляньте на него — совершенно молодцом.

ОСЯ. Я выздоровел, правда. Не верите?

АКИМОВА. Верю.

ОСЯ. У меня и справка есть — о выписке. (Снова разворачивает сверток).

АКИМОВА. Я верю, не надо справку.

КОЧУМАЙ (Осе). А что ж к нам-то просишься?

ОСЯ. Мне — к Михалкову надо.

КОЧУМАЙ. К кому?

ОСЯ. К Михалкову. Который дядю Степу написал.

КОЧУМАЙ. Что ли про милицию?

АКИМОВА. Вы, наверное, хотите ему свои стихи показать?

ОСЯ. Я в редакцию посылал, но там невнимательно читают. А Михалков — талант, он прочтет. Только к нему сразу не пробиться, я знаю. Так что мне бы устроиться на первое время...

АКИМОВА. Понимаю вас...

АНГЕЛ (Кочумай). Что, разбросим? (Извлекает колоду карт).

КОЧУМАЙ. Играть, что ль? Очумел.

АНГЕЛ. Погадаем.

КОЧУМАЙ. А ты умеешь?

АНГЕЛ. Судьбу узнаем.

КОЧУМАЙ. Ты ж доктор.

АНГЕЛ. Доктор, доктор, но судьбу — только карты рассказать могут. Медицина бессильна. Ты у нас бубенная?

КОЧУМАЙ. Темная я.

АНГЕЛ. Червонная — замужняя, крестовая — разведенная. А ты ведь замужем не была.

КОЧУМАЙ. Холостая.

АНГЕЛ. Значит, бубенная. (Плюет на колоду, раскладывает карты). У Захара-то твоего какие глаза?

КОЧУМАЙ. На него гадать будешь?

АНГЕЛ. А ты на кого хотела?

КОЧУМАЙ. Гадай на него. (Вздыхает). Светлые глаза.

АНГЕЛ. Мундир носит?

КОЧУМАЙ (пугаясь). Если носит, тогда что?

АНГЕЛ. Если носит мундир — благородный он у тебя король, пиковый (Приговаривает, раскладывая карты). На дороге, на пороге, на постели, за столом...

КОЧУМАЙ. Никак в такую рань уже за столом сидит?

АНГЕЛ. Увидим сейчас.

КОЧУМАЙ. Дежурит.

АНГЕЛ. Узнаешь?

КОЧУМАЙ. Благородный.

АНГЕЛ. На пороге твой пиковенький.

КОЧУМАЙ. На каком таком?

АНГЕЛ. Да вон на том... (Показывает в кулису). Что в сердце держит, что в тайне хранит, что в голове имеет, что в ногах... (Изучает карты). На сердце, выходит, марьяжная постель.

КОЧУМАЙ. Какая постель?

АНГЕЛ. В тайне — разлучницу держит.

КОЧУМАЙ. Разлучницу?

АНГЕЛ. В голове — вот те на! — трефовый туз в голове, казенный дом.

КОЧУМАЙ. Это он в тюрьму на работу устраивается: ночью не вызывают, и питание бесплатное.

АНГЕЛ. Кормят бесплатно, верно... Ну, смотри, Лизавета, что у него в ногах!

КОЧУМАЙ. Что такое?

АНГЕЛ. Бубновый валет с семеркою — вот что, хлопоты о дите.

КОЧУМАЙ. О каком дите?

АНГЕЛ. Полагаю, о собственном. (Снова раскладывает). Для дома, для сердца, что есть, что будет, чем сердце успокоится... Для дома одни восьмерки...

КОЧУМАЙ. Не пугай!

АНГЕЛ. Для сердца же — пиковый валет. Пустует он, Лизавета.

КОЧУМАЙ. Как так?

АНГЕЛ. Болеет за твой интерес. Пьянки, хлопоты, дела путанные, а впереди — все одно свадьба.

КОЧУМАЙ. Женится, никак! На ком?

АНГЕЛ. На тебе, бубновенькая!

КОЧУМАЙ. На мне?!

АНГЕЛ. Карты говорят — сердце его тобой успокоится. Сама смотри: ты с семеркою рядышком, а туз червонный внизу!

КОЧУМАЙ. Под низом, верно...

Входит Захар.

АНГЕЛ. Ну, так встречай благородного своего, встречай пиковенького!

КОЧУМАЙ. Пришел?! Захар! (Бросается к нему).

ЗАХАР (отпихивается, садится, вытягивает одну ногу, другую. Кочумай снимает с него сапоги.) Лизка, самовар! (Видит Осю.) Кто таков?

ОСЯ. Мне бы коменданта.

ЗАХАР. Я за нее.

ОСЯ. Я насчет работы.

ЗАХАР. Документы.

ОСЯ. Вот (протягивает сверток.)

ЗАХАР (документы не берет). Где трудился в последнее время?

ОСЯ. Я из больницы.

ЗАХАР. Кем в больнице трудился?

ОСЯ. Я болел.

ЗАХАР. Болел? Хорошо. Больных не берем. Работы нынче тяжелые, снегу много.

ОСЯ. Но я выздоровел.

ЗАХАР. Справка есть?

ОСЯ. Пожалуйста.

ЗАХАР (не глядя на справку). И все-то у него есть, все-то у него в порядке. Подозрительно! Лиз-ка!

КОЧУМАЙ. Ай.

ЗАХАР. Кто таков?

ОСЯ. Мне бы коменданта.

ЗАХАР. Сказано — я за нее.

КОЧУМАЙ. Устроиться хочет.

ЗАХАР. Как это — устроиться?

КОЧУМАЙ. В дворники.

ЗАХАР. Вот ведь люди пошли. Дворником устроиться, ишь, лишь бы не работать. Документы!

ОСЯ. Возьмите.

ЗАХАР (показывая на Акимову). Вот одна, вот еще. Эт-то еще разобраться надо, это еще посмотреть следует...

Акимова ставит перед Захаром четвертинку.

(Нюхает бутылку). Ну, она — другое дело, все ж таки, как ни крути — баба. У ней все честь по чести: прописка постоянная в городе Фрунзе, пропуски в трудовой незначительные, отметка с последнего места как полагается. К тому же баба, пусть гребет. Эт-ту можно принять. (Осе) А у тебя ко мне что?

ОСЯ (не понимая намеков, которые подают ему женщины). Мне бы коменданта!

ЗАХАР. Надоел же ты мне. Коменданта ему! Сказано: я за нее! Лизка, стакан! (Откупоривает.)

КОЧУМАЙ. Сейчас.

ЗАХАР. А то нынче никто работать не хотят. (Наливает, хочет выпить).

АНГЕЛ (за спиной Захара). С прибавлением вас семейства, Захар Афанасьевич! Будьте здоровы!

ЗАХАР (плеская водку). Чего?

АНГЕЛ. С новорожденным!

ЗАХАР. А это кто?

АНГЕЛ. Первенец ваш.

ЗАХАР (орет). Кто таков?!

АНГЕЛ. Так вот этот вот (указывает на люльку). Такой... пузанок...

ЗАХАР. А... че... кто... (озирается) Стрелять буду! (Хватается за кобуру, путается в сапогах). Оскорбление при исполнении... акция-провокация...

АНГЕЛ (вкрадчиво). Вылитый, ведь ежели хорошо присмотреться, вы!

ЗАХАР. Лиз-ка!

КОЧУМАЙ. Ай.

ЗАХАР. Это кто?

КОЧУМАЙ. Говорит, гинеколог.

ЗАХАР (Ангелу). Документы!

АНГЕЛ (мягко). Пожалте! (Подает Захару бумагу).

Прочтите вслух, будьте ласковы.

ЗАХАР (с запинками). Что надо знать о блохах? Лизка!

КОЧУМАЙ. Ай?

ЗАХАР. Это что?

КОЧУМАЙ (заглядывая). Памятка.

АНГЕЛ (нежно). Вы дальше читайте, Захар Афанасьевич!

ЗАХАР. Читать?

АНГЕЛ. Угу.

ЗАХАР. Значит, так. Что, значит, надо знать о блохах. Блохи кровососущие насекомые имеют большое значение в распространении. Хорошо сказано. Дальше читать?

АНГЕЛ. Непременно.

ЗАХАР. В распространении... Укусы сопровождаются зудом, расчесами, бывают разных видов. Встречаются кошачьи, причем местами. Массовому выводу способствует захламленность и общедоступность.

АНГЕЛ (укоризненно). Вот видите.

ЗАХАР (шалея). Вижу.

АНГЕЛ. А говорите.

ЗАХАР. Я?

АНГЕЛ. Читайте, читайте, не отвлекайтесь.

ЗАХАР. Как происходит развитие блох.

АНГЕЛ. Разве не полезно знать?

ЗАХАР. Самка откладывает в мусор и в щели, в половики да в норы. Через пять-десять дней вылупляются

из яиц белые черви, питаются гниющим веществом и выделениями старших блох... Ишь ты!

АНГЕЛ. Так устроено.

ЗАХАР. Спустя неделю личинки превращаются в куколочки в тех же местах, из куколок же выходят взрослые блохи — мелкие, коричневого цвета...

АНГЕЛ. Сразу в форме.

ЗАХАР. Нам про это ничего на занятиях не рассказывали. (Жадно читает). Весь цикл развития от яйца до взрослого насекомого... (зубрит) Весь цикл развития... от яйца... (бубнит про себя).

АНГЕЛ. Будем исполнять?

ЗАХАР. Раз написано.

АНГЕЛ. Рады стараться.

ЗАХАР. Дадим отпор по всему фронту.

АНГЕЛ. Тогда смирно!

Захар вытягивается.

Равнение на Лизавету!

Захар отдает честь.

Руку сюда, ей на талию.

ЗАХАР. Решим вопрос. (Обнимает Кочумай за талию.)

КОЧУМАЙ. Захар, щекотно!

АНГЕЛ. Повторяйте за мной слова присяги. Я, Захар, сын Афанасьев, участковый милиционер...

ЗАХАР. Присяга не так читается.

АНГЕЛ. Повторяй, болван.

ЗАХАР. Слушаюсь.

АНГЕЛ. Беру в жены...

ЗАХАР. Точно так!

АНГЕЛ. Дворника подведомственного мне строения...

ЗАХАР. Подведомственного строения — беру.

АНГЕЛ. Лизавету.

ЗАХАР. Лизку?(Слегка удивляется). Лизку беру.

АНГЕЛ. Вместе с собственным моим сыном Иваном.

ЗАХАР. С собственноручным сыном Иваном — беру.

АНГЕЛ (Кочумай). Согласны вы стать женой...

КОЧУМАЙ (перебивает Ангела, всхлипывает, целует; Захар бьет его, утирает слезы рукавом ватника). Согласная.

АНГЕЛ. Распишитесь, молодые, вод здесь на памятке.

Захар и Кочумай расписываются.

Теперь вы, свидетели.

Акимова и Ося расписываются.

(Пряча листок). Разрешите молодые, поздравить вас с законным браком. Пожалуйста, Захар Афанасьевич, взглянуть на младенца.

ЗАХАР. Есть. (Заглядывает в люльку). Рады стараться. (Отдает честь).

АНГЕЛ. Время нынче новое пришло... Как там сказано у поэта: пробудитесь, пьяницы, и плачьте, и рыдайте все пьющие вино с виноградным соком.

ЗАХАР. Сок подешевел.

АНГЕЛ. Ибо отнят он от уст ваших.

ЗАХАР. Никак нет.

АНГЕЛ. Временно. Но сын твой, как вырастет, вина пить не станет.

ЗАХАР. Да ну!

АНГЕЛ. Ни вина, ни сикера.

ЗАХАР. И ликера не будет?

АНГЕЛ. Ни-ни. Не веришь?

ЗАХАР. Честно сказать?

АНГЕЛ. Как на духу.

ЗАХАР. Не верю.

АНГЕЛ. Тогда заткнись.

Захар хочет что-то сказать, но только мычит. Изъясняется знаками.

КОЧУМАЙ. Захар, что с тобой?

АНГЕЛ. Пусть помолчит пока.

КОЧУМАЙ. Так как же?

АНГЕЛ. Пусть сперва ребеночка в ЗАГСе запишет Иваном — тогда и разговаривает.

КОЧУМАЙ. В ЗАГСе?

АНГЕЛ. Удостоверит и уточнит, так сказать, гражданское состояние младенца.

КОЧУМАЙ. На себя запишет?

АНГЕЛ. Истинно говорю.

КОЧУМАЙ. Тогда пусть. Тогда ладно. Значит, чтоб только через ЗАГС разговаривал?

АНГЕЛ. А прежде того — ни гу-гу.

КОЧУМАЙ. Это вы правильно рассудили. Это верно, это хорошо... (Захару). Ну, чего встал, иди. (Погоняет его, как гуся). Жди теперича до понедельника, когда ЗАГС откроют. Чекушку-то не забудь. А я тебе, коли сегодня день такой, и от себя поставлю. (Всхлипывает, погоняет).

Захар и Кочумай уходят. Пролетает самолет.

АНГЕЛ. Ну и денек. (Закуривает). Красиво летит.

АКИМОВА. Неужели опять не к нам?

АНГЕЛ. Нет, не к вам. Этот — на Стокгольм.

ОСЯ (переминаясь). Я слышал... или читал где-то, что этот самый Стокгольм — столица Швеции.

АНГЕЛ. Ну и что?

ОСЯ. Это большой и красивый город.

АКИМОВА. Старинный.

АНГЕЛ. Подумаешь, Харьков тоже не маленький. Ростов — красавец. Да и Фрунзе приличный городок.

АКИМОВА. Что вы сказали?

АНГЕЛ. И на нашей, говорю, земле есть на что поглядеть.

АКИМОВА. Но при чем здесь Фрунзе?

АНГЕЛ. К слову пришлось.

ОСЯ. Здесь товарищ милиционер сказал, что вы постоянно прописаны в городе Фрунзе.

АКИМОВА. Была прописана, верно, ну и что с того. (Вглядываясь в Ангела). Я где-то вас видела!

АНГЕЛ. Я — Ангел.

АКИМОВА. Странное имя. Болгарское?

АНГЕЛ. Просто так меня называют.

АКИМОВА. Прозвище, да?

АНГЕЛ. Вроде кликухи. А видеть вы меня могли, вполне. Или когда шли за водой с кувшином. Или сидячи за пряжей пурпурной...

АКИМОВА. Мне знакомо ваше лицо.

АНГЕЛ. Что ж тут удивительного...

АКИМОВА. Мне сегодня как-то не по себе...

ОСЯ (с радостью). Можно я за вас погребу! (Берет у Акимовой лопату, разгребает снег).

АНГЕЛ. А как матушка поживает? Так в столовой и трудится? А папа пьет по-прежнему? Милые, милые ветхие люди. Что может быть добрей: тихо мирно живут не тужат, подерутся да помирятся, выпьют да проспят, украдут да перекрестятся... Вы никак побледнели?

АКИМОВА. Почему вы о них спросили?

АНГЕЛ. Да вы не волнуйтесь: вас с ними нет, но у них — все по-прежнему, ни грех к ним не липнет, ни злой умысел в сердце нейдет. Добрые люди: чужих не обидят, их самих никто не тронет...

АКИМОВА. Я давно ушла от них.

АНГЕЛ. Как же, как же, подучили язык французский — и фьют, выпорхнули птичкой из гнезда. Оно и ясно, всякому ведь охота от эдакой-то печальной зимы полететь, полететь в теплые пределы. Я ведь тоже здесь не по своей воле...

АКИМОВА. Я не птичкой.

АНГЕЛ. Не птичкой? Вот в чем дело. Ну, конечно, ну, разумеется. Просто однажды ни с того, ни с сего, по-

среди простенькой нашей жизни, в коротенькой нашей судьбе — блеск, треск, гром и молния. И нарисовался муж — на рыжем коне. Стоит между миртами, которые в углублении, а позади него кони рыжие, пегие и белые...

АКИМОВА. Что, что вы знаете о нем?

АНГЕЛ (невинно). О ком?

АКИМОВА. Ответьте: что с ним, где он?

АНГЕЛ. Ай-ай-яй! Мадемуазель. Вы ведь в своем родном городишке, стоящем на скате горы: до пятнадцати лет получали какое-никакое бесплатное образование. Вы учили уроки, выполняли домашние задания, смотрели телевизор, а не понимаете, что этот самый муж, однажды явившийся вам — вместе с его конем — всего-навсего мираж. Чистая фикция, галлюцинация, плод девичьего воображения. Лажа и туфта, говоря попростому.

АКИМОВА. Вы от него, я чувствую.

АНГЕЛ. Нехорошо. Стыдно.

АКИМОВА. От него.

АНГЕЛ. Суеверно.

АКИМОВА. Ответьте же мне...

АНГЕЛ. Не знаю, что и сказать...

АКИМОВА (хлопая себя по пузу, некрасиво). А это что? Тоже галлюцинация? Тоже плод девичьего воображения? Тоже туфта?

АНГЕЛ. Вуаля.

АКИМОВА. Нет, вы скажите мне все!

АНГЕЛ. Кискесе.

АКИМОВА (жалобно). Он не вернется, да? Скажите же, я должна знать — он никогда не вернется?

АНГЕЛ. Паркуа па.

АКИМОВА. Но это невозможно, нет-нет. Он... он ведь сам говорил! Сам клялся и обещал! Не-ет, он не такой, как все, не похож на всех этих!

АНГЕЛ. Се ля ви.

АКИМОВА. Он шептал, что мое имя напоминает ему детство. Рассказывал, что мои глаза как яркое небо над чужими странами. Он говорил, что я снилась ему душными ночами под крышами далеких городов. Он сказал, что любит меня!

АНГЕЛ. У меня больше нет запаса слов.

Самолет пролетает так низко, что его шум почти заглушает слова Акимовой. Она кричит, подставляя пузо небу.

АКИМОВА. Эй, ты там! Тебе удобно, да? Тебе хорошо? Ты глотаешь свой любимый джин-тоник? Ты красиво одет, ты ведь любил надевать на себя красивую одежду? И от тебя дорого пахнет? Посмотри же на нас! Здесь вокруг только снег, и мы совсем одни. Только снег — и некому, некому мне помочь! Ты слышишь?! Не-кому!

АНГЕЛ. Пошел на Амстердам.

АКИМОВА. И что же нам теперь делать?

АНГЕЛ. Перестать плакать.

АКИМОВА. Я разве плачу. (Плачет).

АНГЕЛ. Подойди ко мне. И слушай меня.

АКИМОВА. Да.

АНГЕЛ. То, что вышло с тобою, девочка, старая история. И тысячу, и много тысяч лет назад — все было то же...

АКИМОВА. Тысячи лет?

АНГЕЛ. Все то же. Увы! Вот расскажу я тебе одну сказку. Во Содоме, во Гоморре, как написал поэт, красна девица жила...

АКИМОВА. Где жила?

АНГЕЛ. В Египте. А может быть в Ассирии. Не перебивай, слушай. Как вошла она в возраст, так стала пролетку бить: блудила по кустам и подъездам в молодости своей. Измяли ей груди, растлили девственные сосцы, и гуляла она сперва все по окрестным селениям с одевавшимися в ткани яхонтового цвета...

АКИМОВА. Какого цвета?

АНГЕЛ. Яхонтового. Все больше с начальниками и со всеми красивыми юношами, ездившими на конях. И с каждым годом все пуще дрозда давала... Но однажды — и здесь важным момент — увидела она вырезанных на стене мужчин...

АКИМОВА. Из журналов?

АНГЕЛ. Приблизительно так. Вырезанных мужчин на стене, красками нарисованные изображения халдеев, опоясанных поясами, с роскошными на головах их повязками, упакованных и в прикиде. И влюбилась в них по одному взгляду очей своих. И пришли к ней сыны Вавилона на любовное ложе. Осквернили они ее блудодействами своими, и она осквернила себя ими. Ее предупреждают — ей все трынть-трава, ничего не может с собою поделать, хоть совсем в Вавилон переезжай.

Пристрастилась к любовникам своим, а у них, как известно, плоть ослиная и похоть как у жеребцов.

АКИМОВА. И что с ней стало? Уехала она в Вавилон?

АНГЕЛ. Какой там. Имущество конфисковали, отняли нажитое трудами, а самой отрезали нос и уши.

АКИМОВА. Ужас какой.

АНГЕЛ. Так в те времена поступали с теми, что заигрывали с чужими идолами. Порядок был такой... Но это — сказка, а ты перестань плакать. Возвеселись, как говорится, воскликни и возгласи.

АКИМОВА. Легко сказать.

АНГЕЛ. Распрости-ка лучше место шатра твоего, расширь покровы жилищ своих, не стесняйся и пусти длиннее верви свои и утверди кольца свои, ты на родине. Устраивайся, коль ты здесь родилась, и не смущайся в душе своей. Строй дом и надейся. Забудешь скоро посрамление свое, ибо, как сказал поэт, спасти хочу земную красоту. Как жене, оставленной и скорбящей духом, говорю...

АКИМОВА. Я слушаю тебя.

АНГЕЛ. Бедная, бросаемая бурю, безутешная. Будь попроще, как говорит народ твой, и положат камни твои на рубине...

АКИМОВА. На чем?

АНГЕЛ. И сделают основания из сапфиров. Возвеселись, потому что у оставленной более детей, чем у имеющей мужа. Воскликни и возгласи.

АКИМОВА. Но что же делать?

АНГЕЛ. Иосиф!

ОСЯ (роняя лопату). Я.

АНГЕЛ. Подойди и ты ко мне.

ОСЯ. Да. (Приближается.)

АНГЕЛ. Разуй глаза, Иосиф. Видишь деву сию?

ОСЯ. Вижу.

АНГЕЛ. И как она тебе — кажется?

ОСЯ. Красивая.

АНГЕЛ. Хорошо собой, верно. Сердце у нее кроткое, стихи любит. Немножко знает и по-французски. Так что мой тебе совет: не бойся принять ее.

ОСЯ. Как... принять?

АНГЕЛ. Не пугайся. Не смотри, что брюхата. Она не виновата. Не проявляй ни ревности, ни гнева, она, того не зная, зачала. Тьфу ты, опять на стихи сбивает.

ОСЯ. На стихи?

АНГЕЛ. Да, на французские. Но это — в сторону.

ОСЯ (сомнамбулически). Она, того не зная, зачала.

АНГЕЛ. Обычное дело. Девица молодая, неискосбрачная. Ибо зача без мужа и страсти, то и роди без болезни. Поди ближе. (Шепчет Осе на ухо.)

ОСЯ (восторженно глядя на Акимову). Я это сразу... угадал. Как ее увидел. Я не боюсь. Я — принимаю ее!

АНГЕЛ. Еще поди. (Снова шепчет.)

ОСЯ. Да!

АНГЕЛ. И чтоб ни-ни.

ОСЯ (благоговейно). Ни-ни.

АНГЕЛ (подталкивая его). Иди к ней! Скажи.

ОСЯ (надвигаясь на Акимову). Я принимаю тебя!

АКИМОВА. Нет! (Отступает.)

АНГЕЛ. Не понял.

АКИМОВА. Нет-нет... Ни за что.

АНГЕЛ. В чем дело?

АКИМОВА. Но я не могу.

АНГЕЛ. Все могут, а ты не можешь?

АКИМОВА. Не могу. Не для того и ушла из дома, не того любила, не об этом мечтала. Нет, нет, я не могу остаться здесь, между метлой и лопатой, посреди этой метели. Пить чай, слушать всякий день гадости. Считать копейки, видеть каждый день снег. Один только мерзкий снег. И жить, как живут они все...

АНГЕЛ (просто). И жить, как живут все.

АКИМОВА. Нет.

АНГЕЛ. Расчищать снег по утрам.

АКИМОВА. Не могу.

АНГЕЛ. И нести свой крест.

АКИМОВА. Не хочу.

АНГЕЛ. И быть — быть счастливой.

АКИМОВА. Не желаю я быть счастливой!

АНГЕЛ. Но он.

АКИМОВА. Он?

АНГЕЛ. Ты забыла о нем.

АКИМОВА (оглядывая себя). О нем?

АНГЕЛ. Что будет с ним, когда он родится.

АКИМОВА. Это будет мальчик?

АНГЕЛ. Естественно.

АКИМОВА. Он родится.

АНГЕЛ. В свой срок.

АКИМОВА. И тоже — тоже будет жить...

АНГЕЛ. Да.

АКИМОВА (глядя вверх). Ради него... ради него я готова... Я готова, только б мне сказали, что хотя бы он, хотя бы он...

АНГЕЛ. Но там никого нет.

АКИМОВА. Никого?

АНГЕЛ. Совершенно пусто.

АКИМОВА. Да.

АНГЕЛ. Ничего не слышно;

АКИМОВА (прислушиваясь). Тишина.

АНГЕЛ. И некому тебе сказать...

АКИМОВА. И нет надежды?

АНГЕЛ. Надежда всегда есть.. Разве ты не чувствуешь?

АКИМОВА (щупая живот). Уже шевелится. Толкается изнутри.

АНГЕЛ. Иосиф.

ОСЯ. Да.

АНГЕЛ. Дай руку.

ОСЯ. Да.

АНГЕЛ. Положи ее женщине на живот. Чувствуешь?

ОСЯ. Кажется, да.

АНГЕЛ. Женщина — это сосуд божий.

ОСЯ. Так ты сказал мне.

АНГЕЛ. Объясни и ей все, когда меня не будет с вами.

ОСЯ. Я объясню.

АНГЕЛ. Пусть и она поверит.

ОСЯ. Она поверит.

АНГЕЛ. Прилепись к ней, Иосиф. Не торопи, и она полюбит тебя. Снег кругом, и одному — как согреться. Она родит сына, и это будет твой сын.

ОСЯ. Мой сын.

АНГЕЛ. Будь здоров. (Пожимает Осе руку. Акимовой.) Прощай и ты, невеста невестная.

АКИМОВА. Прощай.

АНГЕЛ. Слушай мужа своего, и он защитит тебя.

АКИМОВА. Да.

АНГЕЛ. А мне пора. Не поминайте лихом. Берегите друг друга. Адью. (Отлетает.)

II.

Сушатся пеленки. В углу метлы, совки, лопаты...

АКИМОВА (лежа в постели). Ося, ты спишь?

ОСЯ (лежа рядом с ней). Нет.

АКИМОВА. Я почувствовала, что ты проснулся.

ОСЯ. Я давно не сплю.

АКИМОВА. Я всегда чувствую, когда ты просыпаться. Даже минутой раньше: вот, думаю, сейчас проснется.

ОСЯ. Как ты?

АКИМОВА. Он опять мне приснился.

ОСЯ. Снова на коне?

АКИМОВА. Явился у меня за спиной, когда я шла к колодцу с кувшином.

ОСЯ Ты шла к колодцу?

АКИМОВА. А там вода холодная-холодная, чистая, будто подернута молодым льдом. И соленая почему-то.

ОСЯ. Он говорил с тобой?

АКИМОВА. Говорил.

ОСЯ. Он повторил то же самое?

АКИМОВА. Да.

ОСЯ. Теперь ты веришь?

АКИМОВА. Верю. Я давно верю. С того самого дня.

ОСЯ. Теперь ты не сомневаешься?

АКИМОВА. Когда ты лежишь рядом, как сейчас, я не сомневаюсь.

ОСЯ. А когда начинается день?

АКИМОВА. Уже утро.

ОСЯ. Скоро вставать. Ты сомневаешься?

АКИМОВА. Мне делается страшно. Но я не сомневаюсь.

ОСЯ. Ты не должна бояться.

АКИМОВА. Я не боюсь. Просто мне делается не по себе, когда тебя нет рядом... Ты молчишь.

ОСЯ. Я все время говорю с тобой.

АКИМОВА. Про себя?

ОСЯ. Я говорю с тобой и вслух, и про себя.

АКИМОВА. Ты переживаешь...

ОСЯ (перебивая). Я счастлив.

АКИМОВА. Никак не можешь успокоиться, что пропали твои вещи. Что тетрадки пропали.

ОСЯ. Я не вспоминаю об этом. Совсем.

АКИМОВА. Ты так долго писал...

ОСЯ. Я писал. Но когда увидел тебя, понял, что писал плохие стихи.

АКИМОВА. Ты писал хорошие стихи.

ОСЯ. Я писал плохие стихи, и это хорошо, что они пропали. Что чемодан украли.

АКИМОВА. Ты не должен так говорить. Ты талантливый, и мне кажется, ты не должен так говорить.

ОСЯ. Я не талантливый. Хорошо, что я это потерял. Иначе я не нашел бы тебя.

АКИМОВА. Они пропали раньше.

ОСЯ. Они пропали вовремя. И теперь даже те, что я помнил наизусть, я забыл.

АКИМОВА. Забыл?

ОСЯ. Если бы я повторял то и дело стихи про себя, как раньше, я не знал бы как хорошо, что на улице идет снег. Как хорошо, что всякое утро его надо разгрести лопатой. А после вернуться сюда, к тебе и почувствовать, что там внутри наш малыш еще чуточку вырос. Я не был бы счастлив.

АКИМОВА. Ты счастлив? Счастлив? Ты это серьезно.

ОСЯ. Да.

АКИМОВА. Вот только паспорт... Можно я тебя попрошу?

ОСЯ. Конечно.

АКИМОВА. Ты не обидишься?

ОСЯ. Я никогда не обижаюсь на тебя.

АКИМОВА. Ты не будешь сердиться?

ОСЯ. Я никогда не сержусь.

АКИМОВА. Поцелуй меня.

ОСЯ (испуганно). Нет.

АКИМОВА. Только один раз.

ОСЯ. Мне нельзя... Нам нельзя...

АКИМОВА. Ты ни разу не поцеловал меня с тех пор. Ты никогда меня не целовал.

ОСЯ. Ты же знаешь...

АКИМОВА (прерывая его). Это неправда!

ОСЯ. Ты знаешь, он не позволил мне.

АКИМОВА. Но так не может быть. Наверно, ты его неправильно понял.

ОСЯ (упрямо). Он не позволил.

АКИМОВА. Я только что видела во сне его лицо. Он улыбнулся мне. Он сам сказал, чтобы мы любили друг друга.

ОСЯ. Я не могу.

АКИМОВА. Тогда... тогда я сама тебя поцелую!

ОСЯ. Нет... прошу тебя, нет... (Вскакивает с постели).

АКИМОВА. Ты!..

ОСЯ. Прошу...

АКИМОВА. Ты... ты... Ты не любишь меня.

ОСЯ. Проспал, проспал. (Торопливо одевается.) Пора на работу. Смотри, сколько снегу намело, смотри, сколько напылило.

КОЧУМАЙ (с другой постели). Тише ты, Ваньку разбудишь.

ОСЯ. Я тихо, тихо... (Акимовой шепотом.) Я скоро приду... Ты поспи, не вставай, ладно?.. Ты... ты не должна сомневаться. Я приду, но ты знай — это неправда, что ты сейчас сказала. Совсем неправда... (Берет кайлу, берет лопату, принимается за работу.)

КОЧУМАЙ. Эй!

АКИМОВА. Что тебе?

КОЧУМАЙ. Что, так и не тронул?

Акимова молчит.

Каждую ночь одно и то же. Много я мужиков повидала, но такого в первый раз. Хоть сама бы расшевелила. Или не умеешь?

АКИМОВА. Помолчи, Лиза.

КОЧУМАЙ. А чего мне молчать, коли я здесь живу. Не-ет, больной он у тебя, вот что. Плохо его в больнице лечили. Да и какие они, наши больницы, в них разве вылечат.

АКИМОВА. Не понимаешь ты.

КОЧУМАЙ. А чего здесь понимать. В этом деле особого понимания не нужно. Техникум кончать не надо.

АКИМОВА. Нехорошо мне.

КОЧУМАЙ. С того и нехорошо. Лежит — разнежилась, срок у нее подходит. И что с того. Мы с Захаром — до последнего дня. Приладится только надо, чтоб живот не помять. (Вылезает из-под одеяла, налаживает самовар.) Эх, что ни говори, а все ж таки нужен мужик. Сейчас завалится, жрать ему подавай, стирки много опять же. А все ж таки к утру поближе прижмет к себе, облапит... Одно плохо — разговаривать начал.

АКИМОВА. Не век же ему молчать.

КОЧУМАЙ. Так прямо в ЗАГСе и заговорил. А пока молчал — ражий был у-у-у...

АКИМОВА. Иногда проснусь ночью — Ося положил щеку на мой живот, тихо лежит...

КОЧУМАЙ. Спит, что ли, так?

АКИМОВА. Слушает.

КОЧУМАЙ. Радио ему там...

АКИМОВА. Слушает, как внутри сердце бьется — третье.

КОЧУМАЙ. Слышно ему?

АКИМОВА. Говорит, да.

КОЧУМАЙ. И долго он так?

АКИМОВА. До утра.

КОЧУМАЙ. Больной, говорю тебе. Деньги потерял, паспорт потерял, твой живот слушает. Паспорт-то так и не нашли, как он теперь пропишется?

АКИМОВА. Не нашли.

КОЧУМАЙ. Вот Захар и говорит: ищи — свищи паспорт-то. Или говорит, кто в щелку камеры спичку сунул, когда он камеру закрывал, или подсмотрел, когда код набирал. А может, сам Оська цифры забыл, с него станется... Теперь кто узнает, что он без паспорта у тебя живет непрописанный, — в двадцать четыре часа тютю...

АКИМОВА. У него код был на бумажке записан.

КОЧУМАЙ. Да и кто паспорт с деньгами в чемодане-то оставляет! При себе носить надо. Положи во внутренний карман, суровой ниткой прошей. Пиджак-то труднее красть с живого плеча, чем чемодан.

АКИМОВА. Там стихи.

КОЧУМАЙ. Во блин! Стихи. Стихи он еще сочинит, а деньги зарабатывать надо.

АКИМОВА. Он сильный.

КОЧУМАЙ. Кто, Оська? Смешно. Вон на Захара глянь, морда во, ручищи во! В деревне ему б цены не было, любая бы пошла.

АКИМОВА. Ты Осю не знаешь. Он сильный, потому что чистый.

КОЧУМАЙ. Захар всякую неделю в бане моется... Постой, постой, или может, он с того чистый, что у него бабы никогда не было?

АКИМОВА. Не знаю.

КОЧУМАЙ. Во-он оно как... (Жалостливо.) Ну, пропала ты, Акимова, с ним, совсем пропала.

АКИМОВА. Он чистый, потому что не сомневается!

КОЧУМАЙ. Не сомневается? А чего ему в тебе сомневаться? Лежишь вон с каким животом, кто на тебя посмотрит. Родишь — тогда.

АКИМОВА. Хоть один на двоих должен быть свежим, чистым. И не сомневаться. Иначе оба пропадут.

КОЧУМАЙ. А ты не свежая? На себя наговариваешь. Девкой же была, девки всегода — играют. Если б замужем, тогда дело иное...

АКИМОВА. А я сама — то верю, то не верю. А чаще не знаю — верю или нет. Сама сомневаюсь..

КОЧУМАЙ. А сомневаться надо. Это хорошо — сомнение. Народ нынче такой — палец в рот не клади, откусит. Никому нельзя доверять.

Входит Баба-комендант. На Бабе кокошник, телогрейка, цветастая юбка, она похожа на сувенирную куклу-грелку, какие в просторечии называют «баба-начайник». Она усаживается обочь самовара и не меняет положения до конца акта.

Ой, кто это к нам пришел! Надо же, завсегда вы успеваете, когда самовар поспел. Усаживайтесь здесь, здесь почище...

БАБА (усаживаясь). Фу ты, ну и история.

КОЧУМАЙ (суетясь, ластясь). Что такое случилось?

БАБА. Не приведи Господь.

КОЧУМАЙ. Никак на участке что стряслось?

БАБА. Не на участке... Студент, вот что!

КОЧУМАЙ. А что студент? Помер никак?

БАБА. Выжил, сукин кот. Ну, теперь его усудят. Теперь накрутят хвост!.. Наливай чаю то.

КОЧУМАЙ. Закипает. Вот, скушайте пока бараночку.

БАБА (грызя баранку). А уж мамаша студентова убивается...

КОЧУМАЙ. Так ведь жив остался.

БАБА. Тюрьмы боится. Придет в отделение и сидит деревянная — только слезы — кап-кап, кап-кап. Один он у ей, ишь! А коли один — воспитывай.

КОЧУМАЙ. Заварочки побольше? Или кипяточку?

БАБА. Лей понаваристей. А то всегда у тебя Москву насквозь видать. Сахар колотый?

КОЧУМАЙ. Как видите.

БАБА. Хорошо. А то, ты знаешь, я рафинад не обожаю. (Дует в чашку, пьет со звуками.) Так воспитывай, чтоб уважение имел. И к людям, и к стране. Вдарь, когда надо, научи. А то ведь глянь кругом — растут распущенные... (Кося на Акимову.) Эй, ты как? Лежишь?

АКИМОВА. Лежу.

КОЧУМАЙ. Не по себе ей.

БАБА. И правильно. С чего бы ей было по себе... Мамаша студентова вьюном вьется, липнет к мордовкам, на жалось берет, деньги предлагает. Ничего говорят, нам не надо, окромя справедливости (Отдувается.) Уважаю. Деньги — дым, девки плечистые, заработают... Эй, Акимова!

АКИМОВА. Да.

БАБА. Слышишь, что говорю?

АКИМОВА. Слушаю.

БАБА (удовлетворенно). Слушай вот. (Притворно.) Так о чем я?

КОЧУМАЙ. О мордовках.

БАБА. Уважаю. Студент свое отсидит, человеком в тюрьме вырастет. А мордовки — себя соблюли. Хорошо. (Кося на Акимову). Ведь нынешние, особенно городские... мать божья... нафакстротятся, наштукатурятся и пошла — жопой верть да верть. А жопа-то — с кулачок. Спишь?

АКИМОВА. Не сплю.

БАБА. Смотрю я на Лизавету. Исправная девка. Я такая же была, когда в город приехала. Сперва на чаеразвесочной фабрике, потом за метлу, иначе нельзя, страну восстанавливать надо было. А теперь вот! (Гордится собой и страной, пьет чай.)

КОЧУМАЙ. Теперь вы главная.

БАБА. Чай пей — тоже будешь. Начала хорошо: муж в милиции, способный. Ребеночек. Живешь по правилам. Ведь те, кто норовит своим умом жить — под ними жизнь и подламывается.

КОЧУМАЙ (притворно). Страсти-то!

БАБА. Не подумавши лягут под кого не надо, сойдутся невесть с кем — все затруднение при прописке. Слушай, Акимова, тебе говорю. Ноги раздвинуть — дело нехитрое, ты сперва подумай, что тебе с этого будет. (Кочумай) Подлей горяченького.

КОЧУМАЙ. Наливаю.

БАБА (пьет). Акимова.

АКИМОВА. Да.

БАБА. Что-то у меня одеколонь кончилась. У тебя есть? Или нету?

АКИМОВА. Посмотрите... там...

БАБА. Лизка, глянь.

КОЧУМАЙ (роется). Вот. Натe. И еще шампуня две банки осталось. Па-ахнет.

БАБА. Дай сюда. (Смотрит на свет). Да тут меньше половины. Эй, Акимова, что это у тебя неполная банка-то?

АКИМОВА. Не знаю.

БАБА. А кто знает? Ты полную найди.

АКИМОВА. Больше нет.

БАБА. А куда дела?

АКИМОВА. Вам отдала.

БАБА. А что ты мне давала? Что давала-то. Мыла кусок? Так мыло теперь на каждом углу продают, хошь из гэдээр, хошь отечественного производства. Наконец, научились и у нас мыло варить. И обертки качественные.

АКИМОВА. Я не про мыло.

БАБА. Или про туалетную воду? Воды да, воды брала. Ну и что с того: если ты здесь лежишь непрописанная. Что ж теперь (Нюхает флакон, душит подмышками телогрейки). Лизка, поищи-ка получше! Или сама взяла?

КОЧУМАЙ. Не брала, ей-богу.

БАБА. Посмотри в глаза. Может, твой выдул?

КОЧУМАЙ. Да Захар кроме поллитра ничего не пьет. А в этих импортных пузырьках ста грамм не будет.

БАБА. Тогда ищи.

КОЧУМАЙ. Ищу. Ничего нет.

БАБА. Нету! Ничего у ней нету: своего угла нету, семьи нету, прописки...

АКИМОВА. У меня есть муж.

БАБА (показывает на Осю, который убирает снег). Энтот, что ли? Какой он тебе муж? Муж — это который расписанный, а таких, что без печати — за пучок пяточок в базарный день. Му-уж. Не-ет, ты сперва у него паспорт посмотри, в ЗАГС отведи, тогда муж. А у этого и паспорта, мне сказали, нету.

АКИМОВА. Есть у него паспорт.

БАБА. Тогда покажи. То-то.

АКИМОВА. Чемодан найдем — покажем.

БАБА. Найдут они. Да я, Акимова, если хочешь на откровенность, на твоём месте этому самому чемодану не очень-то доверяла бы. Проверить надо — был ли чемодан!

АКИМОВА. Проверяйте.

БАБА. Гляжу на тебя и удивляюсь. Девка тертая, не с Луны свалилась. И ему веришь! Без документов, гол как сокол, сидит на твоей шее. Кормишь, поишь...

АКИМОВА. Он не пьёт.

БАБА. Это ещё вилами по воде. Вот так не пьёт, не пьёт, а как раз в один погожий день задымится, закуролесит. Так напузырится — святых вон неси. Назююкался — ни тяти, ни мамы.

АКИМОВА. У него трудовая книжка!

БАБА. А что трудовая? Она же без фотографии, может, краденая. Без паспорта и не узнать — такая ли у него фамилия.

АКИМОВА. Замолчите!

БАБА (очень удивилась). Что?

АКИМОВА (испугавшись). Замолчите, пожалуйста.

БАБА. Я?

КОЧУМАЙ. Ты, Акимова, ляг. Лежи спокойно. (Бабе). Забыла совсем предложить вам к чайку меду. Деревенский.

БАБА. Кто это ляг? Лежит здесь, как у себя дома. И еще грубит. Три месяца непрописанная.

КОЧУМАЙ. Более.

БАБА. Мне таких по штату не надо, которые грубят. Мне нужны, чтоб работали!

КОЧУМАЙ. Медку, а?

БАБА (заходясь, кипятясь). Брала у нее! А ты пойді докажи. Свидетелей нет. Меня все знают. Я здесь комендант. Сейчас позвоню во власти — прямо в тюрьму свезут!

КОЧУМАЙ. Или бараночку погрызите.

БАБА. Грубят непрописанные без росписи в одной койке на нежилой площади! В тюрьму! И тебя, и твоего... (из-под нее идет пар).

КОЧУМАЙ (орет). А может вишневого вареньица?

БАБА (пуще кипятясь). Мне чтоб таких не было... в двадцать четыре часа под расписку... Помещение нежилое в аварийном состоянии... камера предварительного заключения...

КОЧУМАЙ. Или крыжовенного?

БАБА (из пасти идет пена). И никакой вэцээспээс мне не указ... указ вот он — президиума рэсэфэсээр от шестнадцатого...

Появляется Захар.

... чтоб штраф, штраф... здесь работы ремонтные под санитарные нормы... нарушать... штрафовать... арестовывать... ашрт... трш... фрстры... цспэвыка...

ЗАХАР (ошалело). Что здесь?!

БАБА.... тыр... пыр... (Выпускает воздух). Ф-фу, что-то я взопрела, что-то я устала... (Расстегивается.) Жарко!

ЗАХАР. Что здесь, спрашиваю?

КОЧУМАЙ. Девишник. Чай пьем, разговариваем.

БАБА. Лизка! Давай крыжовенного, если не кислое. (Видит Захара, расцветает.) Это ты, пряничный мой. Чай да сахар! Садись к столу.

ЗАХАР. О чем ор, спрашиваю?

БАБА. Садись, садись.

ЗАХАР. И время сейчас не то, чтобы чаи гонять.

БАБА. Чай всегда хорошо. Чем на Руси еще никто не подавился. Всегда полезно. (Акимовой) А чтоб одеколонь была. (Захару) Горе мне одно с этими непрописанными.

ЗАХАР (зловеще). Ничего, управимся. (Кочумай) Не ставь стакан. Кому сказал — чай пить не буду.

КОЧУМАЙ. Сапоги-то хотьними.

ЗАХАР. Отставить снимать сапоги!

КОЧУМАЙ. Захар, случилось что?

ЗАХАР. Ничего.

КОЧУМАЙ. На тебе лица нет. Одна краснота.

ЗАХАР. Молчать! (Акимовой) Отдыхаем?

БАБА (дуя на чай). Устамши, как же.

ЗАХАР (Акимовой). Не слышу ответа. Ась?

АКИМОВА. Вы мне?

ЗАХАР. Тебе, тебе. Отдыхаем, говорю?

КОЧУМАЙ. Оставь ее, Захар.

ЗАХАР (Кочумай, замахаясь). Ы-ы-ы...

КОЧУМАЙ (пяясь). Последний месяц.

БАБА (Кочумай). Ты, Лизка, мужу не возражай, когда он при служебных обязанностях. Глянь лучше, форма на нем сидит, как на полковнике. Подлей-ка горяченького.

ЗАХАР. Бросьте эти разговорчики, мамаша, при людях. Сами на работе. Понимать должны. Стыдно.

БАБА Нам стыдится нечего.

ЗАХАР (Акимовой). Так вот, если покоя вашего не нарушаю, конечно, позвольте спросить: как супруг ваш поживает?

АКИМОВА (сажаясь). О чем вы?

ЗАХАР. Как, говорю, муженек?

АКИМОВА. Что случилось?

ЗАХАР. Вы не волнуйтесь. Вам волноваться вредно в вашем женском положении. Все обстоит в лучшем виде. Вот, получите повесточку. Распишитесь, как сожительница.

АКИМОВА. Какую повесточку?

ЗАХАР. По принятой форме.

БАБА. Допрыгалась. А я предупреждала.

АКИМОВА. Куда повесточку?

ЗАХАР. Не знаешь, куда повестками вызывают.

БАБА. На танцы.

ЗАХАР. С блатными повязана, а не знаешь.

АКИМОВА. Вы арестовали его!

БАБА (грызя баранку). Пушай теперь посидит.

КОЧУМАЙ (выхватывая повестку). Да на свободе он, дура. В свидетели вызывают, значит, не арестовали пока. Сама читай.

АКИМОВА. Ведь если из-за паспорта, то вы знаете, как все вышло... ну, потерял, ну штраф наложите... (Читает.) Свидетелем... Комната три... следователь Смирнов... Смирнов, следователь. Но почему следователь? А, Захар?

ЗАХАР. Ознакомилась — и ладно. (Отбирает повестку.)

АКИМОВА (мертво). Где расписаться?

ЗАХАР. Не надо ничего. (Прячет повестку в карман.) Сам вручу, лично, нечего государственный документ портить. (Орет.) Где Оська?

АКИМОВА. И кто это — Смирнов?

КОЧУМАЙ. Поговорят и отпустят. Лучше свидетелем, чем иначе... Ты ляг, ляг.

БАБА. А я думаю — не отпустят его теперь. таких держут.

АКИМОВА. Но ведь он ни в чем не виноват!

БАБА. Разберутся.

ЗАХАР. Где он?

КОЧУМАЙ. Вон снег разгребают.

ЗАХАР. Зови!

КОЧУМАЙ. Прямо сейчас?

ЗАХАР. Прямо.

БАБА. Нет-нет, погоди, Захар Афанасьевич. Что ж это получается?

ЗАХАР. Что еще?

БАБА. Рабочий день только начался. Оська еще Лизкин участок не почистил. А ему после свой разгрести...

ЗАХАР. Успеет.

БАБА. Не-ет, нынче никого с работы отпустить не могу.

ЗАХАР. Дело-то всесоюзное!

БАБА. Это как знаешь...

ЗАХАР. Общенародное дело!

БАБА. И не проси. Не могу допустить заносов на своем участке. Погодные условия никак не позволяют.

КОЧУМАЙ. Небось сам мой участок разгрести не пойдешь.

ЗАХАР. Да как же!

БАБА. А ты присядь, присядь, не спеши. Оська — он куда не сбежит, не денется...

Захар садится.

Расстегнись, чего париться... Ты вот что... (оглядывается, понижает голос). Ты мне лучше расскажи, зачем Оську-то вызывают?

ЗАХАР. После сами все узнаете.

БАБА. Я, конечно, все больше на участке, человек маленький. (Льстиво). А ты, Захар, с людьми общаешься, интересно живешь. Мы, бабы, только и знаем, что чаи распивать, не ведаем ничего, что в мире происходит. Кто кого обворовал или, к примеру, зарезал. Вам-то в милиции, все известно, а мы живем, как в глуши какой, честное слово...

ЗАХАР (с отчаянием). Кого зарезали! Меня зарезали! Без ножа.

БАБА. Тебя?!

ЗАХАР. И все из-за баб!

БАБА. Из-за баб! (В восторге). Не убивайся, сынок, чего на службе не бывает. Ты только скажи, скажи на ухо — из-за каких же таких баб?

ЗАХАР (в сторону Акимовой и Кочумай). Из-за этих вот!

БАБА (разочарованно). Из-за этих... Фу, ты, напугал совсем. Постой, а Оська-то милиции зачем нужен? Ты мне скажи, чтоб я, значит, знала. Чтоб в курсе дела была — все ж таки на моем участке снег гребет... (Акимовой и Кочумай) Не подслушивайте! (Захару). Ну?

ЗАХАР. Премии лишился. Благодарности. А ведь хотели на доску почета повесить.

БАБА. Да что произошло?

ЗАХАР. То.

БАБА. Скажи, не тяни.

ЗАХАР. Поймали его!

БАБА. Кого?!

ЗАХАР (орет). Ангела ихнего поймали!

БАБА (инстинктивно крестится). Ангела!

ЗАХАР. Вор он бадайский. Ангел — кликуха у него такая.

БАБА. Поймали, значит?

ЗАХАР. Да зовись ты хоть сам Господь Бог, но ежели ты в бегах, и розыск на тебя объявлен, то всякий сотрудник при исполнении или на отдыхе обязан тебя распознать в лицо, обезвредить, задержать и доставить!

КОЧУМАЙ. Что ж теперь будет?

БАБА. Неужели и Бога тоже?

АКИМОВА (смеясь). Станный вы, человек, Захар.

ЗАХАР. Кто, я?

АКИМОВА. Конечно. Что вы такое здесь рассказываете — слушать смешно.

ЗАХАР. Смейся, смейся...

АКИМОВА. Вы сами подумайте, как же можно ангела поймать! Ангела! Он же от вас того...

ЗАХАР. Чего?

АКИМОВА. Он же от вас улетит!

ЗАХАР. Улетит?

АКИМОВА. Ну да, конечно. Взмахнет на прощание крыльями — и поднимется к самому небу. Высоко-высоко. Он же ангел!

ЗАХАР. Ты что дуру валяешь?

АКИМОВА. К самому синему небу!

ЗАХАР. Или ты действительно?..

АКИМОВА. Я действительно.

ЗАХАР. Не в себе, да? Ты что, в ангелов веришь?

АКИМОВА. И лицо у вас, Захар, простите меня, такое глупое.

КОЧУМАЙ. А может, он и не ангел был вовсе. Может, обознались мы.

АКИМОВА. Что ты такое говоришь, Лиза? А ты? Ты что не помнишь, что с тобой произошло? А мы с Осей?

КОЧУМАЙ. А что я...

АКИМОВА. Как же это? Ты стала другой. И Захар стал другим... Это в милиции обознались, да-да. Арестовали какого-нибудь воришку, приняли за Ангела. Может, действительно его так зовут, бывают совпадения...

ЗАХАР. Совпадения, да?

АКИМОВА. И повестку принесли. Если надо, Ося, конечно, сходит и подтвердит вам, что вы ошиблись. Сходство всякое бывает...

ЗАХАР. Сходство, значит? А что паспорт у него на Оськино имя — это тоже сходство? И что фотка на нем переклеена — тоже совпадение? А стихи в тетрадке у товарища Смирнова в ящике стола — тоже обознались? Станок как птица для полета, а? Ток подать — начнет крылами быть! Это кто сочинил, Маяковский?

БАБА. И Маяковского туда же?

ЗАХАР. Не-ет, не улетит. От нас не улетишь в синее небо. От нас...

АКИМОВА. Как птица для полета... станок, станок... крылами трепетать... Это же Осины стихи!

ЗАХАР. Именно.

АКИМОВА. В ящике стола...

ЗАХАР. Это тебе знать не положено.

АКИМОВА. А паспорт?

ЗАХАР. И паспорт.

АКИМОВА. А где же чемодан?

ЗАХАР. Товарищ Смирнов выяснит. Но я-то!

КОЧУМАЙ. Что?

ЗАХАР (с отчаянием). Я...

КОЧУМАЙ. Захар!

ЗАХАР. Я-то как рюхнулся — прям мордой об стол. Хрясь, хрясь!

КОЧУМАЙ. Захар, пожалей себя.

ЗАХАР. Я ж его прямо вот так видел, прямо перед собой на этом самом месте! И не признал! На него розыск — а я мимо. Он рецидивист, бежал из мест лишения свободы, угол на бану отогнул с ксивой и бабками,

спер чемодан с деньгами и документами — а я! Бдительность потерял! Нам же на занятиях его фоторобот показывали!

БАБА. Не может быть, чтобы с хоботом.

ЗАХАР (Кочумай, угрожающе). А все ты, курва! Ангел он, ангел он — раскудаhtалась! Гинеколог, а! Я те покажу кровесосущее. Я те устрою ни вина, ни ликера!

БАБА. И кровь сосал! Пусть, пусть его теперь поглубже спрячут! И его и Оську — одна группировка!

АКИМОВА. Вот от чего он мне снился сегодня...

ЗАХАР. В тюрьму на работу устраиваюсь — зарплата хорошая. Девушка у меня была, в двадцать третьем дома. Чистенькая, мама у ней учительница — начальных классов. А женился на этой! В ЗАГС пошел, ребенка на себя записал! (Плачет.)

АКИМОВА. Вот отчего он мне улыбнулся!

ЗАХАР (захлебываясь). Мы с ней уж и заявление подали, я учительницу мамашей называл...

КОЧУМАЙ. Мамашей, значит?

ЗАХАР. Не папашей же! (Рыдает.) Квартира двухкомнатная, участок садовый сорок километров с Павлицкого...

КОЧУМАЙ. Участок, говоришь.

ЗАХАР. Садово-огородный.

КОЧУМАЙ. Ну, так получай! (Бьет Захара.)

БАБА (прихлебывая чай). И все ж таки лучше, когда весело.

КОЧУМАЙ (продолжая лупить Захара). Придет, я ему сапоги сымаю, от он — от этой. Я те покажу участок двухкомнатный, я те устрою начальные классы. Там — интеллигенция, а здесь — на водку давай? Там — уче-

ные свет, а здесь — получай по морде? А после в койку, а утром за пивом? Ты же ко мне два года ходил! Думаешь, погон твоих боялась? срать я хотела на твои погони! Да я как тебя увидела — с другим ни разу не была! Да я тебе жена, понятно!

ЗАХАР (стоя на коленях). Думал, сад разведу. Посажу — георгин!

КОЧУМАЙ (останавливаясь). Захар, а Захар!

ЗАХАР. Отойди.

КОЧУМАЙ. Послушай, Захар... (Опускается на колени рядом). Не плачь, а, все у нас будет. И квартиру дадут, и денег заработаем. Стенку купим. И огород завведем. Теперь позволяют недалеко от города, чтоб огород. Не плачь, родной, все-все будет. Посадим картошечки...

Крик Акимовой. Вбегает Ося. Она рожает. Пролетает самолет. В небе загорается звезда.

III.

Еще больше пеленок. Совки, лопаты, метлы... Милицейская шинель. Две детских коляски. Захар в майке и форменных брюках-галифе делает ребенку в коляске фигли-мигли. У другой — Акимова кормит грудью младенца. Кочумай неподалеку колупает лед.

ЗАХАР. Не-ет, ты смотри сюда, Ванюшка. Видал, палец! А теперича мы его р-раз — и нету! Как, бля, отрезало! (Другим голосом.) А это что там такое вытаращивается? Так это ж тот самый палец и есть! (Ржет.) Видал

фокус, Ванюшка? Вырастешь, тебя научу. Будешь пацанам на уроках показывать...

АКИМОВА (кладя ребенка в коляску, застегивая кофту). Что ж они его так долго держат!

ЗАХАР. На пианино учат играть.

АКИМОВА. Какие шутки у вас, Захар... несмешные...

ЗАХАР. Это так называется, когда отпечатки пальцев снимают.

АКИМОВА. Какие отпечатки?

ЗАХАР. Вежливо берут за пальчик, просят обмакнуть и приложить на специальную бумажку.

АКИМОВА. Зачем же у Оси брать отпечатки пальцев. Он разве преступник.

ЗАХАР. Сегодня не преступник, а назавтра — не успеешь оглянуться — уже кого-нибудь ограбил или обворовал.

АКИМОВА. Ося? Ограбил? Что вы такое говорите!

ЗАХАР. Взял квартиру со взломом или, там, напал на инкассатора. Но по неопытности на месте преступления он обязательно оставит отпечатки пальцев. Их сличат, преступника задержат — и прощай, мама, не горюй. Верно я говорю, Ванюшка?

АКИМОВА. Послушайте, вы! Ося не тот, с кем вы привыкли иметь дело. Ося — честный человек, рабочий человек. Посмотрите на его руки. Он поэт. Он пишет стихи. Он... потерпевший, наконец.

ЗАХАР. Там разберутся, кто потерпевший, а кто...

АКИМОВА. Что ж разбираться. Это же ясно.

ЗАХАР. А кто подозреваемый.

АКИМОВА. В чем?

ЗАХАР. Или обвиняемый... Гули-гули-гули...

АКИМОВА. Что за странную манеру вы взяли со мной говорить. В чем обвиняемый?

ЗАХАР. Ишь, соплю пустил.

АКИМОВА. Если вы что-то знаете, то и скажите, как человек. Не зверь же вы все-таки...

ЗАХАР. Кто, я?

АКИМОВА. И не улыбайтесь так. Что-то случилось?

ЗАХАР. Очень может быть, что и случилось.

АКИМОВА. Вам известно?

ЗАХАР. И что с того?

АКИМОВА. Так скажите!

ЗАХАР. Не положено.

АКИМОВА (меняя тон). Или вы сами ничего не знаете?

ЗАХАР. Я?!

АКИМОВА. Конечно. Откуда вам знать. Вы — рядовой.

ЗАХАР. Я — сержант.

АКИМОВА. Ну да, рядовой сержант. Пешка. И мне кажется, вы немножко того...

ЗАХАР. Чего?

АКИМОВА. Заврались, вот чего.

ЗАХАР. Да если хочешь знать, от меня все теперь и зависит.

АКИМОВА. Ой!

ЗАХАР. Мой участок.

АКИМОВА. И что ж такое от вас зависит?

ЗАХАР. А то: дать твоему Оське штраф за проживание без прописки и разрешить по лимиту устроиться. Или...

АКИМОВА. Или?

ЗАХАР. Чтоб в двадцать четыре часа — ту-ту!

АКИМОВА. Значит, значит ту-ту!

ЗАХАР. То и значит, чтоб в двадцать четыре часа духу его здесь не было. Все от меня зависит!

АКИМОВА. Как же так, у него же здесь семья.

ЗАХАР. Где?

АКИМОВА. Здесь. Мы — я и маленький.

ЗАХАР. Семья. Вы ж не расписанные.

АКИМОВА. Мы распишемся.

ЗАХАР. Когда?

АКИМОВА. Вернут Осе паспорт — пойдем в ЗАГС и распишемся.

ЗАХАР. Поздно будет. Я уж с него подписку возьму. А нарушит — под конвоем уедет.

АКИМОВА. Под конвоем?

ЗАХАР. Ага.

АКИМОВА (меняя тактику). Нехорошо так, Захар. Мы же друзья.

ЗАХАР. Кто?

АКИМОВА. Ну, мы все. Люди.

ЗАХАР. А.

АКИМОВА. Посмотри. Оп! (Щелкает газовой зажигалкой.) Французская.

ЗАХАР. Дай посмотреть.

АКИМОВА. Нравится? Можешь взять.

ЗАХАР. Да в ней и газа-то — на донышке. Одна одноразовая. (Возвращает зажигалку).

АКИМОВА. Но у меня ничего больше нет.

ЗАХАР. А это?

АКИМОВА. Это? Это кулон. Зачем тебе?

ЗАХАР. Да не то.

АКИМОВА. Не понимаю.

ЗАХАР. Это вот! (Тычет ей в грудь.) С молочком.

АКИМОВА. Убери руки.

ЗАХАР. Дай Ваньке молочка попробовать. Дай ребенку молочка, сука. (Лезет к ней).

АКИМОВА. Закричу.

ЗАХАР. Всем, значит, можно, а нам, значит, нельзя...

Пятясь задом, появляется Баба.

БАБА (не своим голосом). Прошу сюда не слишком беспокоиться, что здесь не прибрано, ведь не ждали. Здесь она, здесь наша красавица. (Попутно срывает пеленки, прячет за пазуху)

Захар отскакивает от Акимовой, которая прячется в тень. Входит Жених, держится по-иностранному щеголевато. По его появлению сцена начинает заполняться многими блестящими и чистыми пакетами, свертками, коробками и формами неопределенного назначения. Тут и там мелькают иностранные надписи и этикетки. Общее впечатление: сцену заволочло французскими духами.

ЗАХАР (напяливая шинель поверх майки). Здравия желаю, товарищ... господин... (Отдает честь.)

БАБА (Жениху). Вот сюда подвигайтесь, чтоб не запачкаться. (Повышая голос.) Сколько раз говорила — пеленки на проходе не развешивать! (Жениху.) Они у нас, сами видите, молодые матери. Знаете, небось, ка-

кие нынче мамы, в семье необученные, чтоб значит чисто. Неприученные с детства к деторождению.

ЗАХАР. Разрешите доложить, все живет чисто, сыто, в тепле и трезвости, жалоб не имеем, чего и вам желаем. Мир — дружба!

ЖЕНИХ. Ай эм вэри глэд сказать вам бонжур, месье, вам, мадам. (Акимовой) Буоно джорно, синьорита. (Захару, сквозь зубы.) Вольно, болван.

АКИМОВА. Вы... к кому?

ЖЕНИХ. Комрад, товарищ, мадемуазель. Я — к вам! Ведь вы — Акимофф?

АКИМОВА (вглядываясь в Жениха). Я — Акимова.

ЖЕНИХ. Ол райт, как я рад, что добрался и нашел вас, как я рад. Вы — Акимофф. Ит'с соу бьютифул!

АКИМОВА. Кто вы?

ЖЕНИХ. Вы меня не знайт?

АКИМОВА. Я не знаю вас.

ЖЕНИХ. Приглядитесь получше.

АКИМОВА. Я впервые вас вижу.

ЖЕНИХ. Это шутка? О, шарман, шарман... Или вы действительно меня не узнаете? Ваша память — пшик! Как это по-русски — память девичья. О, короткий память — типично русский. Я — это я, йа?

БАБА (толкая Акимову в бок). Улыбнись дура. Сразу не узнала — потом признаешь. Человек — иностранец, тебя ищет...

ЗАХАР. Я есть советский милиционер. Могу оказать содействие.

ЖЕНИХ (огрызаясь). Вижу, не слепой. (Акимовой). Я ехать с Восток — бизнес, вояж, адвенчур. Нынче здесь, как говорится, завтра — там. Милан, Лондон, Кордова,

Мехико-сити. Теперь с Востока пролетом ваша страна. Колоссаль. Трубопровод вери длинный. Гранд театр — нормаль. Спутник, Плисецкая, пирожок. Халф ауа летать на Париж.

ЗАХАР. Ауа, ауа, ауа...

Баба ударяет его по спине.

Я есть сержант. Куда хочет пройти товарищ? Метрополь, Интурист, Третьяковская галерея...

ЖЕНИХ. Сэнк ю, но я хотел бы поговорить с мадемуазель Акимофф с глазу на глаз.

АКИМОВА (Захару). Нет, останьтесь. Я... я не знаю этого господина. Я замужем! (Жениху) Что вам от меня надо?

ЖЕНИХ. Я хочу видеть вам бэби. (На коляску). Это он?

ЗАХАР. Иван сын Захаров, ваше...

ЖЕНИХ. Ваше странничество. Ино!

ЗАХАР. Так точно, ино.

ЖЕНИХ. Ваш бэби нас сейчас не интересовайт. Нас интересовайт другой бэби. (Видит вторую коляску). Это он?

БАБА. Ее, ее, Акимовой.

ЖЕНИХ (Акимовой, благоговейно). Это ваш сын?

АКИМОВА (загораживая коляску). Что вы хотите от нас?

ЖЕНИХ. Это он! Меня правильно привела... (Показывает вверх.)

БАБА. Я, как комендант, за всех за них в ответе. Кто, значит, на площади.

ЖЕНИХ. Меня правильно привела звезда! (Показывает на пакеты). Все это, и это, и это — для тот малыш на люлька. (Принимается рвать упаковки.) Все для этот бэби: ползунки, колготы, пеленки гигроскопические, тальк английский, хорош соска, золото...

БАБА. Золото!

ЖЕНИХ. Прошу меня не перебивайт, не то я — как это по-русски — собьюсь совсем. Я летел с Востока нарочно увидеть этот чудесный бэби. Повторяю сначала: колготы, ползунки, пеленки впитывай, золото, ладан, смирна...

Захар вытягивается.

Вольно!

БАБА. И золото.

ЖЕНИХ. За все заплачена пошлина в установленном государством размере и порядке. Все прошло таможенный досмотр. Вопросы есть?

БАБА. Много-то как всего!

ЖЕНИХ. Риторика. (Захару.) У вас что?

ЗАХАР. Так точно. У меня вопрос.

ЖЕНИХ. Валяй.

ЗАХАР. Разрешите доложить?

ЖЕНИХ. Только короче.

ЗАХАР. Вы как есть иностранный гражданин находитесь под охраной советской милиции.

ЖЕНИХ. Попрошу без двусмысленностей, сержант. Пять суток ареста.

ЗАХАР. Есть пять суток ареста.

ЖЕНИХ. На шестые — экзамен по уставу. По политической подготовке — как это по-русски — зачет. Материалы пленума чтоб знал назубок.

ЗАХАР. Последнего?

ЖЕНИХ. какого надо.

Входит Кочумай, пробивается среди иностранных форм.

ЗАХАР. Позвольте доложить. Это есть Лизвета, супруга наша.

КОЧУМАЙ (Акимовой). Ну вот, прилетел все-таки. Что я говорила, как тебя уговаривала: прилетит он, куда денется. (Вытирая руку о телогрейку, застенчиво Жениху.) Лиза меня зовут. Здравствуйте. Я о вас много слышала. От нее вот, от Акимовой. Мы с ней о вас часто говорили. Как бывало чистим снег или лед, так, значит, и говорим. А уж ждали вас — глаза проглядели. Как появится самолет, так и ждем, значит...

ЖЕНИХ. Лиза — хорош имя. Типичный русский.

КОЧУМАЙ (пуще стесняясь). Вообще-то меня кто как зовет — и Лиза, и просто Кочумай. Лизка Кочумай. Смешно?

ЖЕНИХ. Ай андерстенд. Кочумай есть ваша кликуха.

КОЧУМАЙ. Вроде как прозвище. А это мой муж Захар. Вы уже познакомились?

ЖЕНИХ. О да!

КОЧУМАЙ. А что это мы стоим. Вы присаживайтесь.

ЖЕНИХ (в сторону). Неприятное слово.

КОЧУМАЙ. Вы уж извините, у нас по-простому. Вы к нам на самолете.

ЖЕНИХ. Йес.

БАБА. Да я уж предлагала-предлагала.

КОЧУМАЙ (Акимовой). А ты чего там в сторонке? (Жениху.) Она у нас такая, немного робкая. (Акимовой). Ну, что ты, принимай гостя.

БАБА (Жениху). Наверное, чайку желаете. Из самовара.

ЖЕНИХ. Самовар хорошо, время хуже.

КОЧУМАЙ. Понимаем, за границей люди заняты. (Оглядывает свертки). Вот, значит, приютила я ее у себя.

БАБА. Уж мы заботимся, чтоб у нее, значит, все было.

ЖЕНИХ. Как говорят на востоке: в тесноте, да не в обиде. Я знал, что найдутся хорошие люди рядом с ней и с ее ребенком. Прихватил кое-что, по мелочи. (Разрывает пакет, Бабе.) Бикини Старлайт. Вам!

БАБА. Ой, что это вы.

ЖЕНИХ. Проверь размер.

БАБА (прикладывает бикини поверх ватника). Надо же, в самый раз!

ЖЕНИХ (разрывая пакет, Кочумай). Гарнитур Ариелла. Девяносто восемь люксембургских марок по каталогу. Вам. Надевать под вечернее платье.

КОЧУМАЙ. Ясно. (Захару). Чего рот разинул, когда женщины внутренние вещи примеряют.

ЖЕНИХ (сильно свистит, Захару). Сержант, примите этот скромный дар. Свисток из бамбука. Внутри — помет какаду.

ЗАХАР. Так точно, помет кенгуру.

ЖЕНИХ. В Бирме с помощью такого свистка вы могли бы управлять рабочим слоном... Все остальное — для малыша.

БАБА. Не извольте беспокоиться.

КОЧУМАЙ. Ничто не пропадет. Нам чужого не надо.

Захар свистит, пробуя свисток.

АКИМОВА. Я благодарна вам. Но я никак не могу этого принять.

ЖЕНИХ. Не понимаю. Обижаете. Дары Востока — ладан и смирна. Все свежее.

АКИМОВА. Я даже не знаю, кто вы?

ЖЕНИХ. Я гость.

БАБА. К тебе с Востока приехал.

ЗАХАР. Ино!

КОЧУМАЙ. (Акимовой). Разве не тот? Ты получше взглядишь — может этот все-таки.

БАБА. О себе не думаешь — о ребеночке подумай.

КОЧУМАЙ. Вглядишь повнимательнее.

ЗАХАР. Они все, иностранцы, на одно лицо.

ЖЕНИХ. Я послан им! Или вы забыли и его? О-ля-ля,, вы забыли все-все? И тот зимний вечер, и все сказанные после слова? Вы забыли нашу музыку?

Слышна музыка.

За окнами бара шел снег, разве ты не помнишь?

АКИМОВА. Шел снег.

ЖЕНИХ. Ты с подругой — да-да, с подругой — сидела за столиком у окна. Шел густой снег, даже фонарей — и тех не было видно...

АКИМОВА. Густой снег.

Полная перемена света. Впервые на сцене конкретные декорации. Стойка бара, столики. Играет музыка. Жених становится Жюлем. Он сидит за стойкой. Акимова и Корма — за столиком. За стойкой Бармен, у дверей — швейцар. Неплохо, если бы роль Кормы взяла на себя исполнительница роли Кочумай, исполнителей роли Бармена и Захара соответственно Швейцара и Бармена, благо две последние роли без слов.

АКИМОВА (Корме). Не прогонят?

КОРМА. Не бэ, погрузимся. Держись меня, у меня тут все схвачено.

АКИМОВА. Бармен смотрит...

КОРМА. Игорек.

АКИМОВА (озираясь). Тут ничего.

КОРМА. Нравится?

АКИМОВА. Нормально.

КОРМА. Фирмы мало, рано пришли. Закусить не мешало бы. Энд выпить.

АКИМОВА. Так ведь здесь на валюту.

КОРМА. Ничего, держись меня, Акимчик. Как тебе тот брюнет?

АКИМОВА. Где?

КОРМА. Не туда смотришь.

АКИМОВА. Ты думаешь, он француз?

КОРМА. Может джемини, может спениш. Сама в загадке. На итальянца не похож...

АКИМОВА. Симпатичный, кажется.

КОРМА. На тебя посмотрел. Улыбнись, дура, на кислый фейс только мухи садятся.

Жюль что-то шепчет Бармену, оба смотрят на столик, где сидят девушки. Жюль дает деньги, Бармен кивает.

Держись, малютка!

Жюль направляется к их столику.

Да не пялься ты на него. Держись независимей...

Жюль приглашает Акимову танцевать.

(Подталкивая ее, Жюлю.) Мы не танцуем.

АКИМОВА. Но...

КОРМА. Только один танец. Мы торопимся.

ЖЮЛЬ (танцуя). Меня зовут Жюль.

АКИМОВА. Вы говорите по-русски?

ЖЮЛЬ (смеясь). Вас это удивляет?

Пока они танцуют, Бармен подает Швейцару знак, тот подходит к Корме, приподнимает ее со стула. Корма возмущается, но ее выводят.

Я — русский.

АКИМОВА. Вот как. (Разочарованно.) А похож на иностранца.

ЖЮЛЬ. А твое имя — Маша.

АКИМОВА. Как вы догадались?

ЖЮЛЬ. В этом баре всех девушек зовут Маша. Вот и вашу подругу, должно быть...

АКИМОВА. Не угадали, на этот раз. Ее зовут Корма.

ЖЮЛЬ. Корма? Пикантное имя. Это ее профессиональный псевдоним?

АКИМОВА. Все ее так называют.

ЖЮЛЬ. Взгляни на свой столик.

АКИМОВА. Где ж она?

ЖЮЛЬ. Ее позвали неотложные дела.

АКИМОВА. Она ушла? А мне ничего не сказала...

ЖЮЛЬ. Она же не знала, что дела ее позовут. Тебя она поручила мне. (Бармену.) Шампанского.

Бармен подает им два полных фужера.

За знакомство, Маша!

АКИМОВА. Чин-чин, Жюль.

ЖЮЛЬ. Ты хочешь меня о чем-то спросить.

АКИМОВА. Ведь вы обманываете, вы не русский.

ЖЮЛЬ. Тогда скажи мне — кто я.

АКИМОВА. Не знаю.

ЖЮЛЬ. Я родился в Париже, верно. Но я русский.

АКИМОВА. А живете вы где?

ЖЮЛЬ. В данное время — в этой гостинице. Постоянно — недалеко от Елисейских полей. Ты бывала в Париже?

АКИМОВА. В Париже?

ЖЮЛЬ. Да.

АКИМОВА. Вы спросили — бывала ли я в Париже? Нет, не была. Нон. Нон пазанкер.

ЖЮЛЬ. О, браво. Ты еще побываешь в нем. Штэ ля рекоманд, се тюн виль шармант.

АКИМОВА. Шармант. Я побываю? Ву круае?

ЖЮЛЬ. Неплохое произношение. У тебя, должно быть, была недурная практика.

АКИМОВА. Вуэет ле промсе франсе аки же парль франсе.

ЖЮЛЬ. Мне это лестно. А что, все остальные тоже говорили по-русски? (Бармену.) Еще шампанского!

Бармен подает бокалы.

За тебя!

АКИМОВА. И за тебя!

ЖЮЛЬ. Ты совсем не умеешь врать.

АКИМОВА(смеясь). Но я соврала совсем чуть-чуть. Совсем на донышке.

ЖЮЛЬ. Где родилась ты?

АКИМОВА. Городок, в котором я родилась, сонный, скучный. Все ленивы, все спит. А я хочу видеть мир.

ЖЮЛЬ. Ты приехала в Москву покорять Париж? За твои успехи и твои глаза!

Чокаются, пьют.

За твое имя — оно напоминает мне детство. И за твои волосы...

АКИМОВА. Довольно, довольно, Жюль. У нас не хватит шампанского, а у тебя — не хватит слов. Оставь что-нибудь на потом!

Бар исчезает. Все заполнено иностранными формами.

(Полуодета). Сет колер ма ва?

ЖЮЛЬ. Как и все остальные цвета. (Разрывая пакет.) Туса е пуртуе эсей лё.

АКИМОВА (примеряя вещи). А как пахнет-то.

ЖЮЛЬ. Лучше всего на свете пахнет твоя кожа.

АКИМОВА. Ах, Жюль, то что ты говоришь мне каждый день, так старо и так глупо. И так прекрасно.

ЖЮЛЬ. Мария!

АКИМОВА. Скажи, тогда в баре ты нарочно все подстроил?

ЖЮЛЬ. Эта дрянь хотела тебя мне продать. И дал денег, чтобы ее вышвырнули вон. Я не хотел покупать тебя.

АКИМОВА. Я тебе не понравилась?

ЖЮЛЬ. Я хотел, чтобы ты полюбила меня.

Еще одна перемена света.

ЖЮЛЬ. Тебе нравится эта квартира?

АКИМОВА. Будет нравиться, если ты будешь приходить часто.

ЖЮЛЬ. Тогда я просто не буду уходить.

АКИМОВА. Же т'эм.

ЖЮЛЬ. Повтори.

АКИМОВА. Же т'эм бьен, Жюль.

ЖЮЛЬ. Скажи еще раз.

АКИМОВА. Же т'эм, жене жаме эме си фор не туа.

ЖЮЛЬ. Никого?

АКИМОВА. Никого.

Близкий шум самолета.

Жюль, Жюль, не оставляй меня!

ЖЮЛЬ. Я вернусь.

АКИМОВА. Ты обещаешь?

ЖЮЛЬ. Я вернусь за тобой.

АКИМОВА. Же т'атанде.

ЖЮЛЬ. Же т'эм.

АКИМОВА. Да, Жюль, да!

Самолет пролетает совсем близко. Его шум удаляется. На сцене все так, как до начала ретроспекции. Посреди сцены стоит Ося с чемоданом в руке.

ОСЯ. Я предал его!

АКИМОВА. Отпустили? Наконец-то. (Вглядывается в него.) Что с тобой, Ося?

ОСЯ (роняя чемодан). Я предал его. (Всем). Не верит? Но я не мог иначе, совсем не мог.

АКИМОВА. Что случилось?

ОСЯ. Совсем не мог... (Говорит захлебываясь.) Когда я вошел, мне сказали: послушайте, сказали мне, сейчас вы увидите трех человек. Хорошо, сказал я, если это нужно. Вы увидите троих, и одного из них вы должны узнать. Того, кто подошел к вам в поезде около Тулы, того, кто был с вами на вокзале. Вы поняли нас? Я понял вас, сказал я, может быть, я его узнаю. Мы надемся на вашу память, сказали мне. Я узнаю, сказал я, но хочу предупредить, что у меня плохая память на чужие

лица. Мы проверим сейчас вашу память, сказали мне, и вошли трое. Двое были в свежих рубашках, глаза серьезные и спокойные лица, а один, один...

АКИМОВА. Что один?

ОСЯ. Он так плохо выглядел. Совсем худой, рубаха черная от грязи, небритый. Но он улыбался. Он один из всех троих улыбался. И по одной этой улыбке его нельзя было не узнать.

АКИМОВА. Он улыбался?

ОСЯ. Зачем они сделали так, чтобы те двое были совсем чистые, а третий выглядел так плохо? Разве это честно? И тогда я сказал...

АКИМОВА. Что ты сказал?

ОСЯ. Я маленький человек, сказал я, я рабочий человек. быть может, память меня подводит, но мне совсем не знакомы эти лица.

АКИМОВА. А они?

ОСЯ. Они удивились. Они просто очень удивились, хотя что ж тут удивительного, если у человека плохая память? Они сказали: послушайте, гражданин, не валяйте дурака. У вас похищен чемодан, похищен паспорт и деньги. Раскройте пошире свои глаза, сказали они, а я очень не люблю, когда так говорят. Потому что когда люди начинают так говорить, от них нельзя ждать ничего хорошего. У меня широко открыты глаза, сказал я. И чемодан действительно мой.

АКИМОВА. Твой чемодан?

ОСЯ. И тут он подмигнул мне.

АКИМОВА. Подмигнул?

ОСЯ. Сначала я думал, что мне показалось, но он подмигнул раз и другой. И тогда я сказал: знаете, ка-

жется, я припоминаю... Я вспомнил того, о ком вы хотите знать. Я показал на одного из тех, кто был в чистых рубашках.

АКИМОВА. Зачем?

ОСЯ. Тогда они вывели всех троих. А меня попросили остаться. Они были вежливы со мной, очень вежливы, но я не люблю, когда люди бывают слишком вежливы. Потому что потом они начинают драться.

АКИМОВА. Тебя били?

ОСЯ. Нет, нет, меня не били. Мне только задавали вопросы. Вопросы, на которые сами знали ответы. Но если знаешь все сам, то зачем спрашивать, как вы думаете?

ЖЕНИХ. Ай донт андерстенд.

АКИМОВА. И что они хотели узнать?

ОСЯ. Они спрашивали одно и то же: о чем он говорил со мной, что мы делали на вокзале. И как я заперал чемодан. И где стоял он. И писали, писали...

АКИМОВА. А больше они ни о чем не спрашивали?

ОСЯ. Они спросили: что он говорил после? И я припомнил, как он сказал, смеясь: отчего бы, Иосиф, тебе не устроиться дворником? Прописка, комнатуха, зарплата. И к Михалкову близко. И я его спросил еще: ты думаешь, меня возьмут в дворники? Конечно, сказал он, в дворники берут нынче даже поэтов.

АКИМОВА. А о нас с тобой они не спрашивали?

ОСЯ. Нет, о нас с тобой нет... А потом они снова ввели его. Одного. И спросили: вы снова его не узнаете? И тогда он сказал...

АКИМОВА. Что он сказал?

ОСЯ. Он сказал: привет, Иосиф.

АКИМОВА. Привет, Иосиф.

ОСЯ. Привет, Иосиф, сказал он, ты меня не узнаешь? Узнаю, сказал я, теперь узнаю. И тогда его увели, а меня попросили расписаться. В трех местах. И сказали — вы свободны. Не забудьте чемодан.

АКИМОВА. И это все?

ОСЯ. Нет. Когда его уводили, он обернулся и сказал...

АКИМОВА. Что?

ОСЯ. Он сказал, Иосиф, держи хвост пистолетом...

ЖЕНИХ. Что есть «держи хвост»? Русский язык — очень трудный язык: зачем есть пистолету хвост?

АКИМОВА. Ах, да. Познакомься. Это... это мой друг. Из Парижа.

ЖЕНИХ. Друг Жюля. Друг месье Жюля.

АКИМОВА. Он прилетел...

ОСЯ. Я... я слышал о вас... то есть, нет.

ЖЕНИХ (протягивая руку). Прифет!

АКИМОВА. А это Иосиф. Он... он хороший человек. Он очень хороший человек, честное слово!

ЖЕНИХ. Гуд.

БАБА. У нас на участке работает.

КОЧУМАЙ. Проживает по соседству.

ЗАХАР. Стихи сочиняет. Поэт.

ЖЕНИХ. Ай эм вэри глэд си этот гражданин. Мир — дружба. (Акимовой.) Но нам пора собираться! Самолет будет совсем скоро.

ОСЯ (Жениху). У вас такое симпатичное лицо. Кажется, будто я видел вас где-то. Как жаль, что вам уже пора. Жаль. Что вы не можете погостить у нас...

ЖЕНИХ. Времени в обрез.

ОСЯ (Акимовой). Но я не сказал тебе главного. Понимаешь, я расписался в протоколе, и в получении вещей. Но в третий раз я расписался о том, что уеду отсюда. В двадцать четыре часа.

ЖЕНИХ. Самолет будет значительно скорее.

ОСЯ (Акимовой). И я хотел... хотел спросить тебя...

АКИМОВА. Спроси.

ОСЯ. Да, я хотел попросить: давай уедем вместе. Ведь здесь нам негде жить...

ЖЕНИХ. Пустяк. Всегда можно устроиться в отеле.

ОСЯ. И нет для нас места в гостиницах.

АКИМОВА (неуверенно). Но я...

ЖЕНИХ. Месье Жюль ждет!

АКИМОВА. Понимаешь... Я знаю, что ты поймешь. Меня ждут. За мной приехали. И я должна лететь.

ОСЯ. Должна лететь?

АКИМОВА. Да, что поделать.

ОСЯ. В Париж?

АКИМОВА. Да.

ЖЕНИХ. Шереметьево-два – Орли.

ОСЯ. Мне не надо было расписываться. Не говори, пожалуйста, больше ничего. Я предал его. А значит — тебя и себя!

АКИМОВА. Это не предательство. Просто ты не мог поступить иначе. Нельзя же всех побороть. Кто-то всегда оказывается сильнее, и ты не должен винить себя. Я люблю тебя, ты веришь мне?

ОСЯ. Я верю!

АКИМОВА. Я люблю тебя, но самолет — самолет будет вот-вот.

ЖЕНИХ. Глупости. В Париже все есть — для женщины.

АКИМОВА. А как ты? Что ты будешь делать?

ОСЯ. Я не пропаду. Такая большая страна — место для меня найдется. И буду писать...

АКИМОВА. Конечно, конечно, я пришлю адрес.

ОСЯ. Буду писать стихи. (Декламирует.) Как если всходит заря на поля...

АКИМОВА. Так будет веселый май.

ОСЯ. Я буду писать стихи о весне и о тебе.

Шум приближающегося самолета перекрывает их голоса.

АКИМОВА. Прощай, Иосиф.

ОСЯ. Прощай.

АКИМОВА. Думай о себе.

ОСЯ. Будь счастлива. Я буду помнить о тебе...

Появляется самолет, и садится посреди сцены.

ЖЕНИХ. Прошу.

АКИМОВА (всем). Спасибо вам за все. Я не сержусь на вас. Вы милые, хоть и не знаете об этом. Иногда, быть может, я буду вас вспоминать и буду грустить.

БАБА (умиляясь). Куда ж ты собралась-то, там же все чужое.

КОЧУМАЙ. Весточку пришли, Акимова, как там у тебя все складывается.

ЗАХАР. Чтоб, значит, постояла за родину.

АКИМОВА (оглядываясь вокруг). И какой у нас все-таки красивый снег!

Ося достает из коляски ребенка, бережно передает его Жениху. Тот несет младенца, как драгоценность.

ОСЯ (Акимовой). Береги нашего малыша!

ЖЕНИХ (останавливается на полпути к самолету). Я плохо понял. Вы сказали — наш малыш?

ОСЯ. Наш малыш. Наш мальчик.

ЖЕНИХ. Если бы у меня не были заняты руки, я бы умер от смеха. Где вы видите вашего мальчика? Этот мальчик — сын месье Жюль!

ОСЯ. Нет-нет, вы ошибаетесь.

ЖЕНИХ. Это вы ошибаетесь, дорогой. Вот он — сын месье Жюль! Эввива! Ура!

БАБА (Осе). Ты лучше у матери спроси. Все ж таки женщина.

ОСЯ (Акимовой). Что он говорит?

ЖЕНИХ. Я говорю: ура!

АКИМОВА (Жениху). Отдайте мне! (Берет ребенка.)

ЖЕНИХ (пытаясь взять ребенка назад). Ну, хорошо, держите сами. Только джентл! ватч сит!

АКИМОВА. И вовсе он не сын месье Жюля! (Ребенку.) Да, маленький?

ЖЕНИХ (в остолбенении). Как? Что вы сказали? Я не понял. Вы сказали, что это не сын месье Жюля?

АКИМОВА (улыбаясь). Конечно. С чего вы взяли, что это ребенок Жюля?

ЖЕНИХ. Как с чего. Вы жили с месье Жюлем. Вы сделали беременной. Родился сын.

АКИМОВА. Нет, нет. Жюль не имеет к этому отношения.

ЖЕНИХ. Тогда чей же это сын?

АКИМОВА. Мой.

ЖЕНИХ. Это я понимаю. Вы есть мамаша этот младенец. Но кто его отец?

АКИМОВА. Нету. (Беспечно.) Мы летим?

ЖЕНИХ. Нет, постойте. Как это понять? Что значит — нету? Отец всегда есть. У каждого ребенка в мире — на Востоке и на Западе — есть отец! (Ко всем.) Вы понимаете меня? Каждый бэби имеет своего отца. Сперва надо отец и мать — только потом бэби.

КОЧУМАЙ. Ну, это не скажи.

ЖЕНИХ. Как так — не скажи?

КОЧУМАЙ. Вон у нас в деревне одна бобов поела — и...

ЖЕНИХ. И?

КОЧУМАЙ. И того.

ЖЕНИХ. Что — того?

КОЧУМАЙ. И родила.

Молчание.

ЖЕНИХ (Кочумай). Вы есть только глупая русская баба. Глупая девчонка без мозгов. (Бабе.) Но вы-то что же молчите, взрослая женщина?

БАБА. Так ведь оно, рождение-то от всякого бывает.

ЖЕНИХ. Вот как.

БАБА (стесняясь). При мужчинах и говорить-то неприлично.

ЖЕНИХ (свирепо). Говори.

БАБА (пуще стесняясь). Ну, не знаю, как у вас там, за рубежом, а у нас — от ветра случается...

ЖЕНИХ. Дальше.

БАБА. И от молнии.

ЖЕНИХ. Так.

БАБА. От дождя золотого...

КОЧУМАЙ. От разного. От яйца ласточкиного или если на звезду засмотришься.

ЖЕНИХ (со стоном). На какую звезду?

КОЧУМАЙ. Известно, на падающую.

ЖЕНИХ. Так. (Захару) А ты что молчишь? Ты же материалист, а?

ЗАХАР. Партийный.

ЖЕНИХ. Вот видишь.

ЗАХАР (тоскливо). Но только бабам всегда виднее — как так у них и отчего...

ЖЕНИХ. О-о-о!

КОЧУМАЙ. А бывает и от снега! Снега-то вон сколько у нас!

БАБА. Только расчищай.

ЗАХАР. И от снега, надо же!

ЖЕНИХ. От снега? (Озирается.) От снега... от снега...

Иностранные формы одна за другой начинают лопаться, опадать, исчезать.

(Акимовой) Но так не бывайте! Вы умная девушка, вы говорите по-французски. Вы-то должны понимать — так не бывайте! Это же мистика! Это же есть, смешно сказать, непорочное зачатие.

ОСЯ. Непорочное.

ЖЕНИХ. Это же можно ума лишиться — получается: от Духа Святого?

АКИМОВА. Может быть, и от уха.

ЖЕНИХ. О, что я скажу месье Жюль. Что я скажу месье Жюль?!

Начинает работать мотор самолета. Сквозь шум слышны ругательства и проклятия Жениха. Он залезает в кабину. Все стоят вокруг, раскрыв рты. Сквозь шум мотора доносятся смутные звуки хора.

КОЧУМАЙ. Чего это он?

ЗАХАР. Испугался, что ли?

БАБА (крестится). Спаси нас, Господи, и помилуй!

Жених оборачивается в последний раз. Улыбается, подмигивает. Самолет взлетает.

ЖЕНИХ. Держи хвост пистолетом!

Свет гаснет. Когда он зажигается, Баба и Кочумай сидят за самоваром. Баба опять похожа на куклу-грелку.

БАБА (дуя на чай). Сами просят, ишь ты.

КОЧУМАЙ. Наседают.

БАБА. Да неужели все шестеро?

КОЧУМАЙ. Захар говорит — все.

БАБА. Они, мордовки, друг за друга горой.

КОЧУМАЙ. Но две особенно... Горяченького подолью?

БАБА. Лей! А эти две что?

КОЧУМАЙ. Беременны оказались. Вот и прут теперь — страсть.

БАБА. А что хотят?

КОЧУМАЙ. Ясное дело, хотят, чтобы студента выпустили.

БАБА. Зачем им?

КОЧУМАЙ. Говорят, когда выпустят, он на них по закону жениться должен.

БАБА. Выпустят его теперь, дожидайся... Да как же они беременны-то, коли до себя не допустили?

КОЧУМАЙ. Кто их знает. Но только справки показывают...

Во время этого разговора все яснее за падающим снегом становятся видны фигуры Акимовой с ребенком на руках и Оси с чемоданом. Они уходят, уходят, уходят...

1981-1986

ЗДЕСЬ НА КРЫШЕ,

или

НОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

дивертисмент

ЛИЦА

ОДИН
ДРУГОЙ
ПЕВИЦА

Крыша музыкального театра

Аплодисменты. Внизу в театре заканчивается представление. ОДИН рассматривает в бинокль зрительный зал. Все стихает. На крыше появляется ДРУГОЙ. На нем костюм оркестранта, в руках урна, какие используют в крематории.

ДРУГОЙ. Подожду, пока все уйдут... (Ждет, прислушиваясь.) Уже начали расходиться... Помнишь, мама, когда я был маленьким, я спрашивал тебя: кто остается в театре, когда все уходят? И ты рассказала мне сказку, старую японскую сказку. Помню даже, как это было — зима, я простужен, и у нас нет гостей. Однажды в далеком городе Осака в театре ночью подрались куклы. Разбуженные шумом сторожа видели собственными глазами, что куклы, валявшиеся в беспорядке после спектакля, встав друг против друга, хотя и не произносят ни слова, но дерутся совсем как живые. И только вконец утомившись, они угомонились, причем одни марионетки потирали поясницу и охали, как люди, другие, чтобы перевести дух, пили воду из ковшика, даже причмокивали. Правда, при этом много воды проливалось на землю. А одна кукла-красавчик стала приставать к куклам-женщинам, да так забавно, что сторожа рассмеялись. Утром они рассказали обо всем увиденном, и все, кто их слышал, были весьма изумлены. И только старый комедиант несколько не удивился. С давних пор не случалось, что куклы дрались между собой, сказал он, но с чего это им вздумалось воду пить — этого я в толк не возьму! Прослышав о случившемся, зрители потянулись к театру — узнать, в чем дело. И что же? Из-под театра во множестве повыскакивали старые барсуки и

пустились наутек по направлению к сосновой роще... Странная и печальная сказка, не правда ли? Дерущиеся куклы, барсуки, пролитая вода, вот, что остается, оказывается, когда все уходят. Когда мы уходим... Мама! Я помню даже название этой истории — она называлась что днем, то ночью! (Видит Одного.) Кто здесь?!

Пугается, скользит. Один оборачивается как раз вовремя: еще немного и, чего доброго, оба полетели бы вниз.

Только не это!

ОДИН. Держитесь же, черт вас возьми!

Обнимаются, балансируют.

Вы в своем уме?

ДРУГОЙ. Это было бы непоправимо! (Заглядывает вниз, прижимая к себе урну.)

ОДИН. Пожалуй.

ДРУГОЙ. Голова кругом — высота какая. Вот уж никогда не думал, что наш театр — такой большой.

ОДИН. Надо сохранять равновесие.

ДРУГОЙ. Верно, верно...

ОДИН. Вы из театра?

ДРУГОЙ. Что вы сказали?

ОДИН. Вы что, глухой?

ДРУГОЙ. Я музыкант. Играю вторую скрипку. Точнее — сегодня играл. Подменяю.

ОДИН. Привыкли сидеть в яме, а здесь — крыша!

ДРУГОЙ. Крыша, вы правы. Простите меня, я чуть было вас не...

ОДИН. Оставьте ваши извинения. И вообще — что вы тут делаете?

ДРУГОЙ. Лажу по личному делу. Позвольте, а вы?

ОДИН. Я с крыши никого не спихиваю. Это вам — места мало. Обязательно валиться на других.

ДРУГОЙ. Понимаю — вы здесь дежурите. (Фальшиво.) А мне — мне ваш бригадир позволил.

ОДИН. Такие как вы — всегда валятся...

ДРУГОЙ. Я просил, я даже настаивал выдать мне какой-нибудь документ... мандат, справку, удостоверение, разовый пропуск... не знаю, как там это у вас называется...

ОДИН. У вас называется.

ДРУГОЙ. Письменное разрешение. Ведь случай исключительный, из ряда вон. Попросил войти в мое чрезвычайное положение.

ОДИН. Вошел?

ДРУГОЙ. Ничего не дал. Сказал, чтобы я так шел. Он грубее сказал, конечно, но смысл я передаю достаточно точно.

ОДИН. Допустим.

ДРУГОЙ. Он сказал, что на этой крыше все равно никого нет. Кроме котов?

ОДИН. Котов?

ДРУГОЙ. Или кошек. У вашего бригадира нехорошо с дикцией (Переходя на лесть.) Ведь я знаком с вашей работой.

ОДИН. С моей работой?!

ДРУГОЙ. Вашей и ваших коллег. Нет, не лично, конечно, опосредовано. Это профессия мужественных, так я считаю. Я даже уверен в этом. Не каждый, знаете ли, рискнет прямо вот так... в огонь. Сам я, конечно, не тушил, но однажды присутствовал. Было большое пламя. И что-то рушилось, треск ужасный. Храбрые все-таки — наши пожарные.

ОДИН. Я вас — не перебиваю.

ДРУГОЙ. Поэтому я и согласился вести этот кружок. Руководить оркестром. На общественных, конечно, началах. Но вас на репетициях я не видел. Вы что же, не любите... не совсем любите музыку?

ОДИН. Отчего же.

ДРУГОЙ. Понимаю. Для участия в самодеятельности помимо желания нужно свободное время. А оно — убывает. Знаю по себе; есть множество желанных вещей, которые не можешь себе позволить. Не по деньгам и не по пространству. Исключительно по времени...

ОДИН. Вы не замечаете, что мешаете мне своей болтовней? Мало, что вы явились сюда. Вы меня отвлекаете. Из-за вас я могу пропустить важное. (Смотрит в бинокль.)

ДРУГОЙ. Неужели вы мне так и не поверите без этой самой бумажки! На слово!

ОДИН. Какой еще бумажки?

ДРУГОЙ. Этой самой визы на пребывание, вида на посещение... о, я ничего в этом не понимаю — такой непрактичный.

ОДИН. Пребывание где? Посещение чего?

ДРУГОЙ. Здесь — на крыше. У нас же на все нужно специальное разрешение. Пожарников. Особенно на то, чтобы без разрешения...

ОДИН. Но я — не пожарник.

ДРУГОЙ. Не пожарник?

ОДИН. У меня что — брандспойт, каска?

ДРУГОЙ. Каски на вас нет. Да вы и не похожи... Но кто ж вы тогда?

ОДИН. Вам что за дело. Гражданин.

ДРУГОЙ. И что вы здесь делаете?

ОДИН. Гуляю.

ДРУГОЙ. С биноклем...

ОДИН. А на ваши мандаты я плевал. (Плюет с крыши, смотрит в бинокль.)

ДРУГОЙ. Нет, позвольте...

ОДИН. Что еще?

ДРУГОЙ. Поздним вечером по нашей крыше гуляет посторонний гражданин с биноклем...

ОДИН. Ваша крыша! Не смешите меня. У нас давно нет ничьих крыш. У нас у всех давно общая крыша. А что касается бинокля — мы не в самолете!

ДРУГОЙ. При чем здесь Аэрофлот?

ОДИН. Это в самолете нельзя провозить воспламеняющиеся вещества. Огнестрельное и холодное оружие. Фотографировать, снимать на киноплёнку, вставать с места до полной остановки, выходить наружу до окончательной посадки, курить, распивать спиртные напитки и смотреть в бинокль. А на крыше можно.

ДРУГОЙ. Придется сообщить пожарникам.

ОДИН. Сообщайте. Если вы такой бдительный.

ДРУГОЙ. Не надо меня оскорблять. Я не бдительный. Я музыкант. Но есть неписанные нормы... Приличному человеку поздно вечером, когда люди готовятся лечь в кровать, ни о чем таком не подозревая, рассматривать в бинокль их окна...

ОДИН. Вон оно что! Да за кого вы меня принимаете!

ДРУГОЙ. Нехорошо. Стыдно. В вашем возрасте тем более непростительно то, что непозволительно и мальчишке...

ОДИН. Молчите. Не то... не то полетите вниз!

ДРУГОЙ. Я вас не боюсь.

ОДИН. Чтобы рассеять ваши гнусные предположения, скажу вам: я здесь живу!

ДРУГОЙ. Здесь живете?!

ОДИН. Не здесь, не передергивайте. Я живу в доме напротив. С собакой и с женой. С женой и с собакой. Вам что, показать паспорт со штампом о прописке?

ДРУГОЙ. Не нужно мне вашего штампа. Но согласитесь, это все-таки странно: живете там, сидите тут...

ОДИН. Что же, по-вашему, человек не может посмотреть на собственные окна? Со стороны.

ДРУГОЙ. Со стороны?

ОДИН. Или это уже запрещено?

ДРУГОЙ. На собственные окна?

ОДИН. Не только изнутри, но и снаружи.

ДРУГОЙ. Пожалуй, мне знакомо это чувство. Пока я не остался один, пока жива была мама, я, подходя к нашему дому после вечернего спектакля, иногда задерживался во дворе... задерживался и смотрел, как горит в наших окнах свет. Ваше окно светится?

ОДИН. Вон то, второе справа. И третье. На четвертом этаже.

ДРУГОЙ. В последние годы мама никогда не ложилась, пока я не приду... У вас какая собака?

ОДИН. Эрдельтерьер.

ДРУГОЙ. Такая... с бакенбардами?

ОДИН. Желаете завести собаку?

ДРУГОЙ. Я еще не думал об этом.

ОДИН. Заводите эрделя.

ДРУГОЙ. Вы полагаете?

ОДИН. Лучшей породы вам не найти: инстинкт, хватка, ум. Могу дать телефон заводчицы. Прекрасная сука. Собираемся вязать. Если возьмете щенка из нашего помета, будем с вами, так сказать, родственниками.

ДРУГОЙ. Очень мило с вашей стороны.

ОДИН. С течными суками много мороки, так что берите-ка кобеля. Ведь вы заводов делать не станете: пять-шесть щенков в помете, держать приходится до месяца-полутора, готовить творог, добавлять фосфор, тереть морковь, мелко резать сырое мясо...

ДРУГОЙ. Вы так говорите об этом — удовольствие слушать. Вы собаковод?

ОДИН. Я — антрополог. А что касается содержания щенков...

ДРУГОЙ. Я сразу догадался, что вы — ученый. Обмеряете черепа, сличаете кости?

ОДИН. Какие у вас школьные представления...

ДРУГОЙ. Вы совершенно правы. Вы мне не поверите, но мне всегда не везло с наукой. К строгому мышлению способностей никаких.

ОДИН. Изучаю одного человека. Не резцы, не ре-зус-фактор, не волосяной покров и пигментацию, но всего человека в контексте.

ДРУГОЙ. В чем?

ОДИН. В контексте природы и культуры.

ДРУГОЙ. Ничего не в чем не понимаю!

ОДИН. Моя диссертация была посвящена этногра-фии...

ДРУГОЙ. Едва что-нибудь в науке трону — тут же сразу и напутаю.

ОДИН. Но моя новая работа!..

ДРУГОЙ. Такой у меня талант к науке наоборот.

ОДИН. О! Моя новая работа... Она могла бы про-лить свет... раскрыть... Впрочем, вам это неинтересно знать.

ДРУГОЙ. Очень, очень.

ОДИН. Да я и не могу говорить об этом с первым встречным.

ДРУГОЙ. Вы сказали — этнография?

ОДИН. Календарные обряды у земледельцев, празднества цветов, пережитки шаманства.

ДРУГОЙ. Волшебно.

ОДИН. Особенности языческих суеверий, магиче-ские функции украшений, архаическая символика в по-гребально-поминальной традиции... Это — в прошлом!

ДРУГОЙ. Повторите!

ОДИН. О чем вы?

ДРУГОЙ. Повторите то, что вы сейчас сказали.

ОДИН. Что я такого сказал?

ДРУГОЙ. Погребальная обрядность.

ОДИН. Глава из моей кандидатской.

ДРУГОЙ. Мне вас Бог послал.

ОДИН. Да что с вами!

ДРУГОЙ. Скажите, вы умеете развеивать — прах?

ОДИН. Прах?!

ДРУГОЙ. Да.

ОДИН. Развеивать?

ДРУГОЙ. По ветру.

ОДИН. Что-то такое было у кельтов. И у ирокезов.

ДРУГОЙ. Тогда помогите мне.

ОДИН. В чем?

ДРУГОЙ. Развеять. (Протягивает ему урну).

ОДИН. Что?

ДРУГОЙ. Прах.

ОДИН (отодвигаясь). Чей?

ДРУГОЙ. Мамин.

ОДИН (оглядываясь). Чьей мамы?

ДРУГОЙ. Подождите, я вам сейчас все объясню...

Моя мама служила в этом самом театре. Она давно оставила службу, но театр любила больше жизни. И завещала сжечь свое тело в крематории, а прах — прах развеять над этой крышей. Она только об этом и твердила перед смертью. Знали бы вы, как я ее отговаривал. Увещевал, умолял. Я говорил, как мне будет пусто после ее смерти — без ее могилы. Даже цветы некуда принести. Но она была неумолима. У нее был очень твердый характер. Цветы ты будешь класть на сцену, отвечала она, на сцену, возле которой я прожила лучшую часть своей жизни.

ОДИН. Она была актриса?

ДРУГОЙ. О да! То есть нет. Она служила концерт-мейстером. Когда-то начинала как пианистка, даже пела, потом...

ОДИН. Прах здесь?

ДРУГОЙ. Только из крематория. Знаете, у нас не так-то просто получить собственный прах. Формальности, много народу, выдают строго по часам. А ведь нужно еще и вынести... Мне пришлось сказать, что отправляюсь хоронить в другой город.

ОДИН. Ловко.

ДРУГОЙ. Самому бы мне в голову не пришло, хорошо в очереди подсказали.

ОДИН. И вы такую... торжественную церемонию решились провести один?

ДРУГОЙ. У меня, кроме мамы, никого близких нет. И потом, вы же знаете, люди теперь грубы, ироничны до цинизма, особенно в нашем оркестре. Чего доброго, подняли бы на смех, заикнись я об этом вслух. А уж духовая секция...

ОДИН. Понимаю вас.

ДРУГОЙ. Вот и вы на меня сначала так странно посмотрели.

ОДИН. Я? Ничуть. Вам показалось.

ДРУГОЙ. Вы готовы были принять меня за сумасшедшего.

ОДИН. Помилуйте.

ДРУГОЙ. Вот и сейчас, похоже, не совсем доверяете...

ОДИН. Вполне, вполне. Только знаете ли, развеивание праха — это не по моей теме. Я занимался пре-

имущественно среднеазиатским ареалом, там погребальный обряд связан с захоронением тела в землю...

ДРУГОЙ. Так вы отказываетесь! (Вытаскивает бумаги.) Вот свидетельство о ее смерти, вот дата, видите — она умерла месяц назад. Вот квитанция, на ней — номер очереди... вот справка о кремации, вот число... вот счет за органичное сопровождение...

ОДИН. Ничего мне этого не надо.

ДРУГОЙ (в отчаянии). Вы все равно думаете, что здесь какая-нибудь мистификация? Или, чего доброго, злоупотребление? Вам кажется все это диким, диким, но что же мне делать — такая уж она была!

ОДИН. Я и не думал ничего думать. И отчего же диким. Все понятно и объяснимо; актеры, музыканты — люди склада особенного, творческого...

ДРУГОЙ. Раз уж нас свел случай... и поскольку я буду брать вашего щенка... вы как специалист... И, кроме того: мы оба здесь — незаконно! Вы даже не представляете себе, как у нас по этой части строго.

ОДИН. По какой части?

ДРУГОЙ. По пожарной.

ОДИН. Но вам же позволили.

ДРУГОЙ. В том-то и дело, что нет. Я вас обманул. Я вас испугался и сказал первое, что пришло в голову. А они мне не позволили. Слушать не стали. Вы, сказали, артист, а инструкции не понимаете, не чувствуете обстановки. Так что времени — в обрез. В любую минуту могут согнать. Неприятностей не оберешься, а нас как раз оформляют в заграничную поездку.

ОДИН. Пусть попробуют согнать.

ДРУГОЙ. Вот вы такой решительный, а я — боюсь высоты. С детства. Другие катались с гор, прыгали с трамплина в воду, лазали по крышам и чердакам, а я — я заплакал, когда мой товарищ на пари пошел на моих глазах по перилам моста.

ОДИН. Охота вам все это рассказывать... Хорошо, я помогу вам.

ДРУГОЙ. Не знаю, как вас благодарить.

ОДИН. Успокойтесь, возьмите себя в руки.

ДРУГОЙ. Легко сказать.

ОДИН. Как вы это себе представляете?

ДРУГОЙ. Пока я не очутился здесь, снизу мне казалось, что все это довольно просто.

ОДИН. Как бы нам с вами чего-нибудь не напутать. Давайте так: я буду вас держать, А вы... (Заглядывает вниз.)

ДРУГОЙ. А я? (Заглядывает вниз.)

ОДИН. А вы будете развеивать. Конечно, если вы боитесь высоты, то развеивать могу я. Но мне представляется, это должны делать только близкие родственники.

ДРУГОЙ. Конечно, вы правы... Но есть одна заминка.

ОДИН. Какая же?

ДРУГОЙ. Ветра нет.

ОДИН. Сейчас налетит порыв.

ДРУГОЙ. Вы полагаете?

ОДИН. Готовьтесь.

ДРУГОЙ. Вы будете крепко держать?

ОДИН. За пиджак.

ДРУГОЙ (зажмуриваясь). Только бы поймать, когда подует.

ОДИН. Теперь уж ловите.

ДРУГОЙ (подаваясь вперед). На вас — вся надежда.

ОДИН. Не беспокойтесь.

Пиджак трещит. Оба пятятся и садятся на крышу.

ДРУГОЙ. Опять едва не упали.

ОДИН. Что вы на себе носите?!

ДРУГОЙ. Я сразу после спектакля. Пиджак принадлежит театру. Очень ветхий. У нас давно не обновляли реквизит.

ОДИН. Не ветхий — гнилой совсем. Нитки не держат. И фасон доисторический. В таком ходил еще... еще Гарибальди. Гарибальди ходил за грибами. Снимайте-ка, надевайте мой плащ. Польский. Сшит навсегда.

ДРУГОЙ. Это благородно!

Переодеваются.

ОДИН. Что это у вас в кармане?

ДРУГОЙ. У меня?

ОДИН. Не в том кармане — в этом. (Достает бутылку). Ого, армянский.

ДРУГОЙ. Это для пожарников

ОДИН. Что же вы его не вручили?

ДРУГОЙ. Не умею.

ОДИН. Вынули бы да поставили. Перед фактом... А ваш пиджак мне мал. Того гляди совсем расползется.

ДРУГОЙ. А мне ваш плащ велик. Затрудняет движения.

ОДИН. Важно, чтоб ветер был. Приготовились.

ДРУГОЙ. Дайте же отдышаться.

ОДИН. Сами говорите — времени в обрез, пожарники тут как тут... Что это?

Женский голос дурно поет арию Далилы.

Вы слышите?

ДРУГОЙ. Сен-Санс. Но как спотыкается.

ОДИН. Ничего не понимаю в этой музыке, но дребезжит ужасно. Откуда это, в театре репетиция?

ДРУГОЙ. Ну что вы, в театре пусто Одни пожарники. Какие репетиции — наш театр давно академический... Ария Далилы.

ОДИН. Что-то библейское.

ДРУГОЙ. Остригла Самсону волосы, лишила Самсона силы.

ОДИН. Хорошо просматривается связь с земледельческими мифами. Волосы — это жатва.

ДРУГОЙ. Сюда идут.

ОДИН. Жатва войны. Подобное мы наблюдаем в обычае добывать скальпы у индейцев Северной Америки...

ДРУГОЙ. Прячьтесь!

ОДИН. Пожалуй.

Прячутся за трубу. Появляется Певица. Она в длинном концертном платье, с диадемой в высоких волосах.

Кашляет, что-то бормочет, пытается взять недостающую ноту, снова сбивается.

Кто это?

ДРУГОЙ. Не знаю.

ОДИН. Из вашей же труппы.

ДРУГОЙ. Вовсе нет.

ПЕВИЦА (прислушиваясь). Вы уже здесь?

ОДИН. Это она вам.

ДРУГОЙ. Мне страшно.

ПЕВИЦА. Чувствую ваше присутствие. Ощущаю вашу близость. Покажитесь же! Дайте мне вас увидеть! (Вглядывается.)

ОДИН. А кто вам, собственно, нужен? Кого вы ищите?

ДРУГОЙ. Нам бригадир позволил.

ПЕВИЦА (с большим достоинством). Я ищу — вас, мне нужны — вы, я — та самая, кого он к вам послал!

ОБА ВМЕСТЕ. Кто — он?

ПЕВИЦА. Мой друг. Я знала, он меня не обманет. Прекрасный пианист, да что там — виртуоз. Был вдохновенным и скромным. Мы с ним часто разговариваем, но сам — никогда не показывается. Он продиктовал мне место встречи. Я записала буква в букву. И вот я перед вами, и вот вы передо мной. Подруга отговаривала меня, знает, что я трусиха: впрочем, и смелому простительны колебания в подобной ситуации. Но я — переступила страх.

ОДИН (Другому). Она не пожарница.

ДРУГОЙ (Одному). И, кажется, боится высоты.

ПЕВИЦА. Отбросила все сомнения. Это встреча слишком значит для меня. От вашего приговора зависит моя жизнь... Впрочем, невежливо с моей стороны так сразу — и о себе, с первого слова — и со своими проблемами. Да и я в глупом положении: вы знаете обо мне все, я о вас ничего. Давайте же знакомиться! И мне будет проще к вам приладиться... приноровиться... подстроиться... (Одному, протягивая было руку, но тут же отдергивая ее). Вы, я вижу, тоже музыкант? (Кокетливо). Я люблю музыкантов.

ОДИН. Я не музыкант. Я ученый.

ПЕВИЦА. На вас костюм оркестранта.

ОДИН. Это... это не мой пиджак.

ПЕВИЦА. Не ваш? Как странно. Это настигло вас вдали от дома?

ОДИН. Что настигло?

ПЕВИЦА. Постигла участь. Быть может, в этот момент вы плавали в море?

ОДИН. Я плохо плаваю.

ПЕВИЦА. Примите мои соболезнования, такой нестарый... Но простите и меня, я кажется была бестактна. Вам неприятно об этом, должно быть. Я знаю, вы обидчивы, можете легко прервать контакт. (Одному, участливо.) Осталась жена, дети?

ОДИН. Детей у нас не было.

ПЕВИЦА. Наверное, убивается бедняжка.

ОДИН (холодно). Этого не могу знать.

ДРУГОЙ (Одному). Вы сказали — не было?

ОДИН. Сказал.

ДРУГОЙ. Как это понимать. Вы что — в разводе? (Снова поглядывает на бинокль).

ОДИН. Мы разошлись. И что?

ДРУГОЙ. Нет, ничего, так... об этом вы мне ничего не говорили.

ОДИН. Отчего я должен был вам об этом говорить.

ДРУГОЙ. Конечно, но... Разумеется, однако...

ОДИН. Что вы мямлите?

ДРУГОЙ. Ведь ваша жена теперь вам не жена, посторонний человек...

ОДИН. Отвратительная привычка.

ДРУГОЙ. У меня?

ОДИН. У вас. Лезть куда не просят.

ДРУГОЙ. Я в бинокль за чужими дамами не подглядываю.

ОДИН. Куда вам, развеивайте-ка лучше свой прах.

ДРУГОЙ. Как грубо, как бестактно...

ОДИН. И это я слышу от вас!

ПЕВИЦА. Ей богу, глупо ссориться здесь, на крыше, ночью, да еще в присутствии женщины. Тем более, если принять во внимание ваше положение... иметь в виду ваше состояние. (Одному, с любопытством). И что же, перед тем как... как поплыть — вы развелись? Одной вдовой стало меньше.

ДРУГОЙ. Его бывшая жена живет вон там. (Показывает в зал.)

ПЕВИЦА. (Одному). А вы — явились здесь.

ДРУГОЙ. С биноклем.

ПЕВИЦА. Как романтично. Подруга мне едва ли поверит. (Одному.) Ваша бывшая жена тоже любила музыкантов?

ОДИН (в сторону Другого). Оперетту терпеть не могла.

ПЕВИЦА. Не люби она музыкантов, стали бы вы ревновать.

ДРУГОЙ. Вот именно.

ПЕВИЦА. Особенно, если учесть, что с вами стряслось.

ОДИН. Плоское предположение. Я прихожу сюда исключительно ради своей собаки.

ПЕВИЦА. Собаки?

ОДИН. Да, собаки.

ПЕВИЦА. Это необычно. Мне приходилось слышать, как собаки приходят на могилу хозяина, но чтобы наоборот...

ОДИН. С чего вы взяли, что моя собака умерла. Просто моя бывшая жена совершенно с ним не гуляет.

ПЕВИЦА. С кем не гуляет?

ОДИН. С моим псом. Сегодня не выходила перед сном. Я видел это собственными глазами.

ДРУГОЙ. Вот и взяли бы собаку к себе.

ОДИН. Как только будет готов кооператив!

ПЕВИЦА. Так давно кручу блюдце, но и подозревать не могла, какие у вас там — необычные обычаи. Права моя подруга: все надо увидеть собственными глазами. С вами я — как будто за границей: кажется, обо всем читала, а на деле — все не то. Даже известные слова значат что-то совсем другое, смысл поступков ускользает от понимания, выражения лиц на наш здешний вкус то слишком веселое, то чересчур меланхолическое. (Другому.) Вы тоже ученый?

ДРУГОЙ. Я музыкант, а этот плащ — не мой.

ПЕВИЦА. Понимаю, являясь, вы пытаетесь сохранить инкогнито. Духовые, ударные?

ДРУГОЙ. Я скрипач!

ОДИН. Вторая скрипка. И то на подмене. На случай чужого отпуска, болезни или кончины.

ПЕВИЦА. У меня был друг — мы познакомились на гастролях в Варшаве — тоже контрабасист. Что ж, для молодого музыканта вторая скрипка это вовсе не плохо. (Другому.) Учились, должно быть, в консерватории?

ДРУГОЙ. Учился.

ПЕВИЦА. Старались, трудились, нашли свой оркестр. Начали играть вторую скрипку, были полны надежд; ждали любви, были готовы к борьбе... Как это несправедливо у нас заведено все-таки, что чем моложе мужчина, тем раньше ему приходится умирать! (Другому.) И давно с вами случилось это несчастье?

ДРУГОЙ. Месяца не прошло.

ПЕВИЦА. Всего месяц назад!

ДРУГОЙ. Послезавтра исполнится.

ПЕВИЦА. Значит, вы целиком еще здесь, душою весь еще с нами, в этом мире.

ДРУГОЙ. Не успели и похоронить.

ПЕВИЦА. Неужели?

ДРУГОЙ. Только сегодня выдали прах. (Демонстрирует урну.)

ПЕВИЦА. Представляю, до какой степени вам должно быть неприятно.

ДРУГОЙ. Очень, очень.

ПЕВИЦА (Одному). Вы ведь тоже по всей вероятности — недавно?

ОДИН. Три недели тому назад.

ПЕВИЦА. Бедняга.

ОДИН. Не было ни детей, ни имущества.

ПЕВИЦА. В расцвете лет, в разгаре сил.

ОДИН. Так что без канители, через ЗАГС.

ПЕВИЦА. Значит, вы — товарищи по несчастью...

ОДИН. Но как муж и жена не живем уже больше месяца.

ПЕВИЦА. Ровесники, так сказать, по будущей жизни... Теперь я знаю, отчего встретила здесь именно вас, беспокойные бесприютные тени. Ваши души еще не покинули наши пределы, хоть сами вы и ушли от нас. Пройдет немного дней — и вас уже будет не догнать. А пока — пока вы еще бродите меж нас, не в силах еще от живых оторваться...

ДРУГОЙ. Только пережив такое несчастье, начинаешь кое в чем разбираться...

ОДИН. Только перейдя рубикон, по-новому многое понимаешь.

ПЕВИЦА. Конечно, конечно, я высоко ставлю, отчетливо вижу все ваши преимущества. Сверху для вас все наши грехи, все наши ошибки — как на ладони. Поэтому-то я и обратилась за советом, поэтому-то и пришла к вам за помощью... Скажите, что мне сделать, как поступить, чтобы он ко мне вернулся?

ОДИН. Вас бросили и ушли?

ДРУГОЙ. Оставили и покинули?

ПЕВИЦА. Это катастрофично, когда тебе отказывается подчиниться инструмент, с которым связаны все твои надежды!

ОДИН. Тут уж, как правило, ничем не поможешь.

ПЕВИЦА. Это совсем как немощная старость: разум говорит, что все кончено, а сердце — сердце не желает мириться. И надеется.

ДРУГОЙ. Но все-таки странно, что у вас — такие проблемы.

ПЕВИЦА. Ах, вы не слышите меня. Возможно, я неправильно поставила вопрос, в неверной форме обратилась. Но если уж мы встретились лицом к лицу в этот поздний час на крыше — отбросим формальности! Это ведь не обычный сеанс.

ДРУГОЙ. Что касается меня — никогда ничего в формальностях не понимал. Одно мучение заполнить простую анкету на выезд. А уж таможенную декларацию...

ОДИН. Бесцеремонности вам не занимать.

ПЕВИЦА. Скажите же мне одно: мой голос ко мне вернется?

ОДИН. Ваш голос?

ПЕВИЦА. В нем я покоряла лучшие залы. Страна была обклеена моими афишами. Многие мужчины были мною увлечены. Пресса шумела. И на гастролях в провинциальных городах, возвращаясь после выступления в гостиницу, я находила свой номер заваленным цветами. Вот уж никогда не подозревала, что в нашей провинции цветет так много растений!

ОДИН. Что же случилось?

ДРУГОЙ. Как это произошло?

ПЕВИЦА. Я начала курить.

ОДИН. Нехорошо.

ПЕВИЦА. Стала худеть.

ДРУГОЙ. Очень плохо.

ПЕВИЦА. Я ела орехи, грызла семечки, пила крепкий чай с халвой.

ОДИН. Нарушение режима.

ДРУГОЙ. Такие излишества.

ПЕВИЦА. И делала многое другое, в чем не могу заставить себя вам признаться.

ДРУГОЙ. Голос надо укутывать.

ОДИН. Карьеру надо беречь.

ПЕВИЦА. Но знаете ли вы, что такое внутренний восторг?! Дрожание всех твоих струн?! Понимаете ли, каково быть трагически исполненной таланта?! А разве споешь навывлет, не раскрыв рот, наотмашь, соблюдая все предосторожности?!

ОДИН. Вот и поплатились.

ДРУГОЙ. Талант надо держать в узде.

ПЕВИЦА. Знаю, знаю, но как его удержишь, когда он трепещет и рвется. Как сладить с самою собою, если вся твоя жизнь, весь твой восторг и богатство в выведении одной-единственной сладчайшей последней невозможной прекрасной ноты?! (Пытается взять ноту, терпит фиаско.)

ДРУГОЙ. А если так, тем более стоит поостеречься.

ОДИН. Все как следует подготовить, тогда только приступать.

ПЕВИЦА. Пробовала — не получается. Публика жаждет музыки. Музыка требует крови. Слава приходит к героям. Только погибнув, можно реализоваться.

ДРУГОЙ. Это уж чересчур.

ОДИН. Надуманная драма!

ПЕВИЦА. Удивительно, но и подруга говорит мне то же. Оставь мужчинам сгорать и жертвовать, погонять над пропастью коней. Смири инстинкт самоуничтожения, довольно с тебя и чувства противоречия. Кто-то

должен рожать и строить, вышивать гладью, укладывать шпалы, солить и мариновать огурцы.

ОДИН. А моя жена — напротив — приступит, бывало, с ножом к горлу: где твоя пассионарность, где твоя аттрактивность? Но зачем же гибнуть, если работы еще непочатый край?

ДРУГОЙ. А моя мама придерживалась такой точки зрения: главное, любила она повторять мне, здравый смысл и регулярное питание. Это оплачено всей моей жизнью.

ПЕВИЦА. Говорите, говорите, выпитываю всякое ваше слово. Исполню все, что вы ни посоветуете. Как я могу к вам не прислушаться, когда вы смотрите на все наши дела из эдакой дали!

ОДИН. Придется в корне изменить образ жизни.

ДРУГОЙ. Больше бывать на свежем воздухе.

ОДИН. Оставить порывистость, приобрести осмотрительность. Заниматься зарядкой.

ДРУГОЙ. Вовремя есть. Не питаться в сомнительных забегаловках, не завтракать на газете...

ОДИН. Больше трудиться. Изю дня в день, методически. Выключать телефон и шагать по своему пути: раз-два, раз-два...

ДРУГОЙ. Но не мнить себя большим. Я, например, пока была жива мама, каждый день занимался: играл, играл, играл, и это было правильно. Но не воображал себя Моцартом: поработаю — отдохну.

ОДИН. Нет великих, есть трудоспособные.

ДРУГОЙ. И позаботиться о своей жизни, чтобы было тепло как дома: повесить занавески, постелить ковры. Зачем изнурять себя, доводить до болезни? Тем бо-

лее, что по телевизору такие интересные теперь бывают передачи.

ОДИН. Ни на что постороннее не отвлекаться, ни на что внимания не обращать: решительным образом от кандидатской — к докторской.

ДРУГОЙ. А утром снова поиграть, размять пальчики.

ОДИН. И даже дальше!

ДРУГОЙ. И не гнаться за высокими гонорарами.

ОДИН. Времени не тратить на пустяки и прихоти.

ДРУГОЙ. Особенно, если у вас уже есть теплые вещи...

ПЕВИЦА. Мне и самой, поверьте, всегда была симпатична бледная улыбка повседневности. Доступно скромное обаяние будничности. Понятна и близка всяческая обыкновенность. Но неужели же это и есть самая последняя мудрость?

ОДИН. Наполнить трудом жизнь.

ДРУГОЙ. Но и сохранить здоровье.

ОДИН. Сказать себе напоследок: я сделал то, что мог.

ДРУГОЙ. И не переохлаждаться.

ПЕВИЦА. Неужели же это все, что видно вам с ваших высот?! Конечно, там воздух слишком прохладен и пронзителен ветер. А внизу — внизу так теплы запахи хлеба и хлева. Там светятся в окошках огоньки участка, там теплятся в очагах угольки

ОБА. Автомобиль?!

ПЕВИЦА. Она не обычная женщина: играла на шестиструнной гитаре, была оператором на телевидении; коллекционировала живопись, конструировала лета-

тельные аппараты. Для того, чтобы превышать скорость безнаказанно, приобрела антирадар.

ДРУГОЙ (Одному). При чем здесь птеродактиль?

ПЕВИЦА. Умом я понимаю, что вы еще слишком рядом, еще чересчур здесь, чтобы освободиться от тоски по тепловатой нелепой и милой обычной человеческой жизни. Но сердцем — сердцем я все-таки разочарована. Неужели же права моя подруга, что смерть — не укрепляет, не делает ни сильнее, ни выше? И что нет у нас в будущем спасения ни от слабостей, ни от напастей? Что уповать мы можем лишь на посястороннее существование, а от жизни защититься — только самой жизнью?! Если это так, то не мне просить у вас рецепта. Впору самой попытаться вас утешить, самой постараться вам помочь...

ДРУГОЙ. Я безутешен, но когда меня утешают — становится все-таки легче.

ОДИН. Чем крепче принятое роковое решение, тем больше мужчина нуждается в нежности и в поддержке.

ПЕВИЦА. Как мы ни сился — назад уже не вернуться. (Другому.) О чем вы жалеете больше всего другого?

ДРУГОЙ. О том, что лишился матери.

ПЕВИЦА. Какой она осталась в вашей памяти?

ДРУГОЙ. Сильной.

ПЕВИЦА. И это все?

ДРУГОЙ. И запах ее духов, когда она собиралась в театр, оставляя меня одного. Блеск ее лаковых перчаток. Высокомерие холеных гостей, их холодное внимание. И то, как нещадно дуло из щелей окна в моей ком-

нате, когда я ждал ее возвращения, стоя на коленях на подоконнике.

ПЕВИЦА. Она была реалисткой?

ДРУГОЙ. Реалисткой она не была. Конечно, она подчинялась сковывающим ограничениям реальной жизни, иногда бывала экономна, прятала ключ от буфета, где стоял бабушкин сервиз, но чаще оказывалась бесшабашной. Тратила месячное жалованье на один прием, и потом мы сидели без денег, она плакала, кричала на меня и ждала телефонного звонка.

ПЕВИЦА. Но она была добра?

ДРУГОЙ. Она была слишком вспыльчива. В одну секунду могла перечеркнуть все, что было для нее дорого. Плохо владела собой. Однажды дала мне пощечину, когда я мешал ей поправлять прическу перед зеркалом, обняв ручонками ее колени. Мне было четыре года.

ПЕВИЦА. Потом она раскаивалась?

ДРУГОЙ. Она никогда не раскаивалась.

ПЕВИЦА. И вы помните об этой пощечине до сих пор... В ней была страсть?

ДРУГОЙ. И узкий кругозор.

ПЕВИЦА. Взрывчатая смесь. Такие женщины притягивают и пугают. Она часто меняла мужчин?

ДРУГОЙ. За ней многие ухаживали. Но замуж она так и не вышла.

ПЕВИЦА. Вас она любила?

ДРУГОЙ. Постарев, она стала мною дорожить.

ПЕВИЦА. Ведь у нее больше ничего не осталось?

ДРУГОЙ. У нее больше ничего не осталось.

ПЕВИЦА. И роли ваши поменялись?

ДРУГОЙ. Она стала потакать мне во всем. Если я приводил в дом случайную девушку, принимала ее как принцессу, — мама приоткрывала бездну тонкости и шарма, когда этого желала...

ПЕВИЦА. Вы думали о женитьбе?

ДРУГОЙ. Только однажды. Это был роман. От матери я пытался его скрывать. Разумеется, очень скоро она раскусила меня и потребовала пригласить девушку в дом. Этот вечер был незабываем. Горели свечи. Мама была обворожительна и проста. Девушка растаяла. Пили рижский бальзам, ели эклеры. Женщины ворковали, сидя от меня по левую и правую руки. Я был счастлив и вернулся домой, мама взъерошила мне волосы. У нее толстые ноги, мокрые руки, редкие волосы, нескладные уши, сказала она, к тому же девочка дурно воспитана. Но, мой мальчик, если тебе она нравится...

ПЕВИЦА. А вам девушка нравилась.

ДРУГОЙ. У нее были мягкие светло-карие глаза, застенчивая улыбка и сладкие пухлые губы, от запаха которых у меня дрожали колени и подступали слезы.

ПЕВИЦА. Но вы не женились на ней.

ДРУГОЙ. Но я на ней не женился. Как мог я променять маму на любую другую женщину!

ПЕВИЦА. Должно быть, вы искали гарантий. Только мать не могла вам изменить, не могла вас бросить. И поощряла ваши грешки. Другой такой женщины вам было не найти.

ДРУГОЙ. С мамой мы были близки.

ПЕВИЦА. Бывает ли близость без взаимного риска?

ДРУГОЙ. Мама сделала меня музыкантом.

ПЕВИЦА. Довольно того, что она вас родила.

ДРУГОЙ. Без нее я наделал бы уйму ошибок.

ПЕВИЦА. Лучше вы наделали бы их...

ОДИН (Другому). Эх вы!

ПЕВИЦА (Одному). О чем печалитесь вы?

ОДИН. Режим моего дня развален. Ритм моей жизни размазан. Приходится строить однокомнатный кооператив. Возводить заново здание привычек.

ПЕВИЦА. Вы эгоист?

ОДИН. На первое место я всегда ставил долг.

ПЕВИЦА. Перед Богом, перед людьми, перед домом?

ОДИН. Перед истиной! И моя жена до поры до времени совершенно меня понимала. Моя работа — вот что было самое важное. И для меня, и для нее.

ПЕВИЦА. Для женщины никогда не бывает самым важным работа мужчины.

ОДИН. Общая работа — вот что должно быть фундаментом.

ПЕВИЦА. Для женщины важен или сам мужчина, или те преимущества, которые он может ей доставить.

ОДИН. Она была моей дипломницей.

ПЕВИЦА. Впрочем, женщины зачастую путают одно с другим.

ОДИН. Несколько лет подряд она помогала мне во всем. Перепечатывала статьи, правила рефераты, среди ночи я делился с ней моими удачными идеями. И она никогда-никогда не хотела спать.

ПЕВИЦА. Что же было потом — у нее развилась бессонница?

ОДИН. Она стала рассеянной. Забывала посолить суп и второе? Однажды я обнаружил, что она ставит сахарницу в холодильник.

ПЕВИЦА. Вы пробовали объясниться?

ОДИН. Она заплакала.

ПЕВИЦА. А дальше?

ОДИН. Я стал замечать в ней приступы странного безразличия.

ПЕВИЦА. К вам?

ОДИН. К жизни. Она как будто охладела ко всему, что прежде ее радовало и восхищало.

ПЕВИЦА. То есть к вашим достоинствам?

ОДИН. Моя работа перестала ее интересовать.

ПЕВИЦА. Должно быть, пресытилась вашим талантом.

ОДИН. Стала во всем со мною соглашаться, когда мы были наедине. И во всем возражать, едва мы оказались на людях. А ведь прежде так заинтересовано меня слушала, так внимательно поправляла...

ПЕВИЦА. Но внимание ее притупилось.

ОДИН. Откуда-то появилось упрямство.

ПЕВИЦА. Это неизбежно появляется в женщине, когда мужчина чересчур долго полагается на свои совершенства, а не на себя самого.

ОДИН. Если я засиживался за работой, она по-прежнему заваривала для меня чай, ставила на письменный стол, подавала печенье. Но чай уже не был таким крепким как прежде.

ПЕВИЦА. Иногда вас прорывало?

ОДИН. Но она отказывалась даже от размолвок. Говорила, что у нее болит голова. Режется зуб мудрости. Отнимается левая рука.

ПЕВИЦА. Вы становились внимательнее.

ОДИН. Но таблетки из моих рук отказывалась принимать.

ПЕВИЦА. Вы стали подозревать, что она вам неверна?

ОДИН. Я никогда не сомневался в ее верности. Но мы стали отдаляться. Я стал сближаться с собакой. Она поступила в аспирантуру по смежной тематике...

ДРУГОЙ (патетически). Жена не должна быть наложницей — товарищем! (Одному). Тиран.

ОДИН (Другому). Маменькин сынок.

ДРУГОЙ. Такая терпеливая! Дайте сюда бинокль!

ОДИН. А вы дайте вашу урну.

ДРУГОЙ. Быть может, эта несчастная девушка нуждается сейчас в скорой помощи.

ОДИН. Даже выполнить последнее желание человека, который посвятил ему свою старость, и то толком не может.

Обмениваются предметами.

ПЕВИЦА. Как жаль, что у вас было так мало времени. Быть может, вы еще научились бы полагаться в жизни на собственные силы. Это избавило бы вас от многих разочарований, бедные- бедные тени!

ДРУГОЙ (глядя в бинокль в зрительный зал). Окна зашторены.

ОДИН (изучая урну). Крышка запаяна.

ДРУГОЙ. Вот вышло бы так, что я — и вдруг женился бы!

ОДИН. Был бы я единственным сыном у такой-то матери!

ДРУГОЙ. Пусть была бы моя жена совсем молодой. Занималась бы наукой, носила бы очки — это ей очень бы даже шло. Стрекотала бы себя на пишущей машинке.

ОДИН. Пусть, пусть была бы она старенькой, но мудрой и строгой! Читала бы мне вслух перед сном, а я — я обдумывал бы в это время свое, а потом посвящал бы ее во все сложности работы. Она была бы тонким ценителем, понимала бы в построениях, знала бы наизусть названия параграфов. Когда надо — мигом бы давала ссылку.

ДРУГОЙ. О! Я был бы великолепным мужем: бегал бы себе в булочную за свежим хлебом к завтраку, стоял бы в очереди за картошкой и цветной капустой; с прачечной справлялся бы играючи, сам подшивал бы метки в установленных порядком местах, таскал бы тюки в американскую химчистку.

ОДИН. С собакой бы мама общалась ровно, без срывов. Проветривала бы подстилку, не забывала бы капнуть в овсяную кашу подсолнечного масла.

ДРУГОЙ. Но если бы мне вдруг становилось грустно, уткнулся бы ей в шерстяные коленки да и поплакал бы. Было бы мне трудно — всегда есть с кем поделиться, кому пожаловаться.

ОДИН. О! Она следила бы, чтобы карандаши всегда были очинены. Чтобы в комнате не было пыли по углам. Убирая, ничего на моем столе не трогала бы: поднимет,

вытрет влажной тряпочкой и положит точно на то же место.

ДРУГОЙ. Иногда моя маленькая жена купала бы меня большого в ванне. Я был бы как ребенок, честное слово: пускал бы пузыри, шалил бы, брызгал бы в шутку пеной от шампуня и мыльной водою ей на худенькие красивые ключицы и плечи. Потом она вытрет меня, я надену халат, возьму скрипку, сыграю ей танец: раз-два-три, раз-два-три...

ОДИН. И гордилась бы законно моими успехами!

ДРУГОЙ. Была бы мне совсем как мать!

ОДИН. И никакой жены тогда не надо!

ДРУГОЙ (крутя бинокль в руках). Не умею навести на резкость.

ОДИН (возясь с урной). Можно и без перочинного ножа обойтись. (Открывает крышку.)

ДРУГОЙ. Отдайте немедленно, что вы там ковыряете.

ОДИН. Сказали бы спасибо: если бы я вам не открыл — отправились бы в колумбарий восвояси. И верните-ка мне бинокль.

ДРУГОЙ. А вы снимайте мой пиджак!

ОДИН. С удовольствием. Держите ваше тряпье. И отдавайте мне мой польский плащ.

ДРУГОЙ. Не разбейте коньяк! И не рассыпьте прах. Осторожнее же!

ОДИН. Ничего с вашим коньяком не случится...

Обмениваются, переодеваются, копошатся.

ПЕВИЦА. А ведь могли бы быть настоящими сильными полноценными мужчинами, слабые неприкаянные души!

ОБА. Могли бы...

ПЕВИЦА. Живыми, взрослыми... Вы ведь были на этой земле предназначены — делать открытия, совершать подвиги. Проникать, завоевывать, покорять, оставлять безутешными.

ОБА. Были предназначены.

ПЕВИЦА. Где же потерялись ваша ярость и ваша страсть? Куда девались размах и щедрость добывать и тратить, находить и дарить? Кто отнял у вас инициативу открывать новый свет и самим излучать?!

ОБА. Где? Кто? Куда?

ПЕВИЦА. Сильные, свободные, вы могли бы полюбить риск, удачу, опасности и славу. Научиться ненавидеть и прощать. Презирать всяческий вздор, душевную расслабленность, фальшивые чувства, расхожие мнения, правительство на худой конец. Ставить выше всего волю, талант, ум.

ОБА (аплодируют). Верно, верно...

ПЕВИЦА. Что же вам помешало? Плохое питание в детстве, убогое воображение, тлеющая тайная болезнь? Вас рано оторвали от груди, кормили искусственным молоком, ваши отцы отказались от вас в младенчестве? Что расслабило вас — приобретенная дистрофия, природный иммунодефицит? Что отняло силы — боязнь ответственности, отсутствие воспитания, незнание иностранных языков, ночные страхи, ежедневные унижения, дурное обращение в семье, плохое обучение в школе, давка в транспорте, нехватка мясных продуктов,

длинные очереди, узкие горизонты? Откуда этот душевный рахит, умственный диатез? Паралич воли, порез порыва? Как вы погибли: в результате стихийного бедствия, несчастного случая, исторического катаклизма, генетической катастрофы?

ОБА. Мы погибли?

ПЕВИЦА. Безвозвратно. И нам, остающимся пока на этой земле, нет больше на вас надежды. Вы мертвы!

ОБА. Мы мертвы?

ПЕВИЦА. Не успели пожить достойно. Умерли, не сумев!

ОБА. Умерли?!

ПЕВИЦА. Исчезли, не достигнув?

ОБА. Исчезли?!

ПЕВИЦА. Ушли в небытие, растворившись без осадка. Но кто может не пожалеть о вас! Не по своей вине и воле вы оказались покойниками. Уже в том возрасте, когда иные только приступают к борьбе...

ОДИН (глядя на Другого). Покойниками?

ДРУГОЙ (глядя на Одного). Покойниками...

ПЕВИЦА. Что ж нам пора прощаться. Скоро будет рассвет. К тому ж, признаться, я немного озябла с вами. Не хватает простудиться и заболеть... Подруга уверяла меня, что я буду разочарована. Ей, конечно, виднее. Все мужчины одинаковы, утверждает она, что мертвые, что живые. Но я не могу согласиться с нею. Вы — симпатичны, трогательны, хоть и бесплотны. Благодарю вас за урок, хотя вряд ли он мне пригодится. Спасибо, что вы явились. Быть может, когда я буду в очередной раз крутить блюдце, вызывать духов, мы еще побеседуем с вами. Дайте знать, шепните, что вы те, с кем мы повстре-

чались на крыше. А теперь, теперь вам в одну сторону — растворяться в горнем эфире, мне в другую — продолжать жить! (Шлет воздушные поцелуи, удаляется.)

ДРУГОЙ (Одному). Что это вы на меня так смотрите?

ОДИН. Как?

ДРУГОЙ. Так.

ОДИН (приближаясь к нему). Это вам кажется.

ДРУГОЙ (пугаясь). Что вам от меня нужно?

ОДИН. Ничего. Ровным счетом. (Хватает его).

ДРУГОЙ (в ужасе). Не дотрагивайтесь до меня...

Щекотно же!

ОДИН. Вам щекотно? (Вглядывается.). Не притворяйтесь. (Делает вид, что хочет спихнуть Другого вниз.)

ДРУГОЙ. А-а-а!

ОДИН. Вам страшно?

ДРУГОЙ. Очень.

ОДИН (ставя его на место). Это правда?

ДРУГОЙ. Вы с ума сошли — высота такая.

ОДИН. Значит, мне померещилось...

ДРУГОЙ. У меня, знаете ли, есть ровно столько же оснований подозревать вас.

ОДИН. Когда долго общаешься с первобытными народами, когда часто сталкиваешься с пралогическим мышлением...

ДРУГОЙ. Стыдно. Ученый называется. Антрополог.

ОДИН. Ах, не путайте Леви-Брюля с Леви-Стросом.

ДРУГОЙ. И джинсы здесь ни при чем. Я ведь тоже вас совсем не знаю. Впервые вижу. Мне тоже нужно проверить, с кем я имею дело... Правда, когда вы меня схватили, я почувствовал, какой вы теплый...

Внимательно смотрят друг на друга.

ОБА (вслед Певице). Эй! Пойдите! (Карабкаются.)

ПЕВИЦА (оборачивается). Вы еще здесь?

ОБА. Подождите же! (Хватают Певицу под руки, возвращают на авансцену.)

ПЕВИЦА. Что это значит? (Прислушивается к своим ощущениям, смотрит на Одного, на Другого, визжит так, будто наступила на крысу.)

ДРУГОЙ. Бога ради, тише!

ОДИН. Пожарники могут услышать.

ПЕВИЦА. Мне показалось...

ОБА. Что?

ПЕВИЦА. Нет, этого не может быть.

ОБА. Чего?

ПЕВИЦА. Мне померещилось, что вы... что вы — живые!

ОДИН. Как выяснилось, вполне!

ДРУГОЙ. А вы сомневались. Вот, вот... (Подпрыгивает, демонстрируя).

ПЕВИЦА. А-а-а!

ОДИН (зажимает ей рот, но тут же одергивает руку). Она меня укусила.

ДРУГОЙ (бросаясь в сторону). Это же больно!

ПЕВИЦА. Вы что — не тени?!

ОДИН. Как видите.

ПЕВИЦА. Вы — не духи?!

ДРУГОЙ. Мы люди.

ПЕВИЦА. Так вы — не умерли?!

ОДИН. Представьте себе.

ПЕВИЦА (другим тоном). Так какого же черта вы мне голову морочили? (Одному.) И руки у вас какие противные... (Вытирает рот.)

ОДИН. Но вы так кричите.

ДРУГОЙ. Живых боитесь, а не покойников, — такая пугливая наоборот!

ПЕВИЦА. Закричишь, когда среди ночи на незнакомой крыше тебя хватают посторонние живые мужчины, которые только что были совершенно бестелесны. Вас что, не учили представляться, прежде, чем обратиться к женщине?

ОДИН. Кандидат наук. Старший преподаватель. Жив. (Кланяется.)

ДРУГОЙ (одергивая пиджак). Играю на скрипке в этом самом театре. Руководжу оркестром пожарников...

ПЕВИЦА. Пожарники, преподаватели... Что ж, ничего удивительного, что вы так дурно воспитаны.

ОДИН. Но позвольте, мы вам не навязывались.

ДРУГОЙ. Вы сами нас нашли.

ПЕВИЦА. Я допустила ошибку. Совершила оплошность. Но так радоваться промаху женщины могут только люди дурного тона, плохого вкуса... Вам, по видимому, некому было внушить отвращение к излишней легкости в получении чего бы то ни было.

ОБА. О чем вы?!

ПЕВИЦА. Они еще спрашивают. И с такими мужчинами я провела почти целую ночь. (Поправляет прическу.)

ДРУГОЙ. Но кто вы?

ОДИН. Фея крыши?

ДРУГОЙ. Бывшая фея, певица крыш.

ОДИН. Красиво... Предпочитаете коротать время с тенями?

ПЕВИЦА. В их благородстве никогда не приходится сомневаться. У них там все другое, по-видимому.

ОДИН. На том свете?

ДРУГОЙ. Никогда там не был, но так наслышан.

ПЕВИЦА. Я тоже, разумеется, не была, но те, кто от туда, — много рассказывали. Там все иначе. Во всяком случае, живая нестарая женщина там ценится и окружена уважением. Не то, что у нас. Говорят, там всегда можно найти себе вполне подходящее общество. И нет этой неопрятности, этого мельтешенья: жены — любовницы, жены — любовницы. Значительно больше всяческой определенности! (Вытаскивая бумажку, Одному.) Прочтите, я без очков.

ОДИН. Что это?

ПЕВИЦА. То, что он продиктовал вчера вечером.

ОДИН (читает). Ищи на крыше.

ДРУГОЙ (беря бумажку, читает). Здесь так написано.

ПЕВИЦА. Не понимаю, как все это могло произойти. Должно быть, я ошиблась крышей... Вы здесь больше никого не видели?

ОДИН. Кого-нибудь из ваших приятелей-мертвецов?

ДРУГОЙ. Мертвецов не видели.

ОДИН. Впрочем, и из живых никого.

ДРУГОЙ. Может быть, мы как-нибудь пропустили...

ПЕВИЦА. И что я теперь расскажу подруге?! Что вместо прямого контакта, к которому я так долго готовилась, всю ночь напролет беседовала с какими-то жи-

выми кандидатами в оркестранты, а для своего меццо-сопрано так ничего и не предприняла. О, ей неинтересно слушать о забитых женах и взбалмошных матерях...

ОДИН. Не смейте отзываться дурно о моей жене. Особенно в моем присутствии.

ДРУГОЙ. Моя мама так много сделала для меня. У вас создалось о ней превратное впечатление.

ПЕВИЦА (Одному). Пардон. (Другому.) Извините. Ничего дурного я сказать не хотела.

ДРУГОЙ. Без моей мамы я, чего доброго, стал бы композитором.

ПЕВИЦА. Стали бы или не стали бы?

ДРУГОЙ. Стал бы.

ПЕВИЦА. На первый взгляд в этом нет ничего дурного.

ДРУГОЙ. Я писал бы музыку.

ПЕВИЦА. Все дело в том — какую?

ДРУГОЙ (со стоном). Противопожарную!

ПЕВИЦА. Что?

ОДИН. Какую?

ДРУГОЙ. Ах, это — долгая история.

ОДИН. Никогда о такой не слышал.

ПЕВИЦА. Расскажите покороче.

ДРУГОЙ. В детстве я, как и многие мальчишки, любил пожары, но не любил пожарников. Бывало, подожжем что-нибудь с двумя-тремя приятелями и любуемся. Угрызений совести никаких — такая была у нас страсть к примитивному нигилизму.

ОДИН. Это мне знакомо...

ДРУГОЙ. От пожарников скрывались. Однажды меня поймали, требовали выдать сообщников. Но я мол-

чал. Потом меня прорабатывали на сборе отряда за превратные понятия о чести. Вызвали маму в школу. Она вернулась расстроенная. Я подошел к ней виновато. Она посмотрела мне в глаза. Все хорошо, мой мальчик, сказала она и поцеловала меня в лоб, садись за уроки. Я окончил школу и стал студентом. Много работал, играя классику. Но не вел общественной работы. Меня записали в добровольную пожарную дружину. Я не возражал, полагая, что это не самое страшное из возможных зол. Правда, кое-кто из сокурсников стал сторониться меня, одна девушка перестала со мною дружить... Но я так и не научился вовремя подавать сигнал, выговаривать незнакомому человеку за курение в неполюженном месте.

ПЕВИЦА. А что же мама?

ДРУГОЙ. Мама полагала, что мне не нужны лишние трудности в жизни. Пусть лучше это будет добровольно, говорила она. Но самое странное было в том, что, пообщавшись с пожарниками вплотную, я стал испытывать к ним чувство симпатии. Абстрактная неприязнь еще коренилась во мне, но все чаще я ловил себя на мысли, что пожарники — люди мужественные, поставленные между мною и опасностью. Загорись мой дом — к кому мне еще обратиться! Что с того, что они мало интеллигентны и нетерпимы к чужому мнению, что вкусы их неразвиты, а сами они — чрезмерно грубы! Это мне было впору стыдиться себя рядом с ними — своего воспитания, чистых ногтей, гуманитарных предрассудков. Я казался сам себе обывателем; Симпатия порождает доверие, доверие — прямой путь к любви... Я пришел работать в театр с почетной грамотой за добро-

вольную противопожарную инициативу. Однажды меня вызвал к себе директор. Вы, конечно, знаете, начал он сразу, но чистого вдохновения не бывает. Не мне вам это объяснять. Я промолчал. Понимаете, продолжал он, что музыка не может быть нейтральной. Каждый художник решает для себя раз и навсегда: он за пожар или против пожара. Я против, пролепетал я. Отлично, сказал директор, не буду напоминать вам, что музыка нам строить и жить помогает, беречь от огня народное имущество. Ко Дню пожарника Большой противопожарный оркестр готовит новую ораторию, противопожарный Художественный театр ставит оперу. Нам тоже следует подтянуться. Выбор администрации пал на вас — вы наш молодой специалист с прекрасной характеристикой. Вы должны нам написать... Я могу, конечно, попробовать, стал было возражать я, но мои скромные силы... Нам и нужны малые формы, отрезал он.

ОДИН. И вы — написали?

ДРУГОЙ. И я написал. Я сочинил вальс. Он назывался «Деликатная спичка». Без ложной скромности скажу, что мой опус был не лишен известных методических и композиционных достоинств, но это не спасло его от успеха. На конкурсе молодых сочинителей противопожарной музыки вальс получил диплом. Комиссия по работе с молодыми талантами наградила меня похвальным листком. Министерство предложило договор и аванс. В театре мне поручили руководить оркестром пожарников на самодеятельных началах. И только моя мама... только моя мама не разделяла общего восторга. Когда она узнала о моем триумфе на конкурсе, она закрыла лицо руками. Грамоту я постеснялся ей показы-

вать. При исполнении «Деликатной спички» по радио, она выдернула вилку из розетки. Хорошо, что до этого не дожила твоя бабушка, сказала она. Однажды оно попросила сыграть ей этот самый вальс снова от начала до конца. Я повиновался. Когда я закончил, мы долго сидели молча. Наконец, она посмотрела мне в глаза, но это был не тот взгляд, каким она смотрела на меня тогда, после родительского собрания. Выбирай, сказала она, выбирай, мой мальчик, или я, или — противопожарная музыка!

ПЕВИЦА. И вы снова выбрали ее?

ДРУГОЙ. Я выбрал ее.

ОДИН (волнуясь). Как все похоже, как похоже...

ПЕВИЦА. А как же пожарный оркестр?

ДРУГОЙ. Разучиваем потихоньку Вивальди, наигрываем тайком Генделя, пробовали из-под полы Губайдулину. По большим пожарам беру у врача бюллетень. И мои пожарники, представьте, любят и уважают меня.

ПЕВИЦА. Теперь я понимаю, чем отличаются нынешние мужчины от героев древности. Тех женщины вдохновляли, этих им приходится сдерживать...

ОДИН. Со мною произошло нечто подобное!

ДРУГОЙ (Одному). С вами?! Музыка — ладно, музыка — искусство. Но наука! Наука же!..

ОДИН. И наука — тоже. Как вы уже знаете, моя специальность — антропология. После защиты кандидатской, я стал заниматься новой темой — формами семьи. Воодушевлялся идеями Эмпедокла о победе филии над нейкосом, любви над войною. Критически изучал Эл Моргана, просчитывал на ЭВМ варианты па-

рования у бугенвильских синуаи, проецировал описания синдиасмической семьи у добу у Эф Е Вильямса на современные распадающиеся браки. Изучал сексуальные табу. Я уже заканчивал свою новую работу, как мне попало на глаза одно сообщение. Речь шла о странном явлении, наблюдающемся на островах Кремадек, расположенных приблизительно в тысяче миль от Новой Зеландии. В реках этих островов обитает уникальная рыба. Называется она — черный гупер. Замечательно она тем, что особи — меняю свой пол, причем самки — превращаются в самцов! (Смотрит на Певицу, на Другого).

ДРУГОЙ. Я внимательно слушаю.

ПЕВИЦА. Что же дальше?

ОДИН. Люди далекие от науки, конечно, не могут оценить всей фантастической важности этого открытия новозеландских зоологов. Да и я быть может, прошел бы мимо, если б буквально через несколько дней не прочел в одном нашем тонком журнале о чрезвычайном происшествии, случившемся в одном из городов нашей Средней полосы. Некий молодой человек, вагеновожатый по специальности, но это к слову, отобедал у пожилой четы своих дальних родственников. Во время обеда не наблюдалось ничего необычного, говорили, как водится, об искусстве, о новых романах Набокова и Белова, о нехватке продовольствия, но это тоже в скобках. Через несколько дней молодой вагеновожатый почувствовал сильные рези в животе. Он обратился к врачам. Диагноз был единодушным...

ДРУГОЙ. Не может этого быть.

ОДИН. Да! Юноша оказался беремен! В его брюшной полости развивался плод.

ПЕВИЦА. Надо же.

ОДИН. Он был прооперирован, операция прошла благополучно, но для меня был важен сам факт! Между этими двумя разрозненными сообщениями я увидел несомненную связь.

ДРУГОЙ. Вы нас не разыгрываете?

ОДИН. Явление патогенеза у человека известно науке давно. Мифы древних народов кишмя кишат такого рода описаниями. Напомню только программный пример рождения Афины из головы Зевса. Что же касается случая, описанного в журнале, ни аборигены Австралии, ни папуасы Гвинеи, ни индейцы обеих Америк, узнав о нем ни на секунду бы не удивились — в отличие от нас, испорченных поголовной грамотностью. Более того, в развитых странах все большее число мужчин не желает больше оставаться мужчинами — они хотят беременеть, вынашивать, рожать. Все большее количество женщин не желают дольше оставаться женщинами. Они не без оснований утверждают, что оказались заточены в женскую оболочку по ошибке. Они мечтают проникать, раздвигать, внедряться и оплодотворять!

ПЕВИЦА. Это уже патология.

ДРУГОЙ. Но с другой стороны забеременеть — это ведь по-своему весьма заманчиво.

ОДИН (все более одушевляясь). Факты накапливались! Мысли роились! Я подошел к вопросу со всей возможной скрупулезностью. Ни одно из общепринятых объяснений не удовлетворяло всей сумме данных. Гипотеза росла неумолимо! Зоология, мифология, дан-

ные современной медицины, этнография и социология, второе начало термодинамики, наконец, — все подтверждало единственно возможный вывод — никаких полов нет и никогда не было в природе!

ДРУГОЙ. То есть как?

ПЕВИЦА. Я тоже что-то не очень вас понимаю?

ОДИН (торжествующе). Во всех космогониях сотворение мира — бесполо! Условное разделение на два начала произошло сравнительно недавно — по геологическим масштабам. Должно быть, имела место какая-то глобальная мутация, позволившая компенсировать временную нехватку на Земле биологического материала. Судя по всему, имел место своего рода фазовый переход из одного состояния биосферы в другое. Он характеризовался случайной дифференциацией полов, условным разделением живого на мужское и женское. Но нам — нам посчастливилось стать свидетелями того, как это случайное отклонение было погашено. Мы подошли к черте нового равновесия. Конечно, случаются еще флуктуации, сексуальные рецидивы, но это не должно вводить в заблуждение — мы на пороге новой эры! (Замечая кислое выражение на лицах собеседников.) Конечно, нелегко расставаться со стереотипами...

ДРУГОЙ. Я только хочу спросить?

ОДИН. Спрашивайте.

ДРУГОЙ. Задать один вопрос.

ОДИН. Задавайте.

ДРУГОЙ. По вашей... вашей гипотезе получается, что моя мама была... мама была мужчиной?

ОДИН. Разумеется! То, что мы подразумеваем под полами, лишь чисто социологический эффект, своего

рода общественный договор, подобно распределению ролей в театре. Человек же сам по себе — не мужчина и не женщина. Свой пол, отбросив предрассудки, он может выбирать свободно, ад либитум. Оглянитесь вокруг: грани между полами давно отсутствуют. Внешние атрибуты кокетства давно стали общими. Люди равны на производстве и дома. Заработная плата у всех одинакова. Половые признаки все меньше бросаются в глаза — даже на пляже. Давно невозможно сказать: кто у кого берет, кто кому дает...

ДРУГОЙ. И все-таки богатых женщин у нас отчего-то значительно больше, чем состоятельных мужчин.

ПЕВИЦА. Моя подруга так и говорит: невозможно найти приличного покровителя. Отдельно надо дружить за автосервис, отдельно за зубопротезирование. Отдельно в столе заказов. (Одному.) Что по этому поводу думает ваша жена?

ОДИН. Теперь все будут согласно твоей гипотезе мыться в одной бане, говорит она и плачет. Далась ей эта баня, она всегда жила с собственной ванной. Я призывал ее мыслить научно, но она не в силах была абстрагироваться. Я прибежал даже к метафизике в попытках ее убедить: души-то наши, говорил я, души-то наши бесполы! Если твоя гипотеза получит статус теории, не унималась она, нам придется с тобой развестись!

ДРУГОЙ. И вы развелись?

ОДИН. Собрал свои бумаги и ушел. На кухню...

ДРУГОЙ. Но зачем, если!.. Впрочем, конечно, так тоже — неловко...

ОДИН. Ушел на кухню к приятелю. Но я не рассказал самое главное: моя жена оказалась во многом права!

ПЕВИЦА. Это касается совместных бань?

ОДИН. Несколько дней назад меня вызывает к себе директор...

ДРУГОЙ. И вас — тоже.

ОДИН. Директор института, где я работаю — академик, патриарх, вице-президент, почетный председатель, в прошлом весьма вальяжный мужчина с мировым именем, с большим весом... Едва я переступил порог его кабинета, как он сам, без посторонней помощи поднялся мне навстречу, подошел, шаркая по ковру и — обнял меня!.. Это все равно... все равно, как если бы его (Показывает на Другого.) при всех поцеловал взапас... Исаак Дунаевский!

ДРУГОЙ. Если бы ни мама, мне бы этого не избежать.

ОДИН. Милый вы мой, сказал академик, вот вы, оказывается, какой! Он отступил на шаг и продолжал: я ознакомился с вашей гипотезой. Дерзко, остроумно, мне и самому в последнее время нет-нет да приходило в голову нечто подобное... Я насторожился. Конечно, гипотеза еще требует проверки, но данные убедительные. Знаете что, посмотрел он на меня хитро, подготовьте-ка мне небольшое сообщение — для международного симпозиума в Баден-Бадене. Какова тема симпозиума, осмелился спросить я. Борьба за мир, милый мой, борьба за мир. И, заметив, должно быть, мое изумленное лицо, усмехнулся: какая наивная и чистая в нашей науке все-таки молодежь! И снисошел: вам не-

ясна связь этой теории с политикой разрядки? Забыли, в какое историческое время мы живем? Поверьте мне — за рубежом наша идея, — он уже так и сказал — «наша идея» — пойдет под аплодисменты. Вообразите: борьба за мир между полами! Сексуальный детант, каково?! И, он подмигнул мне — да-да, он мне подмигнул! Но и в области внутренней политики, дорогой вы мой, мы с вами еще поработаем. Интеграция полов, что может быть для нас своевременнее. Дальнейшее стирание граней, преодоление различий! Уже в самом недалеком будущем — а времени ждать у нас нет — мы сможем отменить отжившие ограничения, отправить на свалку устаревший и громоздкий институт зачатия. Все во имя человека! Каждый у нас в стране станет сам ячейкой общества, сам, а не попарно, как было до этого. А каков будет экономический эффект! Представьте: ни ветренности, ни верности! Место любви занимает гибкая система воспитания! Половую инициативу молодежи — на цели производства! Эрекцию объявим вне закона! Половое ухаживание будет выглядеть просто бестактно! Твердость отменим, оставим лишь градации от желе до плавленого сыра! Чувственную предприимчивость заменим общественной работой! Все люди — братья! Или сестры. Милосердия... Он покраснел от энтузиазма и даже распустил галстук. Вам открывается блестящая карьера, так что, подумайте над моим предложением. Вы въедете в Академию на белом коне с такими сильными идеями!.. (Помолчав.) На кухне приятеля я вспоминал имена тех, кто успел увидеть свои идеи реализованными на практике. Они прикрывали глаза и качали головами. Я две ночи не спал. Вчера я сжег все

свои материалы и оттиск последней статьи. Написал в журнал, чтобы остановили очередную публикацию. Потом взял бинокль... и вот я — здесь...

ДРУГОЙ. Невероятно.

ПЕВИЦА. Не скрою, я тоже чувствую себя взволнованной.

ОДИН (скромно). На моем месте так поступил бы любой местный ученый.

ДРУГОЙ. Ах, вы и не представляете, что вы для меня сделали. Теперь мне вся моя жизнь представляется в новом свете. В лучшем виде.

ПЕВИЦА. Если бы не губная помада — я бы вас расцеловала.

ДРУГОЙ. Всегда мучило, всегда смущало, что женщины — иные, не похожи на нас. Оказывается — такие же! Просто они выбрали ту роль, а я — эту. И ведь при желании всегда можно поменяться, разве не так?

ОДИН. Не следует понимать меня чересчур буквально. До полной амбивалентности того, что мы сейчас называем полами, еще далеко. Есть множество социальных препятствий: традиции, предрассудки. С теорией надо обращаться осторожно. Недаром моя жена предупреждала меня: не выпускай, говорила она, этого джина из бутылки прежде времени...

ПЕВИЦА. Теперь-то вы сами поняли, что из ваших фантазий могло бы получиться... Вне закона — ишь чего захотел!

ДРУГОЙ. Мама одна мне заменила мне и мать, и отца. Да и я сам с детства хотел быть самому себе то братишкой, то сестренкой.

ОДИН. Пожалуй, я поторопился со своим открытием. Забежал вперед, родился слишком рано. Время еще не пришло...

ДРУГОЙ. Да что вы, голубчик, не сомневайтесь, не мучайте себя понапрасну — как раз вовремя! Вас и впредь будут пытаться сбить с толку, извратить высокие идеи, упростить, опошлить, но вы не должны сдаваться. Ни шагу назад! Вы обязаны выстоять. Как Джордано Бруно! Я человек искусства, я далек от науки, но и я понимаю, как не просто в наше время бывает пробиться истине. Вот хоть вопрос о происхождении видов. Ведь до сих пор кое-кто не может примириться с нашим происхождением от обезьяны, хоть это так очевидно!

ПЕВИЦА (Одному). Не расстраивайтесь из-за пустяков. Смотрите-ка лучше — уже светает.

ОДИН (замкнуто). Это не пустяки.

ПЕВИЦА. Конечно, конечно, я ценю эту мужскую приверженность к абстрактным идеям и разглагольствованию...

ОДИН (упрямо). Это — наука. Ее живое движение.

ПЕВИЦА. Мужчины — дети, они готовы в любой момент поменять подлинный мир на ярко раскрашенные игрушки...

ОДИН. И когда дело идет об истине, я попросил бы вас...

ПЕВИЦА. Вы серьезно?

ОДИН (очень гордо). Да!

ПЕВИЦА. Вы что же, продолжаете верить в то, что вы здесь нам наговорили? Вы всерьез пытаетесь меня убедить, что за всю мою жизнь ни с одним настоящим стопроцентным мужчиной я не была... знакома?!. Это

уж слишком. Тысячелетиями женщины, от Федры до Катерины Измайловой, мучились из-за всего этого, мучились и погибали, но стоило какой-то там паршивой рыбке превратиться в самца, как все, оказывается, стало напрасным! Ну, уж нет, милые, так дешево вам не отделаться!

ОДИН. Факты — упрямая вещь.

ДРУГОЙ. Вот именно.

ПЕВИЦА. Нет, вы только послушайте — что они говорят! Факты! А что дети рождаются — это не факты?!

ОДИН. Клептогамия.

ПЕВИЦА. А это... а это вот — тоже не факты?!

ДРУГОЙ. Атавизм.

ПЕВИЦА. А любовь? А любовь, наконец, — это вам тоже ни о чем не говорит, это тоже вас не убеждает?!

ОДИН. И это — бездоказательно.

ДРУГОЙ. Абсолютно. Если говорить о любви между полами.

ПЕВИЦА. Ах, если бы мой голос вернулся ко мне хоть на мгновение. Я спела бы вам, и вам пришлось бы согласиться — мужчины мужчинами, а только женщина может петь золотым голосом про розу и взор. (Безутешно пытается взять ноту; безутешно). Вот и наказание. За то, что никогда не знала: дар ли был дан в награду за любовь, любовь ли следует принести в жертву моему дару. Скольких любящих я прогнала от себя в угоду собственному таланту, и это мне не простилось. И моего пианиста, что дарил мне такие подарки, хоть во все не был богат; и того, губастого, нежного, как теленок; и третьего, что играл на ударных, а руки были, как у скрипача... Но с каждым годом и с каждым прощанием

берега расходились все шире. И вот я осталась ни с чем, как видите — только немота и только воспоминания. И мне нечем вас убедить...

ДРУГОЙ. А ведь ветерок, кажется. (Одному). Вы не чувствуете?

ОДИН (вглядываясь в зал). Подождите. (Настраивает бинокль.)

ПЕВИЦА. Но взгляните на мир вокруг — он не изменится ни от каких теорий! По-прежнему светает точно так, как когда я была влюблена впервые, пахнет весной так же, как во времена моего раннего лауреатства на фестивале молодежи и студентов... И так же, как прежде, публика жаждет крови. Кровь хочет музыки. А музыка — музыка требует любви. Как хорошо я теперь это понимаю.

ДРУГОЙ. Дует! Совершенно определенно дует.

ОДИН. Она вышла. Она вышла с ним!

ДРУГОЙ.. Теперь только не пропустит бы!.. Нет-нет, я сам, не надо меня держать... (Прилаживается с урной на краю крыши.)

ОДИН (кричит в зал). Не тяни, не тяни же за поводок, пусть подольше подержит лапу!

ДРУГОЙ (сыплет прах в партер). Прощай, мама!

ПЕВИЦА. Что ж, приду домой, положу перед собою на стол блюдце, расскажу подруге о том, в чем пришлось и на этот раз убедиться. Пожалуй, она будет смеяться надо мною. Да, она определенно будет смеяться...

ОДИН (бодро, удовлетворенно). Что, подруга живет с вами?

ПЕВИЦА. Слово «живет» здесь не совсем подходит.

ДРУГОЙ (закрывая крышку). Как вас прикажете понимать?

ПЕВИЦА. Моя подруга давно умерла!

ОДИН (переглянувшись с Другим). Позвольте, но вы нам так много про нее рассказывали...

ПЕВИЦА. Погибла. Как-то раз слишком сильно нажала на акселератор.

ДРУГОЙ. Должно быть, вы ее до сих пор хорошо помните.

ПЕВИЦА. Я никогда не видела ее.

ОБА. Не видели?!

ПЕВИЦА. Ну да, мы познакомились во время спиритического сеанса. Я крутила блюдце, а она — она посетила меня случайно. Мы разговорились. Завязалась дружба. Мы сблизились... Что вас так удивляет?

ДРУГОЙ. Нет-нет, ничего. Завязалась, понимаю.

ОДИН. Ведь вы и нас сначала того... приняли...

ПЕВИЦА. Ночью, как говорится, все кошки серы. Простите.

ДРУГОЙ. Кошки?

ОДИН (подмигивая Другому). Ну, конечно. Пустяки. Мы понимаем... А вот интересно, как вы... как вам это удастся?

ПЕВИЦА. Вы меня разыгрываете оба? Или вы и впрямь никогда не были на спиритическом сеансе?

ДРУГОЙ. Я не был.

ОДИН. Я признаться тоже. И вы, значит, вот так, за просто общаетесь с духами.

ПЕВИЦА. Если б не они — с кем бы я общалась, интересно. Я бы умерла от скуки! Мой старинный друг — о нем я вам уж говорила — пианист, в его подарках была

всегда бездна вкуса. И как одевался! Настоящий денди! Худощав, высок, строен, едва показывался на сцене — в зале будто тянуло французскими духами. Такую элегантность дает только порода...

Пока певица говорит, в глубине сцены на возвышении высвечивается маленькая эстрада. Свет падает на раскрытый рояль.

... И он был маэстро. Его внешность, его строгая сосредоточенная жизнь, его музыка были неразделимы.

ДРУГОЙ. И он умер?

ПЕВИЦА. Сердце... (Машет рукою невидимому пианисту.) Здравствуй, мой дорогой! (Задумывается.) А другой был — совершенный босяк. Напивался, лез к чужим женам, бывал невыносим, то и дело норовил затеять драку с мужчинами, — но я никогда не сердилась на него. Я одна понимала, какой он в сущности ребенок. Что играет он — в самого себя, в такого, каким хотели бы видеть его те, кто завидовал его дару: пьяным, глупым, пустым, некрасивым. Впрочем, красавцем он и не был, но нежным был, как теленок, губастым, маленьким. Но когда он играл сразу на двух саксофонах...

Видны становятся и духовые инструменты.

Отбивая такт ногою, когда он играл, женщины в зале стонали и царапали ручки кресел. Он выдувал из своих инструментов немислимые звуки, но внешний грубый мир был ему не по силам...

ОДИН. Как умер он?

ПЕВИЦА. Тоже сердце. (Опять машет рукою.) Третий? У него были тонкие руки, и в нем была странность: затворник, флегматик, он выбрал себе инструмент, требующий наибольших физических сил. А ведь мог играть на чем угодно. В детстве, рассказывал, он был аритмичен, и сам постепенно воспитал свои неумолимые, свои виртуозные ритмы. Хрупкий и артистичный, он эпатировал слушателей страшным стуком своих барабанов, дерзким звоном своих тарелок, колокольчиками и бубенцами, лязганьем труб, утюгов и обрезков рельсов. Его утонченность позволяла ему в музыке бывать и браваурным, но только знатоки понимали, что стоит за его какофонией! Комнатность и внешний блеск, философичность и ритм, потаенность и страсть к сцене... Как дела, милый?.. (Машет рукой.) Тоже сердце.

Видна и ударная установка.

ДРУГОЙ. Вы кого-нибудь видите?

ОДИН. Нет, разумеется. (Певице.) Вы нарочно морочите нас. Или вы впрямь...

ПЕВИЦА. Тише, тише!

И раздаются звуки джаза.

ДРУГОЙ (зачарованно). Они играют! Вы слышите? Никогда бы не поверил, но я — слышу.

ОДИН. Кажется, и я...

ПЕВИЦА. Я помню их, и они играют! (Исчезают.)

Один и Другой какое-то время слушают молча.

ДРУГОЙ. Знаете, я, пожалуй, все-таки возьму вашего щенка.

ОДИН. Нынче родственные связи через собак подчас крепче, чем по крови.

ДРУГОЙ. Возьму, хоть вы и не советуете, лучше девочку. А как подрастет — выдам замуж за вашего пса.

ОДИН. У собак это называется инбридинг.

ДРУГОЙ. Вы сказали — винд-серфинг?

ОДИН. А у людей инцест.

ДРУГОЙ. Спорт молодых! Вот и совсем рассвело.

ОДИН. Кажется, птицы запели.

ДРУГОЙ. Кто бы мог еще вчера подумать, что придет эдакая свежесть...

ОДИН. Где-то у вас есть коньяк?

ДРУГОЙ. Конечно, как же я забыл! (Извлекает бутылку.) Теперь нам о пожарниках беспокоиться нечего...

ОДИН (берет у него бутылку). Я открою. Помянем вашу матушку.

ДРУГОЙ. За здоровье вашей жены. У вас все наладится.

ОДИН. Вы думаете?

ДРУГОЙ. Уверен.

ОДИН. За здоровье живых!

ДРУГОЙ. И за тех, за других.

ОДИН. И за них, и за нас. (Показывает в сторону эстрады.)

ДРУГОЙ. И за голос.

ОДИН. Да-да, за голос!.. Пейте вы!

ДРУГОЙ. Нет-нет, вы первый.

ОДИН. Не заставляйте себя уговаривать...

ДРУГОЙ. Я вас прошу...

Они препираются, и встает солнце. Джаз звучит.
Крыша прекрасна... И пока музыка играет — комедия не кончается.

1989

СТИХИЯ ВОЗДУХА, или ПОСЛЕДНИЙ ТЕАТР

цирковая комедия в 5-ти сценах

Посвящается львовскому театру «Гаудеамус»

ЛИЦА И ФИГУРЫ

ИЛЛЮЗИОНИСТ

ДИРЕКТОР

МАРИАННА

МАРИНА

ИРИНА, ее сестра

ЯСНОВИДЯЩАЯ

бывшая ЖЕНА Иллюзиониста

КЛОУН

ВРАЧ

Без слов: другие клоуны, униформисты, ПЕТУХ,
прочие фигуры – на усмотрение театра

За кулисами и на арене старого шапито.

Примечание автора: выбор цирковых номеров, которые разыгрываются на арене, остается на совести театра. Мы приводим лишь текст собственно драматический.

I.

Сцена в беспорядке, везде следы запущения – паутина, пыль, патина. Купол шапито в прорехах и заплатах. Театральные костюмы действующих лиц — подстать. Кроме того, во всем есть неуловимый привкус провинциальной старомодности.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (только что отыграв номер, за ширмой, где стоит гримерный столик с зеркалом, его кресло, пара стульев). Ну вот, на этот раз я вполне прилично ее распилил. Точно пополам. Но вспомнит ли об этом хоть кто-нибудь после моей смерти? (Расстегивает ворот). Душно.

ДИРЕКТОР. Я на твоём месте волновался бы, как получить гонорар при жизни.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Но ведь теперь мы — богаты!

ДИРЕКТОР. Без пяти минут. Вернее сказать, без пятнадцати.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не зря же они арендовали для нас это шапито. И платят всем нам зарплату вот уже третий месяц.

ДИРЕКТОР. Для них все эти траты – все равно как для нас для каждого выпить по глотку боржоми. Только освежает.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не скажи. Такие люди на ветер денег не бросают. Кажется, во время моего номера в зале негромко аплодировали. Ты не слышал?

ДИРЕКТОР. Ты так громко пилил.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Нужно поторопиться успеть показать им все, что мы приготовили. Они люди занятые, у них время — деньги... Как там?

ДИРЕКТОР(выглядывая на арену). Готовят реквизит для твоего следующего выхода.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Главное, я чувствую,— им нравится. Мой азарт заражает их. А уж если они раскошелятся — вот тогда уж мы мигом избавимся от всего этого хлама. (Мечтательно) Для нашего нового театра первым делом мне понадобится — скала!

ДИРЕКТОР. Все зависит от того, из какого она материала. Если это будет крашенный пенопласт...

ИЛЛЮЗИОНИСТ (не слушая, все более горячась). Скала будет закрывать адову пасть, куда устремляется челнок Харона. Над ней — расписной деревянный свод с небольшим окошком, ведущим прямо в рай.

ДИРЕКТОР. Что касается меня, боюсь — мне туда попасть уже не грозит.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Для дебюта понадобится немного. Две головы Цербера, райские яблоки, лестница на небо, пара красных шелковых перчаток, папская митра, большая лошадь с ногами...

ДИРЕКТОР. Петух у нас уже есть.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Дюжина бисквитных пирожных, город Рим, лавровое дерево, три больших креста, золотое руно, пара виселиц, котел для Жида, чучело змея-искусителя, душегрейка для Евы,

костюм привидения, четыре шляпы испанских донов, несколько шпаг, три апельсина, колпак с бубенцами, морская пиратская

пушка и ярко-зеленая мантия — для Марианны!

ДИРЕКТОР. Были бы деньги — достать и прежде было можно все что нужно. Впрочем, у каждого времени — свой дефицит. Марлевый сачок для ловли бабочек, о котором ты меня так просил, не поверишь, мне так и не удалось приобрести.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (волнуясь). Что ты, сачок нужен непременно. Сачок нужен обязательно.

ДИРЕКТОР. Я не спрашиваю — зачем. Но ты же знаешь, если ты попросишь балалаечника, исполнителя семь-сорок, — я его найду такого балалаечника. Если тебе понадобится дрессировщик мелких шмыгающих животных — пожалуйста. Могу привести тебе баскетбольную команду лилипутов. Но сачков больше нет! Разрежь меня пополам, как ее, но сачков они больше не выпускают. Говорят, экологическая мера. Подумать только, тебя могут в любой день зарезать за любым углом за две копейки, и это никого не волнует. А бабочку им, конечно, жалко. И теперь какой-нибудь маленький малыш не может вдоволь погоняться за насекомым с простым марлевым сачком... Зато удалось достать одиннадцать балетных пачек.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Тоже пригодятся.

ДИРЕКТОР. Шесть голубых и пять серебряных.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Хорошая гамма.

ДИРЕКТОР. Пачки, правда, были в употреблении.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Гм?

ДИРЕКТОР. Но ведь надевать их будут тоже не ангелы. Кстати, кто такая Марианна?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Марианна?

ДИРЕКТОР. Ты намереваешься взять новую артистку? Сейчас это никак невозможно. Или это такая роль?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. И роль тоже... Слышишь, мне кажется— они кашляют (показывает в зал). Им не терпится увидеть мой следующий номер.

ДИРЕКТОР. Это наш Клоун. Ты же знаешь, если он не пьет дня два – так сразу и простужается.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. В новом театре мы с этим покончим раз и навсегда. Вот увидишь, помяни мое слово... Выгляни все-таки — что там происходит?

ДИРЕКТОР (выглядывая за ширму). Кажется, все готово.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Скажи, ни пуха... Как когда-то, помнишь, перед экзаменом в институте.

ДИРЕКТОР. Ни пуха.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. К черту! Посмотри, я ничего не забыл? Все нормально.

ДИРЕКТОР. Застегни верхнюю пуговицу.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (поспешно, как мальчик, застегиваясь). Да, кстати, не забудь про занавес.

ДИРЕКТОР. Занавес мог бы и подождать.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Театр начинается с занавеса. С покровы, с тайны... (Уходит на арену).

II

На арене идет номер – это может быть манипуляция без слов,— важно, что звучит только музыка. За ширмой появляется МАРИАННА. ДИРЕКТОР не замечает ее.

ДИРЕКТОР (в зал). А как все было запросто в прежние времена. Как роскошно и беспечно мы существовали, вы не поверите. Наш ансамбль скоморошьего танца работал от филармонии, а это все равно, как у Христа за пазухой. Одни удачные гастроли – и можно было жить безбедно целый год, не считая никакие эти копейки. А если деньги все-таки кончались – мы находили другую работу, как вы думаете. (Видит МАРИАННУ, обращаясь к ней). Какие мы с ним (указывает за ширму на арену) устраивали фейерверки, когда были молоды. Какие задавали гала-концерты. Дворцы спорта рушились от наших хит-парадов. Какое сборное варьете в Мацесте! Какой парад физкультурников в Доме металлурга в Усть-Каменогорске! Какая церемония открытия съезда медицинских работников в Бердичеве! Я плюнул бы в лицо человеку, который сказал бы мне тогда, что на старости лет я буду заниматься всеми этими фокусами... А тут еще — новый театр. Он говорит, будто этот театр — сказка всей его жизни! Это тогда была не жизнь, а сказка, скажу я. Что верно то верно. А с этим делом мы еще намучаемся, помяните мое слово. Это дело принесет нам навар от яиц и много головной боли. Но мы с ним столько лет работали вместе, что разве я могу отказаться и бросить его, как вы думаете?

МАРИАННА. Отказаться никак нельзя.

ДИРЕКТОР. А о чем я вам говорю... Но вы, собственно, по какому делу? Предупреждаю сразу: если вы актриса, у нас для вас ничего нет. У нас пока ничего нет даже для самих себя.

МАРИАННА. Я – Марианна.

ДИРЕКТОР. Кто?

МАРИАННА. Марианна. Так меня зовут.

ДИРЕКТОР. Постойте, я где-то слышал ваше имя.

Это вам

нужна ярко-зеленая мантия? Позвольте полюбопытствовать, зачем она вам понадобилась? (Разглядывая ее, с сожалением). Вы, наверное, работали в каком-нибудь маленьком заштатном театре на выходах. А потом вас увидел на сцене какой-нибудь командировочный зритель. И привез сюда, потому что по глупости своей всегда мечтал иметь в женах актрису. И вот теперь вы живете в коммунальной квартире с печным отоплением, в комнате с окном на кирпичную стену...

МАРИАННА. Я не замужем.

ДИРЕКТОР. Тише! (Прислушивается, потому что все смолкло, и на арене царит гробовая тишина). Кажется, он закончил. Но что-то я совсем не слышу овации.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (когда он появляется, видно что ему не по себе). Они мне делали ободряющие знаки. Правда, они сидят так высоко, что в потемках толком ничего не разберешь. Я даже не знаю – сколько их.

ДИРЕКТОР. Думаю, не слишком уж так много. Но какое это имеет значение, сколько человек отдадут тебе свои деньги: много по чуть-чуть или один, но сразу.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (усаживаясь в кресло). Не хватает воздуха. (Видит Марианну). Кто это?

ДИРЕКТОР. Разве вы не знакомы?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не припоминаю.

МАРИАННА. Я — Марианна.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (вглядываясь). Какое светлое лицо...Теперь редко встретишь такие лица.

ДИРЕКТОР. Наверное, все дело в скверном воздухе, нерегулярном питании, постоянном стрессе. Конечно, я сужу по себе...

МАРИАННА (Иллюзионисту). Я пришла.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (про себя). Чистый лоб, как у ангела...

Входит ИРИНА.

(Рассеянно, не отрывая глаз от Марианны). Здравствуй, Мариночка.

ДИРЕКТОР (ворчливо). Это Ирина. Когда ты, наконец, научишься их различать.

ИРИНА (Директору). Вечно вы лезете не в свое дело.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А зачем, скажи на милость, мне их различать. Это было бы так скучно. К тому ж, создало бы массу неудобств. Знаю по опыту: основное препятствие на пути к личному счастью – придавать слишком большое значение различиям между женщинами.

ДИРЕКТОР. Их нельзя перепутать даже с галерки.

ИРИНА. Мы близнецы!

ДИРЕКТОР. Я должен кое за чем проследить. Кое о чем справиться. Извините.(Уходит).

ИРИНА. Старая калоша.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Потихе, деточка, он всего на два года старше меня. Впрочем, и мне уже за пятьдесят.

ИРИНА. Ты – другое дело, папуля.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А где сестрица?

ИРИНА. Сам велел нам не болтаться вместе по театру без надобности.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Иногда я по трое суток вижу вас только порознь: то одну, то другую. Или каждый день вы подменяетесь, а мне не говорите?

ИРИНА. Как ты мог такое подумать!

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Вы же с малых лет бегали по очереди на свидание к одному и тому же любовнику. А тот ничего не замечал.

ИРИНА. Вовсе не с малых. И вообще я никогда ничего подобного тебе не говорила.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Быть может, говорила сестра.

ИРИНА. Ты несносный. Нам так с тобой трудно.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Впрочем, когда вы вместе, вы норовите и в постель забраться на пару.

ИРИНА. Но тебе же это так нравится.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Когда работаешь по двадцать пять часов в сутки, иногда хочется и выспаться. Одному.

ИРИНА. Мы все-таки родные сестры!

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А как заснуть, когда по тебе все время ползают и хихикают... (Спохватываясь, Марианне). Нет-нет, не уходите!

ИРИНА (Марианне). А вам что здесь надо? Вы же видите – он занят.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я вас не познакомил. Это Марина. Или Ирина, точно не знаю, но это и не важно. А это – Марианна!

ИРИНА. Ну и что?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Разве ты не видишь?

ИРИНА. Смазливая.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. И больше ничего?

ИРИНА. Это что – пополнение труппы? Нас двоих с сестрой тебе уже мало? И чем она займется в свобод-

ное от койки время? Будет глотать шпаги? Или дрессировать крокодилов?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Посмотрим, посмотрим...

ИРИНА. Все, с меня хватит. Надеюсь, сегодня я тебе больше не нужна? Приятно порепетировать. (Выскакивает, пытаюсь хлопнуть дверью, которой нет).

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Чем больше даешь женщине на карманные расходы, тем громче она хлопает дверью, не замечали? Впрочем, о чем я. Дайте руку.

МАРИАННА, поколебавшись, протягивает руку.

Какие горячие пальцы. И какие свежие глаза. Вас что, никогда не толкали в транспорте?

МАРИАННА. Бывало.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не обманывали и не бросали...

МАРИАННА. Если честно, то и это было.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Среди наших тусклых лиц – такой свет. Мне очень нужно, чтобы в моем театре была девушка с такой хорошей улыбкой.

МАРИАННА. Чтобы была Марианна.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Вот только труппы пока еще никакой нет. Собственно, и театра еще нет. Но он будет совсем скоро. И тогда...

МАРИАННА. Конечно, он будет. Совсем скоро.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Но это будет не совсем обычный театр. Для такого театра даже у греков не нашлось своей Музы. А это был предусмотрительный и дотошный народ — древние греки. Нашему театру нужна особая Муза — Муза гистрионов и клоунов, чревовещателей и гадалок. Так сказать, десятая незаконная дочь Мнемо-

зины. Ей не пойдут какие-нибудь там флейта, свирель, посох, лира, небесный глобус, свиток, палица, перо, даже маска или бубен. Нет, она должна держать в руках – сачок!

МАРИАННА. Сачок?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Да, марлевый сачок на длинной палке, какими ловят бабочек. Это — символ уловления в сети нашего искусства зевак и мечтателей. Ведь не критики, а именно праздные зеваки — самые чуткие и благодарные зрители.

МАРИАННА. И на плечах у этой Музы должна быть ярко-зеленая мантия...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Верно, ярко-зеленая, как вы угадали! А на голове шутовской колпак с колокольчиками. И на ногах никак не котурны, нет-нет, — ей придется ходить босиком...

МАРИАННА. Я согласна.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Согласны? Согласны ходить босиком?

МАРИАННА. Конечно.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Но это не всегда удобно — в нашем климате. К тому же, на голове придется носить не изящную шляпу, но дурацкий колпак с бубенцами.

МАРИАННА. Я никогда не ношу шляп.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Да, чуть не забыл. В руках ведь вам придется носить тоже не театральную сумочку, и даже не букет незабудок, но марлевый сачок на длинной палке.

МАРИАННА. Но у меня ведь будет еще и мантия.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. К тому же, придется оставить все и жить только одним своим театром

МАРИАННА. Я мечтаю о таком театре.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. И никогда не пожалеете, что не сделали богатой?

МАРИТАННА. Нет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ведь придется играть на площадях, бродить по дорогам, спать под открытым небом...

МАРИАННА. Мантия — вполне удобный наряд для дороги.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Что ж, значит — добро пожаловать!

ИЛЛЮЗИОНИСТ берет МАРИАННУ за руку и они выходят на арену.

III

Появляется ЯСНОВИДЯЩАЯ. Озирается, потом устраивается в кресле перед гримерным столиком. Прихорашивается перед зеркалом. Входит ДИРЕКТОР.

ДИРЕКТОР. Я проверил. Сидит. Сопит, почему-то. Что ж, смотреть цирковое представление — тоже такая работа. (Видит Ясновидящую). Еще одна?

ЯСНОВИДЯЩАЯ (не без высокомерия). Что значит — еще одна?

ДИРЕКТОР. Что же будет, когда мы вслух объявим набор — это же страшно представить. Они же повалят, как когда-то за импортными сапогами.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Вы — директор. Не отвечайте, я — вижу! Говорю вам сразу — мне не нужна зарплата. Мне, если хотите знать, хватает моей пенсии.

ДИРЕКТОР. Вы хорошо сохранились для пенсионного возраста.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Оставьте эти глупости, я устала от этих пошлых комплиментов.

ДИРЕКТОР. Мне до пенсии еще почти восемь лет, но, боюсь, я выгляжу значительно хуже.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Он сравнивает. Я – травести. Мы выходим на пенсию, как в балете. О, мужчины не знают, как это трудно – быть красивой молодой женщиной.

ДИРЕКТОР(вежливо). Подумать только. С кем же приключилась такая беда?.. Впрочем, вы замечательно ведете переговоры. Этой красивой женщине не нужна зарплата, вы такое когда-нибудь видели? Я – нет. Я всегда видел только таких людей, которые, наоборот, — еще ничего не сделали, но уже хотят денег.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Я пришла для того, чтобы предупредить вас: в вашем шапито творятся странные вещи.

ДИРЕКТОР. И с этим я могу целиком согласиться. Мне ли не знать...

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Сейчас я ехала к вам на трамвае. Рядом со мною стояла одна девица. Я отлично ее запомнила. Во-первых, у меня феноменальная память.

ДИРЕКТОР. Дожить до пенсии и таки все помнить – зачем тогда нужна пенсия.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Кроме того, она все время о меня опиралась. Так вот, минуту назад она же вышла мне навстречу из вашего помещения!

ДИРЕКТОР. Ну, это у нас сплошь и рядом.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Да, но та уехала вместе с трамваем!

ДИРЕКТОР. Быть может, выскочила на следующей остановке, прибежала сюда и опередила вас? Некоторые девушки, вы не поверите, очень быстро бегают.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Вы ничего не понимаете. (Зловеще). Это были близнецы!

ДИРЕКТОР. Да что вы.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Хочу вас предупредить — это очень дурной знак.

ДИРЕКТОР. Дурной знак?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Очень, очень дурной. Потому что это были — астральные близнецы!

ДИРЕКТОР. Какие?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Астральные. Причем настоящей была та, в трамвае.

ДИРЕКТОР. А эта?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. А вокруг этой клубилась нехорошая аура.

ДИРЕКТОР. Даже не знаю, что вам и сказать. Вы таки проницательная женщина.

ЯСНОВИДЯЩАЯ (презрительно). Проницательная, скажете тоже. Я — ясновидящая!

ДИРЕКТОР. Но откуда вообще вы здесь взялись?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. С виду серьезный мужчина, а задает такие глупые вопросы. Вошла в дверь. Дождалась вас. (Переходя на деловой тон). Мое имя вам ничего не скажет, так что могу не представляться.

ДИРЕКТОР. Да-да, конечно, можно без церемоний.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Вы хотите спросить, зачем я здесь? И что могу предложить? Правда ведь — я угадала?

ДИРЕКТОР. Прямо в точку, вы не поверите. Если, конечно, выражаться обтекаемо.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Я хочу спасти ваш театр.

ДИРЕКТОР. Так ли я вас понял, что вы – собираетесь нас поддержать материально?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. За кого вы меня принимаете. (Вглядываясь в него). Послушайте, мне кажется, вы разговариваете со мной с оттенком недоверия. Или я не права?

ДИРЕКТОР. Нет-нет, я всегда относился с интересом к чужим дарованиям. За неимением собственных.

Входят ИЛЛЮЗИОНИСТ и МАРИАННА

ИЛЛЮЗИОНИСТ(Директору). Они затаились. Ничем не выдают своего присутствия. Работаешь словно в безвоздушном пространстве. (Шумно вдыхает воздух)

ЯСНОВИДЯЩАЯ (Иллюзионисту). Про вас я все знаю.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А это еще кто?

ДИРЕКТОР. Мы еще плохо знакомы, но это дама говорит, что обладает довольно таки себе редкой профессией. Он — ясновидящая.

ЯСНОВИДЯЩАЯ (Иллюзионисту). Ваше хобби – карточные фокусы. Вы любите достаточно умных зрителей, чтобы они не обижались, когда их дурачат. Вы считаете, что искусство – игра, самое бескорыстное занятие на свете, поскольку ему невозможно предаваться по принуждению. Ваш идеал – иллюзии в театре и правда за его стенами...

ДИРЕКТОР. Если не ошибаюсь, это – из твоего интервью трехлетней давности одной областной газете.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Я действительно жила в этом мерзком, мерзком городишке.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Что-то в этом духе я действительно мог говорить.

ДИРЕКТОР. Она актриса.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Да, когда-то я была актрисой. Теперь это не имеет никакого значения. Да, я играла в том грязном, грязном театрешке. Была травести. Прекрасной. Даже очень, обо мне много писали. Что вы машете рукой, я не собираюсь показывать вам вырезки. Но ролей хороших мальчиков пишут так мало. Я хотела сказать — мало хороших ролей для мальчиков. Хороших ролей мальчиков для травести... Но теперь я открываю — свой театр!

И хочу пригласить вас. Компаньоном. Вторым главным режиссером, если угодно.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Простите?..

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Ну, хорошо, хорошо, я так и знала, что вы будете кочевряжиться. Пусть я буду вторым, а вы первым, для меня это не играет значения. Не имеет роли. Что вы так на меня смотрите. Вы не верите мне. Хорошо. (Закрывает глаза, в транс). Вам часто снится один и тот же сон. Степь, встает солнце, клубится ранний туман, и – много-много воздуха, который золотится в низких лучах. Ярко раскрашенная повозка, на первой из них — молодая красивая женщина, она управляет конями.

ДИРЕКТОР (Иллюзионисту). Наверное, это твоя Муза.

МАРИАННА. С сачком.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Во-первых, с кнутом. Во-вторых, зовут ее иначе. (Директору). И вообще – у вас дурная привычка...

ДИРЕКТОР. Их у меня смолоду было по крайней мере несколько. Но с годами, вы не поверите, их становится все меньше. Становится так мало, что иногда бывает даже обидно...

ЯСНОВИДЯЩАЯ. У вас дурная привычка перебивать женщину. (Закрывает глаза). Женщина взмахивает кнутом раз и другой – и повозка вместе с конями отрывается от земли. И вот они уже несутся по воздуху, по утреннему свежему воздуху, пронизанному лучами зари, а вокруг такой простор, такой простор... (Закрывает лицо руками).

ИЛЛЮЗИОНИСТ (Марианне). Дайте же ей воды.

ЯСНОВИДЯЩАЯ (медленно приходя в себя, как бы отводя рукой стакан с водой). Ясновидение всегда требует особой концентрации. Послушайте, сейчас я уйду. Я дам вам время собраться с мыслями. Если я вам понадоблюсь – звоните. Вот вам телефон. (Удаляется).

ДИРЕКТОР. В последний раз я так же испугался, когда был еще совсем маленький. Тогда к моей маме пришла наниматься в мои няньки, вы не поверите, женщина-матрос. Мама дала объявление в вечерней газете и, что вы думаете...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А ведь мне и впрямь во время бессонницы под утро подчас мерещится что-то такое... степь, кони, воля и много воздуха...

В примерную врывается МАРИНА, сестра Ирины.

МАРИНА (кричит). Где она? (Видит Марианну). Значит, это — эта и есть! Очень мило. (Вопит и топает ногами).

МАРИАННА (Иллюзионисту). Ей тоже воды?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Нет, я обычно считаю до десяти. На больше у нее как правило не хватает дыхания.

МАРИАННА. Один, два, три...

МАРИНА (бросаясь и рыдая). Папочка, за что! Разве у нас с тобой никогда не было хороших минут!

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я же говорил.

ДИРЕКТОР. Но Марианна не досчитала еще и до пяти.

МАРИНА (мигом меняя тон, показывая на Директора). Это все он. Признавайся, это ты ее привел? Старый сводник! (Нормальным тоном, в зал). Между прочим, я его невеста!

ДИРЕКТОР. Это новость.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (устало). То ли эта, то ли та.

МАРИНА. Вот видите, я не вру. Ну не сердись на меня, папуля, что я такая ревнивая...

ИЛЛЮЗИОНИСТ (растирая грудь). Сказали бы хоть слово, дали бы знак. Так невозможно обращаться с артистами. (Встает). Все, антракт. (Кричит за ширму). Вы слышите — антракт! (Тихо). Мне нужно побыть одному.

Все уходят. ИЛЛЮЗИОНИСТ опускается в свое кресло.

Из-за плеча ИЛЛЮЗИОНИСТА показывается женская рука, подносит на ладони с его лицу таблетку. За его креслом стоит его бывшая ЖЕНА.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (берет таблетку, сует под язык). Откуда ты здесь.

ЖЕНА. Пришла оказать скорую помощь. Девчонки неплохо устроились.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ты все слышала?

ЖЕНА. Две маленькие симпатичные пиявки. Они хоть варят тебе изредка суп?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Иногда. По субботам.

ЖЕНА. Помнишь, я каждый день варила тебе суп.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не помню. Наверное потому, что тогда мне это было не нужно.

ЖЕНА. Представляю, какое тебе доставляет удовольствие время от времени их распиливать.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ты всегда была равнодушна к моим ассистенткам. Хочешь о чем-то меня попросить?

ЖЕНА. Да, если тебе так нравится.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Или пришла мне сообщить какую-нибудь потрясающую новость?

ЖЕНА. Отчего бы и не сообщить, если тебе это доставит удовольствие.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Если ты опять скажешь, что кто-то из наших общих знакомых умер, надеюсь – и на этот раз это буду не я.

ЖЕНА. Ты устал.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Как твой сын?

ЖЕНА. Когда-то ты называл его нашим сыном.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Только до тех пор, пока ты меня не бросила.

ЖЕНА. Я ушла от тебя всего лишь за неделю до того, как это сделал бы ты сам. А сын – сын, разумеется, бредит сценой.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Сценой... Что-то не верится. Знаешь, я все чаще завидую зрителям. Спектакль кончится, они пойдут по домам, а нам – нам здесь оставаться.

ЖЕНА (патетически). Театр – это праздничная изнанка жизни.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Где ты этого набралась?

ЖЕНА. Кажется, твой трюизм.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Сегодня меня цитируют уже второй раз. Плохой симптом, когда тебя начинают часто цитировать.

ЖЕНА. Быть может, возьмешь его к себе? Ему уже семнадцать.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Мне как раз нужен заклинатель ядовитых змей.

ЖЕНА. Очень нужен, видела своими глазами... Возьми пока хоть рабочим сцены.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ты хочешь, чтобы он мыкался по гастролям, питался одними бутербродами и жил нерегулярной половой жизнью с пожилой гримершей?

ЖЕНА. Я всегда считала, что поступила на редкость разумно, когда от тебя ушла.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Это был твой звездный час. А сейчас ты вернулась. Чтобы мне сообщить, что опять выходишь замуж, ведь так? Постой, я постараюсь угадать... Мастер спорта по прыжкам в воду у нас уже был.

ЖЕНА. Это была ошибка, как выяснилось. Но мальчик получился хороший.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Пусть ты ошибаешься в браках, но зато как точно в разводах! Букмекер на ипподроме?

ЖЕНА. Нет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Отставной подводник?

ЖЕНА. Нет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Массажист конечностей? Поэт-песенник? Специалист по борьбе с тараканами?

ЖЕНА. Он — бизнесмен.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. У меня было еще много хороших вариантов, но этот, признаюсь, мне не пришел бы в голову. Надеюсь, это не тот, кто сидит у меня сейчас в зале и ждет не дождется отвалить мне денег на мой новый проект.

ЖЕНА. Это не он.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Слава богу, иначе это была бы слишком плохая драматургия.

ЖЕНА. Он руководит резиновым производством.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Каким производством?

ЖЕНА. Резиновым. Нет, не тем. Впрочем, ты в этом все равно не разбираешься.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Значит, можно устроить мальчика в цех вулканизации.

ЖЕНА. Посмотри на себя в зеркало.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я смотрю на себя в зеркало. (Смотрит в зеркало).

ЖЕНА. Ты блондин?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Пожалуй, этого про меня не скажешь.

ЖЕНА. Или брюнет?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Тоже вряд ли.

ЖЕНА. Ты даже не седой. Ты весь какой-то пегий. А когда ты жил со мной – у тебя вились волосы.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Видишь, что ты натворила.

ЖЕНА. Ты даже не знаешь – кто ты. Ты стар.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Никому об этом ни полслова.

ЖЕНА. Может, пора угомониться?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я сам подчас думаю, отчего я не зарабатываю денег, показывая карточные фокусы в пригородных электричках.

Что ты от меня хочешь?

ЖЕНА. Ничего. Просто я хотела тебе сказать, что всегда ненавидела твои занятия. Что за один спокойный семейный завтрак могла бы отдать весь твой иллюзион с потрохами. Но ни одного такого завтрака у нас с тобой так и не было...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. За завтрак?

ЖЕНА. Да.

ИЛЛЮЗИОНИСТ(мечтательно). Дымящийся кофе, свежая булочка, деревенское масло, персиковый джем...

ЖЕНА. Да, да, да...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Шелковый халат...

ЖЕНА. Мягкие тапочки.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. И после еды ты позволишь посмотреть футбол по телевизору?

ЖЕНА. Пожалуйста.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Никогда! Где мой тюрбан?

ЖЕНА. Ты на нем сидишь по своему обыкновению.

ИЛЛЮЗИОНИСТ (звонит в колокольчик). Антракт кончился. Начинаем, начинаем.

Арена заполняется участниками представления.

(Выходя за ширмы, на арену, туда, где в полумраке зала должны сидеть его гости). Прежде, чем мы продолжим, господа, я хотел бы сказать вам несколько слов. То, что вы видите,— это самый простой театр. И самый древний. Театр, который лучше всего понимают дети. Нет-нет, взрослые тоже, взрослые тоже, господа. Потому что простодушие — обратная сторона тонкости, вы меня понимаете? Конечно, то, что мы вам показываем — всего лишь трюки, ловкость рук. Но для ума высокого, не приземленного, детского — это чудеса. Это знаки, который подает нам иной мир, а ведь все мы так или иначе хоть изредка чувствуем его дыхание... Вы меня слушаете, господа? Хорошо, я буду говорить проще. Я был богат. Нет, не сразу, сначала я был беден, но потом разбогател. Вы понимаете, о чем я говорю — у меня стало много денег. Ну, не так много конечно, как у вас, господа, но по тем временам... Я зарабатывал отнюдь не своим искусством. Искусством я занимался на досуге. Главное же мое занятие было в том, что я торговал. Не поймите меня неправильно, торговал не в том смысле, что спекулировал сахарным песком или ввозил из Турции контрабандное золото. Я торговал тем, чему меня научило искусство: отдельными приемами, ловкостью рук, самодисциплиной, наконец. Ведь продать можно все что угодно, даже самодисциплину, поверьте мне. Вы понимаете, что я хочу сказать, господа? И мне платили, мне хорошо платили: хватало и девочкам, и женам, оставалось на рестораны и на красивую одежду —

мы все любим одеваться красиво, не так ли? Я даже выпивал. Если быть честным, я много выпивал. Иногда слишком много, но сейчас этого нет, нет. Так вот... вы слышите, я это вам говорю... однажды, проснувшись после большой и долгой... вечеринки, я понял, что мне приходит конец. Нет, не в том смысле, что у меня прихватило сердце... у меня еще очень хорошее сердце, господа... а в том, что вдруг, в один какой-то момент, который никак не назовешь прекрасным, я понял: еще чуть-чуть,— и мое искусство покинет меня. Отвернется. Я не знаю, как вам это растолковать, но такое может приключить с каждым, уверяю. Когда, проснувшись однажды утром, вы вдруг ни с того ни с сего понимаете, что еще чуть-чуть, и будет поздно, ничего не вернешь, жизнь пройдет, и главного ты так и не успеешь. Что ты уже не станешь тем, кем видел себя когда-то в юношеских мечтах... Конечно, это только так кажется, что ни с того ни с сего. Недовольство собой медленно зреет внутри, как опухоль, набухает, но есть миллион отговорок, тысяча повседневных причин, сто уловок заставить себя не чувствовать этой тупой вкрадчивой боли... Конечно, бывают уверенные в себе люди, богатые, сильные, но... но я им не верю. Мне кажется, они лишь уговаривают сами себя, не будучи в силах разорвать круг нелепых привычек и никчемных обязательств. Потому что и на их лицах нет того светлого выражения ясности жизни, которое дает лишь согласие с самим собой. Детского выражения, если угодно. Вы понимаете, о чем я говорю? Тогда отзовитесь. Эй, господа, вы что, язык проглотили? (Вглядывается в полумрак зала). Молчат.

КЛОУН. Можно, я посмотрю? (Вглядывается).
Можно, я там пошурю? Сейчас, сейчас мы вас найдем.
(Идет вверх по рядам). Здесь пусто. И здесь пусто. И
здесь никого нет. (Стучит по спинке кресла). Эй, отзови-
тесь, вам говорят. Ах, вот вы где прячетесь. Сейчас я вас
поймаю. Ап! Нет, промахнулся. Ничего не видно, посве-
тите. (Луч света медленно идет по залу). Одни пустые
кресла. А на этом ряду? И здесь никого — пусто. А по-
выше... (Иллюзионисту). И здесь...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Совсем никого?

КЛОУН. Ни души.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Но ведь они здесь были.

КЛОУН. Заходили да ушли. Отправились — в буфет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Увы, у нас нет буфета. А кому же я
все это говорил... Быть может, они хотя бы оставили за-
писку?

КЛОУН. И записки нету.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Значит, не заинтересовались. Зна-
чит, нашего театра не будет. Значит, мы все свободны,
господа!

Из темного зала доносятся одинокие хлопки. Луч
света не сразу находит несуразную фигуру одинокого
зрителя. Это мужичонка крайне потрепанного вида —
ВРАЧ, в руках у него саквояж. Он щурится, закрывается
ладошками, явно только что проснувшись.

КЛОУН. А говорите никого. Вот он, миленький, вот
он, голубчик. (Тащит под руку мужичонку на арену).

ИЛЛЮЗИОНИСТ (вглядываясь в мужичка). Вы... вы
больше никого здесь не видели?

ВРАЧ. Не видел. Никого не видел. Ей-богу ничего не видел.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ничего.

ВРАЧ. Нет, вас я видел. Но больше никого.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Никого... А вы кто?

ВРАЧ. (удивляясь). Я? Меня об этом в последнее время часто спрашивают. Но всегда отчего-то на «ты». Я вообще-то ветеринар. Был ветеринар, но теперь совсем не стало работы. Может быть, собачки и кошечки стали меньше болеть. Наверное, все дело в корме. А ведь раньше ко мне обращались большие люди. Я лечил пуделя господина Блюменфельда Артура, благороднейших кровей был пудель, затем трех левреток мадам... мадам... выскочило из головы, хотя левреточек помню по именам: старший Адамчик, маленькая... его дочка... Иветточка и самая младшенькая...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Но здесь-то что вы делаете?

ВРАЧ. Честно говорить?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Валяйте.

ВРАЧ. Если честно говорить — зашел погреться. На улице, знаете ли прохладно... Да здесь и спокойнее, чем... Но театр я люблю. Эти, знаете ли... вот эти.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Спокойнее, чем на вокзале, вы это хотели сказать?

ВРАЧ (пораженно). Именно это.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Понимаю...Что ж, господа, все свободны. А вы – вы грейтесь, грейтесь... (По братски треплет по плечу Врача. Уходит).

Раздается крик ПЕТУХА.

V

ИЛЛЮЗИОНИСТ сидит в кресле с распахнутым воротом, опустив голову на грудь. Похоже, он спит. На протяжении этой, последней, сцены, ему уже не придется встать. В углу на стуле, нахохлившись, сидит ДИРЕКТОР. К ИЛЛЮЗИОНИСТУ тихо подкрадывается ЯСНОВИДЯЩАЯ.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Вы мне звонили? Вы меня слышите? Я говорю – вы звонили?

ИЛЛЮЗИОНИСТ не отвечается.

Это невежливо, когда к вам обращается женщина...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Что?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Вы мне звонили, и я пришла. У меня есть идея. Поразительная.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А, это вы. Нет, я не звонил.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Мне-то лучше знать, как по-вашему. Так вот, я придумала, во что я буду одета.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Во что вы будете одеты?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Что ж по-вашему – я буду управлять конями в совершенно обнаженной?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Конями?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Конями, в которых запряжена повозка.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ах, да, конями. Конями, которые летят во воздуху.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Конечно, летят. Но сейчас я не об этом. Так вот, если вам интересно...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Сгораю от любопытства.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Я буду — в одной прозрачной тунике! Понимаете, туника, а под туникой — ничего! Представляете эффект? Такая массивная повозка, сильные кони — и я, хрупкая, в одной тунике... Это пришло ко мне, как озарение. У нас с вами будет колоссальный успех.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. На вашем месте я вообще ходил бы голым.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Не нужно, не нужно этих поверхностных комплиментов. Как я устала от них!..

Из кулисы выходит ПЕТУХ.

Кыш, кыш!

ИЛЛЮЗИОНИСТ (вполне окрепшим голосом). Оставьте моего петуха в покое.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Какая гадость!

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Вы не любите животных?

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Но это же птица!

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Вы не любите птиц? А хотите летать в прозрачной тунике.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Перестаньте меня оскорблять.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Или вы не любите только петухов?

ЯСНОВИДЯЩАЯ (горестно). В городе, где я так долго играла на сцене, в этом скверном, скверном городишке в магазинах была всегда одна курятина. И ничего больше... И, кроме того, петухи не летают. Это не летающая птица.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Зато как талантливо он появлялся из моего цилиндра...

Входит МАРИАННА.

МАРИАННА. Я на минутку. Или вы заняты?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Совсем свободен.

ЯСНОВИДЯЩАЯ. Но мы с вами еще не обсудили детали.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Обсудим, милая, обсудим.

ЯСНОВИДЯЩАЯ уходит.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Марианна...

МАРИАННА. Я здесь. Я... я — виновата перед вами.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Вы? Виноваты?

МАРИАННА. Я — не Марианна.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я догадывался.

МАРИАННА. Меня зовут Наташа.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Хорошее имя.

МАРИАННА. Просто я... я шла к вам...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. И случайно подслушали мой разговор с моим директором...

МАРИАННА. Мне стыдно. Но мне... мне так нужна была работа...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Полно. Позвольте мне только называть вас по-прежнему. Вы плачете? Но это не было обманом. А если и было, то это был самый чистый обман, самый сладкий обман, каким я когда-нибудь обманывался. (МАРИАННА целует его, он гладит ее волосы). И какие горячие слезы...

Входит ЖЕНА.

(Жене). Ну вот, теперь можно и позавтракать.
ЖЕНА (обнимая его). Ему плохо. Врача!

За стеной слышны крики: «врача!», «врача».

ДИРЕКТОР. Эй, ветеринар. Будите ветеринара. А я тем временем позвоню в скорую.

ВРАЧ (выскакивая не сцену). Сейчас, сейчас, помассируем грудку.

Все суетятся вокруг ИЛЛЮЗИОНИСТА. Вокруг бегают КЛОУН с салфеткой. Он пытается протиснуться, чтобы помахать на больного.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Просто откройте окна.

ВРАЧ. Так, так, завтра уже будет резвиться на травке.

ЖЕНА. Вот таблетка валидола.

ВРАЧ. Разожмем ему зубки. Держите, держите его, мамаша.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Мне хорошо, отойдите.

ВРАЧ. Слава богу, нос холодный...

ДИРЕКТОР. Скорая сейчас будет.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Будет, как бы не так.

ВРАЧ. Я все хотел у вас спросить. Вы, правда... того?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Чего?

ВРАЧ. Совсем не того?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Не того чего?

ВРАЧ. Не этого?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Арлекин предпочитает молочный суп.

ВРАЧ. Как вам это удалось! (Уходит в недоумении вместе с Клоуном).

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А я же предлагал им живое! Пусть это и не приносит никакой материальной выгоды, но зато как много удовольствия! Разве это не странно — полагать, будто все что ни есть на свете должно быть непременно полезно...

Вбегают ИРИНА и МАРИНА.

ХОРОМ. Папочка!

ЖЕНА. Ему нельзя нервничать.

ИРИНА. Не сердись...

МАРИНА. Но нам сделали предложение...

ХОРОМ. Из Кривого Рога...

ИРИНА. Из театра миниатюр....

МАРИНА. На льду!

ХОРОМ. Там так нужны близнецы.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Поздравляю.

ХОРОВ. Будь здоров, папочка!

Убегают, посылая воздушные поцелуи.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Странно, они никогда не говорили, что умеют кататься на коньках.

ДИРЕКТОР. Были бы ляжки — научатся. И потом, вы не поверите, но они никакие не близнецы.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А кто же они?

ДИРЕКТОР. Я не хотел тебя расстраивать, но у них разные фамилии.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Наверное, у одной по отцу, у другой по матери.

ДИРЕКТОР. Отчества у них тоже разные.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. То-то я в последнее время замечал, что мне становится все труднее их путать.

ЖЕНА. У них ключи от твоей квартиры.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. По комплекту у каждой.

ЖЕНА. Не сомневайся, ни одной стоящей вещи ты больше там не найдешь.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ты очень давно не была в моей квартире. После того, как близнецы заберут свои вещи, там останется только три мои – холодильник, кровать и мой старый фрак. И еще любимые тапочки, но не говори мне, что их они прихватят с собой. Ветеринар сказал: мне нельзя волноваться.

ЖЕНА. Это сказала тебе я.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Ты всегда была умницей. Только я уже ни о чем не волнуюсь. Отправляйся-ка лучше выходить замуж.

ЖЕНА. Не переношу запах резины. И вкус тоже. К тому же, я что, похожа на женщину, которая за завтраком будет говорить о галошах?

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А как же твой мальчик?

ЖЕНА. Ты не знаешь нынешних молодых. Он давно устроен.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я знал, что ты всегда меня обманывала.

ЖЕНА. Он еще будет кормить и тебя, и меня.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Меня, пожалуй, уже не надо.

ЖЕНА(подкладывая ему под спину подушку). Пойду встречу врачей.(Уходит).

ДИРЕКТОР. В юности отчего-то часто находишь деньги на улице. Когда я был маленьким мальчиком, я то и дело находил то мелкие монеты, то купюры. В юности дважды поднимал кошельки. А теперь отчего-то ничего не нахожу...

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Может быть, ты просто меньше стал смотреть под ноги... Что, вернешься в скомороший балет?

ДИРЕКТОР. На нас с тобой еще хватит фольклора: хороводы, присказки, загадки и отгадки, профессионалу всегда найдется местечко.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. Я бы предпочел отгадки... Окна открыты?

ДИРЕКТОР. Настежь.

ИЛЛЮЗИОНИСТ. А воздуха все равно нет. Иди, иди, я отдохну. И потуши свет.

ДИРЕКТОР уходит. Медленно гаснет свет.

ЭПИЛОГ

Когда свет зажигается, ИЛЛЮЗИОНИСТ по-прежнему сидит в кресле, кажется, что он уснул. Очень много воздуха. Ударяет музыка – и на сцену выкатывается повозка бродячих комедиантов, запряжены в которую два клоуна – это КЛОУН и ВРАЧ. МАРИАННА погоняет их, тут же ЯСНОВИДЯЩАЯ в прозрачной тунике, ДИРЕКТОР в цилиндре... Здесь возможно своего рода гала-представление всех цирковых актеров, занятых в

спектакле. Когда оно заканчивается, повозка исчезает – если это позволят технические возможности, было бы неплохо, чтобы в какой-то момент она поплыла по воздуху. На сцене – лишь пустое кресло, брошенный халат, цилиндр фокусника, рассыпанная колода карт... Никого нет, если не считать, конечно, ПЕТУХА, который бродит здесь в полном одиночестве.

РУССКИЕ ЕДУТ КАК ВО СНЕ

ЛИЦА

МАРИНА, до 40

ГЕРОЙ

ТОВАРИЩ, оба чуть за 40

ХУДОЖНИК, под 60

Мастерская художника в Москве, наши дни

Действие I

Сцена 1

Захламленная студия; на видном месте на подставке — макет театральной декорации; освещен только маленький стол и два кресла. МАРИНА — на ней дорогое итальянское платье, но чересчур много бижутерии — в ожидании гостя.

МАРИНА (поправляя волосы). Черт, даже зеркала здесь нет. (Достает пудреницу, прихорашивается, разглядывает себя.) Что ж, сойдет. (Начинает расставлять по столу посуду — две тарелки, две рюмки, две салфетки; ставит свечу в подсвечнике.) О Боже, дура! (Собирает все; включает музыку.)

Стук в дверь. МАРИНА выключает магнитофон; набирает воздуха, как перед прыжком в воду.

Войдите. Открыто.

Показывается ТОВАРИЩ, одет как преуспевающий бизнесмен. В руках — два больших пластиковых пакета.

(Приглядываясь.) Это — ты?

ТОВАРИЩ. Звонок не работает? И лифта нет.

МАРИНА. Это ты?! Боже, откуда ты взялся?

ТОВАРИЩ (водружая пакеты на стол). Хоть бы свет зажгли на лестнице. (Подмигивает.) Готовишься к приему иностранного гостя?

МАРИНА. Откуда ты явился? И как меня нашел?

ТОВАРИЩ. Вот, вношу свою лепту... Ну, давай же поздороваемся. Щечку!

МАРИНА (уклоняясь от поцелуя). Он что — прислал тебя вместо себя?

ТОВАРИЩ. Не слишком радушно ты встречаешь давнего товарища. Он прислал меня в дополнение.

МАРИНА. Это — его покупки?

ТОВАРИЩ. Я похож на посыльного?

МАРИНА. Или ты тоже у нас — из Америки?

ТОВАРИЩ. Нет, я местный — из Айриш Хауса.

МАРИНА. Можешь ты мне объяснить — что происходит?

ТОВАРИЩ. Все идет по плану. (Принимается деловито расставлять напитки.) Мы договорились с ним встретиться сегодня вечером у тебя.

МАРИНА. Но я об этом ничего не знаю.

ТОВАРИЩ. Тебе же сюда даже позвонить нельзя... Слушай, а как же он тебя разыскал?

МАРИНА. Позвонил маме.

ТОВАРИЩ. Она живет все там же.

МАРИНА. Все там же.

ТОВАРИЩ. А сестра? У тебя же была сестренка — маленькая такая.

МАРИНА. И сестра все там же.

ТОВАРИЩ. Ты что, против того, чтобы у тебя встретились друзья?

МАРИНА. Я не против. Но...

ТОВАРИЩ. Когда он уезжал — мы были молоды, он мог пригласить к тебе кого угодно. Без церемоний.

МАРИНА. За пятнадцать лет многое могло измениться.

ТОВАРИЩ. Об этом он, должно быть, не догадывается. Мужчины вообще легко допускают, что измениться могло что угодно — только не женщина, которая была в них влюблена.

МАРИНА. Это знакомо. Но ты, я вижу, свободен от иллюзий.

ТОВАРИЩ. В меня ты влюблена не была. (Пожимает плечами.) Всего-то пара эпизодов.

МАРИНА. Разве? У нас с тобой? Я уж и забыла...

ТОВАРИЩ (невозмутимо). Женщины выбирают воспоминания, как платья. Это мужчины помнят все подряд... Скорее всего, он пригласил меня для смягчения удара. Все-таки полтора десятка лет разлуки... старая любовь... (Деловито.) У тебя что на горячее?

МАРИНА (чуть ревниво). Он сам тебе позвонил?

ТОВАРИЩ. Нет, позвонил ему я. Узнал, что он в Москве, нашел старый номер в записной книжке, набрал на удачу — и он взял трубку — как ни в чем не бывало. Как когда-то, как будто не было этих лет, как будто никуда не уезжал. И сказал: рад слышать тебя, старик. А я сегодня вечером как раз буду у Марины...

МАРИНА. Как раз?

ТОВАРИЩ. Так он сказал, будто мы говорим по телефону каждый день: рад слышать, старик... Должно быть, соскучился в этой своей Америке.

МАРИНА. Должно быть.

ТОВАРИЩ (продолжая хлопотать). Дай тарелочку для оливок.

МАРИНА (беря блок Данхила). Можно?

ТОВАРИЩ. О чем ты спрашиваешь! Это все — для нас. А ты куришь, не бросила? А я вот бросил... Он бросил, как ты думаешь?

МАРИНА пожимает плечами, открывает блок, жадно закуривает.

Я думал — брать сигареты, не брать... Это он дал мне твой адрес. Я стал объяснять, как попасть сюда на машине, но он сказал, что возьмет метро.

МАРИНА. Возьмет метро?

ТОВАРИЩ. Англицизм. Я говорю: возьми такси. А он: нет, я возьму метро. И спрашивает — как станция ближе всего? А я и сам теперь в московском метро заблудился бы: пересадок не знаю, новые линии ведут неизвестно куда, все станции опять переименовали. Я так и не смог ему ответить: Охотный ряд — это бывшая Маркса или бывшая Революции.

МАРИНА. На горячее у меня курица.

ТОВАРИЩ. Только не это! Не надо курицу. Курицу он каждый день ест в Америке. Поджарим вот это мясо.

МАРИНА. У меня бывшая советская курица. Такой в Америке не достать

ТОВАРИЩ. В Америке все можно достать. Мне рассказывали — там можно купить даже воблу. И Жигулевское пиво.

МАРИНА. Стоит за этим так далеко ехать.

ТОВАРИЩ. Не скажи, это совершенно разные вещи. Одно дело вобла на волжском берегу, совсем другое, когда вокруг — сплошная Уолл-Стрит. И ты — с воблой... Ну давай же сделаем, чтобы было красиво. Пусть он из Нью-Йорка, но мы здесь — тоже живем как большие. (Расставляет посуду, колеблется — ставить ли на стол подсвечник.)

МАРИНА (забирая подсвечник у него из рук). Это не надо.

ТОВАРИЩ. Понимаю, это для интима. Ты живешь здесь одна?

МАРИНА. Я живу в своей квартире. А это — мастерская.

ТОВАРИЩ. Неплохое логово (Показывает на макет декорации.) Это твое?

МАРИНА. Угу.

ТОВАРИЩ. Декорация к спектаклю?

МАРИНА. По Достоевскому.

ТОВАРИЩ. Совсем как большая. А я вот в бизнесе. Крутимся помаленьку... Слушай, а почему ты его здесь принимаешь? А, понимаю, понимаю... там одна жизнь, здесь другая...

МАРИНА. Ты все такой же.

ТОВАРИЩ. Ох уж эти художники...

МАРИНА. Ничуть не изменился.

ТОВАРИЩ. Ну, здесь немножко поседело... (Наклоняет голову.) На макушечке поредело. Но в душе — тот же самый, верно... Да и ты изменилась. Даже, я бы сказал, набрала...

МАРИНА (инстинктивно ощупывая талию). Набрала?

ТОВАРИЩ. Набрала класс.

МАРИНА. Раньше не было?

ТОВАРИЩ. Ну, какой класс в двадцатилетней девочке... Теперь ты — леди. (Смотрит на часы.) Может быть, выпьем?

МАРИНА. Выпьем.

ТОВАРИЩ. Виски? Шампанское? Вино? (Разглядывает бутылку.) Что ж это за вино? Испанское. Торопился, брал, что под руку попало.

МАРИНА. Виски.

ТОВАРИЩ. Льда, конечно, нет.

МАРИНА. Льда, конечно, нет.

ТОВАРИЩ. Разбавить содовой?

МАРИНА. Нет, содовую отдельно. (Разглядывая его, пока возится с напитками.) А ты повзрослел. Брюшко вот...

ТОВАРИЩ. Как у большого. (Подает ей бокал.) Неужели так заметно. Придется подтянуться.

МАРИНА. И дела идут неплохо?

ТОВАРИЩ. Спасибо. Неплохо.

МАРИНА. А что же сам? Ты не пьешь?

ТОВАРИЩ. Пепси. Диетическую. За рулем. (Открывает банку.) Ну, за встречу?

МАРИНА. За встречу. (Зажмурившись, глотает виски, торопливо запивает.)

ТОВАРИЩ. Волнуешься? Что ж, я на твоём месте тоже волновался бы. Такой был роман! Вы были отличной парой.

МАРИНА. Могли бы быть.

ТОВАРИЩ. Ты была такой красивой. И так его любила! Прямо — обожала, в рот ему смотрела.

МАРИНА. Ты тоже ему смотрел в рот.

ТОВАРИЩ. Но он выбрал — побег! За флажки. Что ж, одни выбирают дом и дело — как мы с тобой, другие — тревоги и странствия, как Пер Гюнт. Спрятаться или убежать — вот, в сущности, главный вопрос, который мы в России решаем с самого детства. А тренироваться начинаем рано, играя в казаки-разбойники... Нет, он определено заблудился.

Появляется ГЕРОЙ, его пока не замечают. Одет как вашингтонский служащий на уик-энде. В руке — маленький пакет.

МАРИНА. А скажи-ка — зачем он тебе понадобился? Только честно.

ТОВАРИЩ. Ба! Какая мы не сентиментальная!

МАРИНА. А все же? Интересно.

ТОВАРИЩ. Это же мой школьный друг!

МАРИНА. И только поэтому ты все свое натащил?

ТОВАРИЩ. Мы не виделись пятнадцать лет. Кроме того, нужно выполнять законы нашего национального гостеприимства.

МАРИНА. Ну, его-то что этим удивлять, он — не иностранец.

ТОВАРИЩ. Но разве тебе не любопытно на него взглянуть? Просто так? Из ностальгии по юности?

МАРИНА. Скорее — страшновато... Впрочем, он сам меня разыскал. (Видит Героя.)

ГЕРОЙ. Дверь была открыта. А звонка нет.

МАРИНА. Здравствуй.

ГЕРОЙ. Здравствуй. (Протягивает ей пакет.) Вот... я не знаю, что ты любишь... я принес...

ТОВАРИЩ. Старик! (Открывает объятия, но остается на месте.)

ГЕРОЙ. Здравствуй, дружище. (Смотрит на Марину, а Товарищу протягивает пакет.)

ТОВАРИЩ. Нет, старик, нам ничего не надо. Ты же у нас в гостях! (Заглядывает в пакет, достает бутылку.) Джим-Бим. Ты тоже любишь бурбон, старик? Не надо, забери. У нас — Джек-Даниел.

ГЕРОЙ (Марине). Я сейчас шел по городу... ничего не изменилось. Те же улицы и те же дома. Тот же запах бензина. И так же редко горят фонари...

МАРИНА. Как ты?

ГЕРОЙ. Ай эм файн. А ты?

МАРИНА. И я — ай эм файн.

ГЕРОЙ (не зная что сказать). О, вы тоже пьете дайт-пепси?

ТОВАРИЩ. Ит'с смол уолд, так, кажется, у вас говорят. Все пьют одно и то же. У вас и у нас. И все друг друга знают — ну, может быть, кроме крестьян и милиционеров. Вот и мы встретились, а? Ведь когда-то прощались навсегда.

ГЕРОЙ. Я и не мечтал, что вас увижу. Помыслить не мог, что когда-нибудь окажусь в Москве...

МАРИНА. Садись.

ГЕРОЙ. Что? Да, спасибо. (Остается стоять.)

ТОВАРИЩ. Выпьем за встречу. Джек-Даниел!

ГЕРОЙ (рассеянно). Спасибо.

ТОВАРИЩ. Ты любишь Джек-Даниел?

ГЕРОЙ. Да, сэнкс. (Берет бокал.) За вас. (Марине.)
За тебя. (Чуть пробует виски).

ТОВАРИЩ. А мы здесь тоже — неплохо. Я в бизнесе. Кручусь. Маринка вот стала художницей. Как и хотела. Декорация — по Достоевскому.

МАРИНА (Герою). Ты рассказывай.

ГЕРОЙ. О чем?

МАРИНА. Об Америке. И вообще.

ГЕРОЙ. В Америке — все ОК. В Нью-Йорке жарко. А у вас вот, я знаю... осень.

ТОВАРИЩ. Все в соответствии с календарем. (Протягивает ему пачку сигарет.) Закуришь?

ГЕРОЙ. Да, спасибо... А, нет, я не курю.

ТОВАРИЩ (как бы между прочим). Купил дом? Какой моргидж?

ГЕРОЙ. Нет, не купил.

МАРИНА. А где ты живешь?

ГЕРОЙ. На Манхеттене.

ТОВАРИЩ. У тебя квартира?

ГЕРОЙ. Небольшая. Вот как эта. Я снимаю.

ТОВАРИЩ. Ну, выпьем!

МАРИНА. За всех нас. (Герою) За тебя.

Никто не пьет.

ТОВАРИЩ. А машина какая?

ГЕРОЙ. У меня нет машины.

ТОВАРИЩ. Как так?! В Америке-то... На чем же ты едешь?

ГЕРОЙ. Машина нужна тогда, когда она нужна. А на Манхеттене все близко. И паркинг дорогой.

МАРИНА. А если за город?

ТОВАРИЩ. Или во Флориду?

ГЕРОЙ. Рент. Как это по-русски...

МАРИНА. Берешь на прокат.

ГЕРОЙ. Или у приятелей.

ТОВАРИЩ. Ну, о заработках я не спрашиваю. У нас теперь тоже об этом не принято спрашивать...

МАРИНА. Ты женат?

ГЕРОЙ. Так что в Америке все в порядке.

МАРИНА. Женат. Детишек, должно быть, куча.

ГЕРОЙ. Детишек? Каких детишек?

МАРИНА. У тебя. Ты ведь женат?

ГЕРОЙ. Я женат? Нет, я не женат. С чего ты взяла?

МАРИНА. Нет?

ГЕРОЙ. А что?

МАРИНА. Стойкий оловянный солдатик.

ГЕРОЙ. Кто?

ТОВАРИЩ. Сказка Андерсена.

МАРИНА. Что, ты был один все эти годы?

ГЕРОЙ. Один? Нет, не один. То есть — как сказать...

Иногда был один.

ТОВАРИЩ. Жениться никогда не поздно, старичок. По себе знаю. Я вот когда женился на Наташке...

МАРИНА. У тебя ведь был один чемодан, когда ты уезжал. И хороший английский.

ГЕРОЙ. Английский оказался неважным.

МАРИНА. Ты говорил — я еду первым.

ГЕРОЙ. Я так говорил?

ТОВАРИЩ. Ты и ехал первым — из всей нашей компании. Как разведчик.

МАРИНА. Как Колумб. Открывать рай.

ТОВАРИЩ. А ведь был единственным сыном у хороших родителей.

МАРИНА. А потом ты писал письма. И из Вены, и из Рима...

ТОВАРИЩ. Мы их вслух зачитывали.

МАРИНА. Когда я прочла, будто у тебя такое чувство, что в Италии ты родился — я заплакала.

ГЕРОЙ. Заплакала?

МАРИНА. Если там ты родился, то здесь — умер.

ТОВАРИЩ. Однажды ты сообщил, что всем коллективом выезжаешь на картошку в штат Огайо.

МАРИНА. О тебе здесь ходили легенды.

ТОВАРИЩ. Что ты сделался консультантом в Голливуде.

МАРИНЕ. Написал книгу.

ТОВАРИЩ. Заработал кучу денег и купил дом в лесу. Как Уолден или Солженицын.

МАРИНА. Что выучился управлять самолетом.

ТОВАРИЩ. И стал профессором.

МАРИНА. Ты ведь был таким ярким.

ТОВАРИЩ. Ведь ты жил в Америке — вместо нас.

МАРИНА. Помню, я иногда высчитывала: вот у нас — раннее утро, а у него — вечер. И он идет по Бродвею, — и не могла себе представить этот самый Бродвей, огни, рекламы. Мне он даже снился: темная и кривая, почему-то, улочка, и мы с тобой заходим в магазин, а там очередь — за колбасой. И такой жидкий-жидкий кристаллический свет...

ТОВАРИЩ. Но как это роскошно звучало, когда мы читали обратный адрес на конвертах: Бронкс, Квинс, Бруклин.

ГЕРОЙ. Поначалу любому эмигранту приходится трудно.

ТОВАРИЩ. Но ведь ты стал — американцем!

ГЕРОЙ. Не знаю. Русские — это отдельная раса. Один другого всегда угадает из тысячи: пластика, походка, жесты, выражение глаз...

ТОВАРИЩ. Но Америка — это плавильный тигль!

ГЕРОЙ. О, да.

МАРИНА. Самая богатая страна в мире!

ГЕРОЙ. Пожалуй.

ТОВАРИЩ. Манхеттен — это ведь центр Нью-Йорка!

ГЕРОЙ. Можно так сказать.

МАРИНА. А Нью-Йорк — центр Америки!

ГЕРОЙ. В известном смысле.

ТОВАРИЩ. Вот видишь, значит — ты живешь в самом центре мира!

ГЕРОЙ. Иногда я думаю — что же это за мир, если мы живем в самом его центре.

МАРИНА. Все преодолел!

ГЕРОЙ. Америка каждому дает шанс.

МАРИНА. Ты победил?

ГЕРОЙ. В Америке русские все более или менее победили.

ТОВАРИЩ. У тебя свой бизнес?

ГЕРОЙ. Владелец, заводов, газет, пароходов... Работал в фирме. Программистом.

МАРИНА. Ты всегда был талантливым.

ГЕРОЙ. У нас в эмиграции одна половина — таксисты, другая — программисты.

МАРИНА. Компьютеры — это ведь жутко сложно!

ГЕРОЙ. Один Слава Ростропович играет на виолончели.

МАРИНА. Герой! Преодолеl, победил, построил.

ТОВАРИЩ. Заработал свои доллары!

МАРИНА. Второй раз родился, заново научился жить.

ТОВАРИЩ. А мы — остались на берегу.

МАРИНА. Теперь уж в плавание пускаться поздно.

ГЕРОЙ. Эмигрировать лучше всего в грудном возрасте.

МАРИНА. Ты приехал в командировку?

ТОВАРИЩ. По делу приехал, правда ведь, старичок?

ГЕРОЙ. Нет, дела у меня нет.

МАРИНА. По туру?

ТОВАРИЩ. Или за полную стоимость?

ГЕРОЙ. Да, сам по себе.

МАРИНА. Приехал взглянуть на нас? И убедиться, что все было правильно. Что не ошибся в выборе.

ТОВАРИЩ. Соскучился и приехал — на развалины, так сказать, исторической родины.

МАРИНА. Что ж, смотри на наши развалины.

ТОВАРИЩ. Мы, старик, здесь живем как большие.

МАРИНА. Сам сказал — ничего не изменилось.

ТОВАРИЩ. Это внешне, внешне, старик. А по сути — все совсем иное. Вот, например: у вас в Америке сколько партий?

ГЕРОЙ. Две, кажется.

ТОВАРИЩ. А сколько было в России, когда ты уезжал?

ГЕРОЙ. Это я хорошо помню.

ТОВАРИЩ. Одна! А теперь — штук сто. Очень многопартийная система!

МАРИНА. Я не о том. А жизнь-то, жизнь...

ТОВАРИЩ. А бирж в одной Москве полсотни — это тебе не жизнь?

ГЕРОЙ. Зачем так много?

ТОВАРИЩ (расходясь). И казино с рулеткой — двадцатка!

ГЕРОЙ. Это больше, чем в Атлантик-Сити.

ТОВАРИЩ. Публичные дома — разрешены! И пропагандируются средствами массовой информации. Есть даже передвижной, в вагончике, как цирк шапито. Да у нас стриптиз теперь — на каждом мероприятии, сразу после торжественной части, вместо художественной самодеятельности. У нас на сцене театра Юного Зрителя голые бабы по ходу спектакля подмываются.

МАРИНА. Спектакль — тоже по Достоевскому.

ТОВАРИЩ. Есть у вас в Америке театры Юного Зрителя?

ГЕРОЙ. У нас — сорок вторая стрит. И ту сносить собираются.

ТОВАРИЩ. Старик, да здесь такие перемены! Маринка вот как раскрутилась: везде холсты, холсты, холсты... Покажешь потом, мы кое-что и приобрести можем, правда, старичок?

МАРИНА. Как-нибудь в другой раз.

ТОВАРИЩ. Или посмотри на меня. Мой папа всю жизнь за зарплату доцента преподавал историю КПСС. А у меня теперь одной охраны — полсотни человек. Три бригады в Пекин за товаром летают два раза в месяц.

Спроси меня — сколько я зарабатываю? Спроси, спроси, я разрешаю.

МАРИНА (Герою). Спроси, доставь товарищу удовольствие.

ГЕРОЙ. Сколько ты зарабатываешь?

ТОВАРИЩ. Вам в долларах? Тысяч семь-восемь баксов в месяц. Это без налогов. И ни в какую Америку не уезжал. Здесь остался — нести, так сказать, на своих плечах груз истории. И добился своего — езжу-таки с женой отдыхать на Багамы.

МАРИНА. Теперь я понимаю, зачем ты пришел.

ГЕРОЙ (очень мечтательно). А лампочка в подъезде так и не горит. Как не горела, когда я уезжал — так и не горит.

ТОВАРИЩ. Да разве ж я один такой. Нас теперь в России миллионы. Ну, может быть, миллиона два. Нью-рашнс, группа опережения. Пойди, посмотри — вся Москва в лесах. Да скоро Монмартр из ихнего Парижа к нам на Арбат переезжает! На месте парка Горького Диснейленд построим! Под Уолл-Стрит отведем Охотный ряд. А ты говоришь — центр мира. А ты говоришь — лампочка. Говоря словами поэта — восходит над скифскими степями Америки новой звезда!

МАРИНА. Это Фет?

ГЕРОЙ (мечтательно). Это Блок.

ТОВАРИЩ. Не забыл в своей Америке русскую классику... А вот, взгляни теперь на наш стол. Что, хуже, чем в Соединенных Штатах? Мясо будем есть — из Ирландии!

ГЕРОЙ (тревожно). Из Ирландии? Почему?

ТОВАРИЩ. Масло — датское, вино — испанское, виски, сам понимаешь...

МАРИНА (иронически). Сигареты английские, пепси-кола американская, пиджак — Дэвид Хантер, рубашка — голландская, туфли итальянские, машина — японская...

ТОВАРИЩ. У меня Вольво.

МАРИНА. Извини. Машина шведская.

ТОВАРИЩ. Старик, у нас теперь ничего не надо доставать.

ГЕРОЙ. Вот как?

ТОВАРИЩ. У нас все можно купить.

МАРИНА. При наличии твердой валюты.

ТОВАРИЩ. А у кого рубли — пожалуйста в наши коммерческие магазины.

МАРИНА. Мальборо — из Сирии, Ла Коста — из Таиланда, коньяк Наполеон — из Польши. Только пирожки наши, отечественные. С котятками.

ТОВАРИЩ (нервно). Откуда ты знаешь про пирожки?

ГЕРОЙ. И все-таки даже воздух — тот же.

МАРИНА. Ты недельки на две?

ГЕРОЙ. Я? Нет, подольше побуду.

МАРИНА (иронически). Решил реэмигрировать?

ГЕРОЙ. Может быть.

Пауза.

МАРИНА. Я пошутила.

ТОВАРИЩ (Герою). Что ты сказал? Ты хочешь здесь остаться?

ГЕРОЙ. А что?

МАРИНА. Ты сумасшедший.

ГЕРОЙ. Почему вы так странно на меня смотрите?

ТОВАРИЩ. Или это американский юмор?

ГЕРОЙ. Но я же — русский.

МАРИНА. Тебе там плохо?

ГЕРОЙ (пожимая плечами). Да нет, хорошо.

ТОВАРИЩ. С работой что-нибудь?

ГЕРОЙ. Да, в Нью-Йорке я потерял работу. Спад.

ТОВАРИЩ (чуть пренебрежительно). Ну, я, конечно, могу тебе что-нибудь предложить: рекламой будешь заниматься, паблик рилешнс... Нет, я разволновался, выпью, пожалуй. (Наливает себе виски.)

ГЕРОЙ. Но мне предложили место в Тексасе.

МАРИНА. Где?

ГЕРОЙ. Так американцы называют штат Техас. И денег в полтора раза больше. Но я — приехал на родину...

МАРИНА. Да, конечно... А, может быть, у тебя там неприятности?

ТОВАРИЩ. С полицией... или...?

ГЕРОЙ. Нет, с полицией все в порядке... Да что же вы, ребята. У вас же теперь — свобода! Америки новой звезда. Над степями. Конечно, эмигранты возвращаться не торопятся, но должен же кто-то быть первым!

МАРИНА. Но почему именно ты?

ГЕРОЙ. Первым вернуться и сказать: давайте же что-то делать вместе! Это же наша страна!

ТОВАРИЩ. Да здесь уж — делают...

МАРИНА. Пойду пожарю ирландское мясо.

ТОВАРИЩ. Ну, старик, знаешь... Это просто... даже не знаю... Но паспорт ты не сдал?

ГЕРОЙ. Паспорт? Паспорт у меня с собой.

ТОВАРИЩ. От американского гражданства не отказался?

ГЕРОЙ. Нет. А разве это нужно?

МАРИНА. Да нет, не нужно. Это он так, на всякий случай.

ГЕРОЙ (волнуясь). Паспорт — вот. (Показывает свой блэк-кард.)

ТОВАРИЩ. Черненький. Ну, что ж...

МАРИНА. Никак не могу прийти в себя.

ТОВАРИЩ (поднимая рюмку). Вел кам ту зе Раша, так, кажется, у вас говорят?

Свет гаснет; пока на сцене осуществляется перестановка, неплохо, если бы звучала та же музыка. Может быть, это Род ту Хэлл.

Сцена 2.

Если бы мы играли на круге, я предложил бы чуть повернуть его с тем, чтобы приблизить к зрителю стоящую в глубине кровать. На ней сидят ГЕРОЙ и ТОВАРИЩ без пиджака, на полу наполовину пустая бутылка виски. Прошло около часа.

ТОВАРИЩ (с цыганским надрывом). Когда я вернусь и, разделавшись круто с таможней...

ГЕРОЙ (подпевает). Ворвусь в этот город — крошечный, безбожный, раешный...

Они могут петь и еще — сами или подпевая фонограмме, второе предпочтительнее.

ТОВАРИЩ. Что, старик, развязалась ранка на пупке! Выпьем! Да что ты все прихлебываешь, научился в своей Америке. По-русски выпьем! (Встает во весь рост, оттопыривает локоть: он заметно навеселе.)

ГЕРОЙ (тоже поднимаясь). Выпьем по-русски.

Чокаются, стоя пьют одним махом.

ТОВАРИЩ. Ты был самым моим близким другом, старик. Помнишь, как в десятом классе мы сорвались с тобой в Ленинград на зимние каникулы, никому ничего не сказав?

ГЕРОЙ. Билеты взяли в спальный вагон на Красную стрелу...

ТОВАРИЩ. Купе на двоих — как большие.

ГЕРОЙ. На окнах были желтые занавески.

ТОВАРИЩ. Ты помнишь! А как пили коньяк в ресторане?

ГЕРОЙ. Нам подали солянку и бефстроганов.

ТОВАРИЩ. Да-да, я бефстроганов тоже помню.

ГЕРОЙ. Гарнир — картофель-фри и капуста по-гурийски.

ТОВАРИЩ. Теперь такой не подают.

ГЕРОЙ. А где ж она?

ТОВАРИЩ. Съели, должно быть.

ГЕРОЙ. В солянке плавали маслины. И лимон. Такую потом я ел лишь однажды — на Брайтон Бич.

ТОВАРИЩ (мечтательно). На Брайтон-Бич.

ГЕРОЙ. Мы шатались по Петербургу, мы опьянели от морозного державного величия. Мы завидовали каменным львам. Мы робели перед загадками невских сфинксов, но были убеждены, что нам еще придется их отгадать.

ТОВАРИЩ. Но деньги кончились, и мы ночевали на вокзале. А обратно ехали зайцами в общем вагоне пассажирского поезда. И ты говорил, что это — только репетиция.

ГЕРОЙ. Я так говорил?

ТОВАРИЩ. Конечно, мы уже тогда знали, что рано или поздно сбежим. За флажки.

ГЕРОЙ. Поезд шел долго, почти сутки. Через Савелово.

ТОВАРИЩ. Верно, через Савелово.

ГЕРОЙ. За окнами был только мороз. И снег.

ТОВАРИЩ. Проводницы нас жалели и угощали щами.

ГЕРОЙ. В Муроме к самому поезду крестьянки в валенках, в ватниках выносили в кастрюлях рассыпчатую картошку, политую пережаренным салом. И соленые огурцы.

ТОВАРИЩ. С укропом.

ГЕРОЙ. Да, непременно с укропом.

ТОВАРИЩ. Теперь нигде не достать таких огурцов.

ГЕРОЙ. И от картошки, и от самих баб шел густой пар. Такой я потом вспоминал Россию.

Разливают, пьют.

ТОВАРИЩ. В Москве мы днями бродили с тобой по Горького. И мечтали, что уедем вместе в Америку.

ГЕРОЙ. Но это было позже.

ТОВАРИЩ. Конечно, мы уже в институтах учились: я в нефтяном, ты в Мориса Тереза. Это ты рассказывал мне об Америке: жвачка, пампасы, Эмпайр Стейт Билдинг, индейцы и труба Майлса Дэвиса.

ГЕРОЙ. И еще Голден Гейтс. Но в Калифорнии я так ни разу и не был.

ТОВАРИЩ. Как же так?

ГЕРОЙ. В Мексике был, а в Калифорнии нет.

ТОВАРИЩ. А помнишь, как мы тусовались на Пушке? В «Лире» пили «Таран», «Маяк», и «Шампань-Коблер». А какие девочки ходили тогда по Калине!

ГЕРОЙ. «Шампань-Коблер», припоминаю. В Америке за пятнадцать лет я ни разу не слышал этого названия.

ТОВАРИЩ (с тоской). Эх, когда я вернусь... Красивая у нас все-таки была империя!

ГЕРОЙ. Была?

ТОВАРИЩ. Да, старичок, ведь всего этого — больше нет.

ГЕРОЙ. Как так — нет?

ТОВАРИЩ. Ничего этого ты больше не найдешь.

ГЕРОЙ. Как же так. Мне кажется — здесь все по-прежнему. Даже ты не очень изменился.

ТОВАРИЩ. И Горького больше нет.

ГЕРОЙ. Мы на ней выросли.

ТОВАРИЩ. Ни шампаня, ни коблера. На месте Горького — Тверская. Кто как, но я — никак не могу

привыкнуть. Путаю Поварскую и Мясницкую... И «Лиры» больше нет.

ГЕРОЙ. Где же она?

ТОВАРИЩ. На ее месте — Макдоналд. Да, на месте нашей с тобой «Лиры» — ваш американский Макдоналд.

ГЕРОЙ. Зачем же так?

ТОВАРИЩ. И «Националя» нет.

ГЕРОЙ. Где же он?

ТОВАРИЩ. Захватили австрийцы. И вряд ли мы когда-нибудь его отобьем. А в ГУМе...

ГЕРОЙ. И ГУМа нет?!

ТОВАРИЩ. В ГУМе не продают больше мороженого. И фонтан не работает. Сплошь Стокман и Нина Ричи. И Дзержинского сняли.

ГЕРОЙ. Это я видел по Си-Эн-Эн.

ТОВАРИЩ. Один Пушкин пока стоит.

ГЕРОЙ. Я знал, конечно, что здесь большие перемены...

ТОВАРИЩ. Так что ты — не того.

ГЕРОЙ. То есть?

ТОВАРИЩ. Не туда приехал. В ту страну — тебе уж больше никогда не вернуться... Говорят, в Америке можно воблу купить?

ГЕРОЙ. Можно, на Брайтоне. У Мани и Мони.

ТОВАРИЩ. А здесь — ни за что. Ирландское мясо — пожалуйста, а воблу — ни-ни. (Выпивает.) И вина «Фрага» больше нет — ни «Фраги», ни «Гратиешты». Ни Политбюро, ни диссидентов, ни сигарет «Прима», ни стихов Беллы Ахмадулиной, ни программы «Время», ни

комсомола, ни эскимо на палочке, ни театра на Таганке, ни норм ГТО... (Всхлипывает.)

ГЕРОЙ. У тебя ностальгия?

ТОВАРИЩ. Это не ты — это я эмигрант, дружище.

Входит МАРИНА, держа поднос с тарелками.

МАРИНА. Кушать подано, господа.

ТОВАРИЩ (показывая на Марину). И у нее — ностальгия. У нас у всех здесь теперь ностальгия, мы все теперь эмигранты в собственной стране!

ГЕРОЙ (следя за тем, как Марина расставляет тарелки, мечтательно). А я — только сейчас, кажется, начинаю чувствовать, что я — на родине. (Встает, идет к столу, Марине.) Знаешь, все эти годы я просыпался среди ночи и повторял себе: спокойнее, спокойнее, ты — в Америке...

ТОВАРИЩ (ковыляя следом с бутылкой в руке). А здесь, из Москвы не выезжая, каждый день щиплешь себя за руку и спрашиваешь: Боже, что же это за страна, в которой мы родились!

ГЕРОЙ. Ах, когда я вернусь...

МАРИНА (тихо). И, расправившись круто с таможеней...

ТОВАРИЩ. А недавно в Штатах труппа глухонемых осталась. Попросила убежище. Им, конечно, легче, глухонемым, у них нет языкового барьера. (Пьет один.)

МАРИНА (подавая ему тарелку). Не знаю, правильно ли я пожарила твоё ирландское мясо.

ТОВАРИЩ. Каши хочу. И грибных кислых щей... Да, грибных кислых щей с гречневой кашей. Но ведь теперь нельзя есть грибов!

ГЕРОЙ (невнимательно). Нельзя есть? Почему?

ТОВАРИЩ. Все, к черту, отравлено. Этим летом по всей России человек триста копыта отбросили. Грибков пособирали в лесу, поели — и с копыт.

МАРИНА. Купи себе за валюту шампиньонов.

ТОВАРИЩ. То-то и оно — за валюту. А я грибы в лесу собирать люблю.

ГЕРОЙ (Марине). Американцы шампиньоны едят сырыми.

МАРИНА (подлаживаясь). Правда? Как же это?

ГЕРОЙ. А так: хрум, хрум, хрум. Полюют каким-нибудь пресным соусом...

МАРИНА. И хрум, хрум...

ТОВАРИЩ (Герою). Так что и грибов в России — тоже больше нет. Ни стихов Ахмадулиной, ни грибов! Ничего!

МАРИНА. Но у тебя же все есть.

ТОВАРИЩ. Все да не все;

МАРИНА. Биржи, стриптиз, казино. Америки новой звезда.

ТОВАРИЩ. Я не хочу новой. Я хочу старой.

ГЕРОЙ. Да и Бог с ним — с фонтаном в ГУМе. Зато есть осень, как у Левитана, Россия...

МАРИНА. И сорок человек охраны.

ТОВАРИЩ. Тоска, тоска... (Герою) Если бы ты знал, старик, какого я здесь дерьма нахлебался.

МАРИНА. И машина Вольво.

ТОВАРИЩ. Я пока эти бабки заработал — чем только не занимался: перепродавал джинсы, переводил технические тексты, торговал мебелью, два раза чуть в тюрьму не сел...

ГЕРОЙ. Начинать всегда трудно. Я и ящики грузил в супермаркете, и посуду мыл в мексиканском ресторане...

МАРИНА. Об этом ты ничего не писал.

ТОВАРИЩ. А потом — пирожки. Она — (показывает на Марину) — была права. Все началось с пирожков.

МАРИНА. Зато кончилось на Багамах!

ТОВАРИЩ. Когда коммунистов подвинули — я взял маленькое кафе. Не кафе даже, так — буфет во Дворце Культуры. Кофе, соки, пирожки, бутерброды. Но главное — пирожки! Тут она права! Это дальше уж — сначала ларьки, потом пару магазинчиков. Но первым делом — пирожки! Старик, это такие пирожки — ты их ни за что есть не будешь! Что говорить... (Пьет.)

ГЕРОЙ (Марине). А ходят еще по Москве-реке речные трамвайчики?

МАРИНА. Теперь уж должно быть не ходят...

ГЕРОЙ. Помнишь, у них была остановка где-то у Киевского вокзала. Можно было сесть и плыть мимо Ленинских гор — к Кремлю...

МАРИНА. Или в обратную сторону, к Филевскому парку... Сто лет не плавала на речных трамвайчиках.

ТОВАРИЩ. У меня на фирме один тип работал — по снабжению. Упакованный от и до. Так вот, в один прекрасный день он говорит мне — все, ухожу. Почему, куда? Ухожу, говорит, писать фантастический роман! Нет, вы слышите: парень зарабатывал штуку баксов в месяц

только так — и уходит писать фантастический роман. Через год появляется. Написал, спрашиваю? Написал, говорит, дрянь. Так зачем же, говорю, было уходить. А-а, говорит, нужно было попробовать. Если б не попробовал — всю жизнь бы так и думал, что вот, мол, из-за бабок и торговли сгубил свой талант... Так и я... Ладно, расскажи, старик, как там в Америке с бабами? Женщины, как ни крути, витрина нации...

МАРИНА (Герою). Мясо не жесткое?

ТОВАРИЩ. Была у меня однажды одна американка. Так себе, но — нежная, вежливая, чуть что — спрашивает: лет'с гоу ту фак? Именно что не грубо, без вульгарности и цинизма, даже не без застенчивости. Помнишь, как в школе девочки приглашали на белый танец? Но потом орала в постели: фак ми, фак ми, нот соу джентл! И то правда, я носился с ней, как со стеклянной. Американка все же...

ГЕРОЙ. Они зубы ниткой чистят.

ТОВАРИЩ. Что?

ГЕРОЙ. Берут нитку — и вжик, вжик. (Показывает.)

ТОВАРИЩ. Ну-ка, ну-ка, это интересно. Это имеет отношение к сексу?

ГЕРОЙ. Опосредованное. Как всякая гигиена.

МАРИНА. А потом?

ГЕРОЙ. Потом? Потом надевают вечернее платье, бриллианты, нацепляют бант в волосах — и идут в субботу на филармонический концерт. А после, выйдя из концерта, говорят: я лайк ит. С такой интонацией, будто у них отбирают кость: я лайк ит! Ай лайк ит! Ит'с грейт, я эм шур!

ТОВАРИЩ. Да, видать — натерпелся ты. На-ка, выпей.

ГЕРОЙ. Ит'с гуд, ит'с вандерфул, ай эм шур — ит'с грейт!

МАРИНА обмахивает его платком.

Абсолютли!

ТОВАРИЩ (мрачно). И это все?

ГЕРОЙ. В каком смысле?

МАРИНА. Это все твои впечатления от женщин за пятнадцать лет в Америке?

ГЕРОЙ. Нет, не все. Еще нельзя говорить вот так: ханни. (Марине) Ханни?

МАРИНА. А что это значит?

ТОВАРИЩ. Сладенькая. Или что-то в этом роде.

МАРИНА. Отчего ж — говори. (Герою) Я тебе нравлюсь?

ГЕРОЙ. Ну вот, в Америке так говорят только проститутки. Или жены. Но и тех, и других в конечном счете там совсем немного.

ТОВАРИЩ. А кого же много?

МАРИНА. Кто все остальные?

ГЕРОЙ. Студентки. Если скажешь студентке «ханни» — это будет секшуал харасмент.

ТОВАРИЩ. Прямо вот так?

ГЕРОЙ. Шур.

МАРИНА. А как это переводится?

ГЕРОЙ. Это неконвертируемо. В России такого понятия нет. Во всяком случае не было, когда я уезжал.

ТОВАРИЩ. Так будет плохо или будет хорошо?

ГЕРОЙ. Это зависит от степени твоего мазохизма.

МАРИНА. Но как же они там, в Америке, знакомятся?

ГЕРОЙ. В специально отведенных для этого местах.

ТОВАРИЩ. А там что? Там можно сказать «ханни».

ГЕРОЙ. Ну, может быть, не сразу.

ТОВАРИЩ. И потом. Потом — что надо говорить?

ГЕРОЙ. Лет'с доу ту май плейс.

ТОВАРИЩ. Тоже удобно. Мухи отдельно, котлеты отдельно. И дорого?

ГЕРОЙ. Что?

ТОВАРИЩ. Ну, в специально отведенных местах?

ГЕРОЙ. А, ты об этом. Нет, недорого. Зависит от того, что и сколько ты пьешь.

ТОВАРИЩ. Не понял. А что — за нее платить не надо?

ГЕРОЙ. В пятницу нет. А в субботу можешь пригласить на ужин.

ТОВАРИЩ. И это удобно.

МАРИНА. И часто ты так?

ГЕРОЙ. Что — так?

МАРИНА. Часто ты ходишь в специально отведенные места?

ГЕРОЙ. Нет, не часто. Года четыре не был.

МАРИНА. А до того?

ГЕРОЙ. До чего?

МАРИНА. До того как перестал ходить.

ГЕРОЙ. Заглядывал иногда в бар или в ночной клуб... Рано или поздно русские в Америке сдаются и потом уж общаются только с русскими.

МАРИНА. Поговорить хочется?

ГЕРОЙ. Поговорить.

МАРИНА. О речных трамвайчиках. И как вместе в турпоход ходили. И о родном двореке...

ТОВАРИЩ (не уловив нить). Русских везде любят. Моя американка так просто обожала Россию: Гор-бачев, пи-ро-жок, фак ми!

ГЕРОЙ. На парти собираются много-много русских и принимаются говорить о том, как они не общаются с русскими. Совершенно. Только с американцами...

ТОВАРИЩ. Но должен же и я увидеть, как она выглядит — эта самая статуя Свободы!

МАРИНА. И что тебе мешает?

ТОВАРИЩ (Герою). Понимаешь, ведь я тогда хотел ехать следом за тобой. Голден-Гэйтс, Эмпайр Стейт Билдинг. Два раза ходил в голландское посольство — вызов продлевать. Но все откладывал. Потом пускать перестали. Потом женился...

МАРИНА. Пойду сварю кофе. (Собирает тарелки, выходит.)

ТОВАРИЩ. Я ведь тоже хотел написать свой фантастический роман. Также хотел — за флажки! Охотный Ряд, конечно, — центр мира...

ГЕРОЙ (о своем). Еще не поздно, дружище. Я вдруг понял, — еще не поздно...

ТОВАРИЩ. Ты полагаешь? (Робко). Деньги у меня есть... Маня и Моня, статуя Свободы, вобла и конфеты «Мишка на Севере»... Неужели все это еще можно вернуть?

ГЕРОЙ. Все еще вернется!

ТОВАРИЩ (жалобно). Так ведь визы нет!

ГЕРОЙ. И визу сделаем. Приглашение завтра оформим. И поезжай, поезжай.

ТОВАРИЩ. Завтра?

ГЕРОЙ. Завтра, в посольстве, за пять минут... Передай от меня привет Эмпайр Стейт Билдингу.

ТОВАРИЩ (осторожно). Это правда?

ГЕРОЙ. Кажется, я чувствую, как пахнут краской ее полотна. Масляной краской. Как когда-то. Помнишь, мы с ней жили в маленькой комнате, и там никогда не проходил запах краски и разбавителя?..

ТОВАРИЩ. А два можно?

ГЕРОЙ. Чего — два?

ТОВАРИЩ. Два приглашения. Мне и Наташке.

ГЕРОЙ. Можно, конечно, можно. Только паспорта дай.

ТОВАРИЩ (вскакивая). Мой у меня с собой, а Наташкин дома. Но я завтра привезу. Прямо утром. Ты во сколько встаешь? Ну да неважно. Деньги-то у меня есть, старик. (Ищет свой пиджак, влезает в рукава, вытаскивает из карманов смятые доллары.) Ты не волнуйся, страховка за мой счет...

ГЕРОЙ (умиленно разглядывая макет декорации на подставке). К Достоевскому!

ТОВАРИЩ. А кончатся деньги — я и в мексиканский ресторан пойду. Тряхну стариной... Здорово, старик, я знал, что ты верный друг... Это что же получается: ты пятнадцать лет в Америке пробивался — и сюда! А я все эти годы здесь корячился — и туда?! Здесь, конечно, молодой капитализм, но только пока все равно мы к вам в гости ездим...

ГЕРОЙ. Жить будешь у меня.

ТОВАРИЩ. Я тебе машину оставлю — катайся! По Тверской-Ямской! А я, значит, — в Америку! В пампасы...

ГЕРОЙ. Дам тебе телефоны.

ТОВАРИЩ. За флажки!

ГЕРОЙ. И визитную карточку ресторана «Самовар».

ТОВАРИЩ. Тогда — я побежал. Буду завтра утром. Я не прощаюсь... Как ты сказал — у Мани и Мони? (Убегает.)

ГЕРОЙ (прохаживаясь, озираясь, приносиваясь). Сию лайтер, алигейтер.

МАРИНА (входя с подносом). А куда он делся?

ГЕРОЙ. В Америку уехал. (Берет у нее поднос из рук, ставит его, усаживает Марину, садится у ее ног и кладет голову ей на колени.) Т-с-с, так надо... так в песне поется. (Прикрывает глаза, она кладет руку ему на волосы.)

ДЕЙСТВИЕ 2

Сцена 3

Сейчас кровать стоит посередине; на ней ГЕРОЙ и МАРИНА. Темно, виден лишь огонек ее сигареты.

МАРИНА. Ты молчишь?

ГЕРОЙ. С каждой минутой я чувствую себя все ближе к юности, будто плыву вверх по течению жизни, к истоку. Глупо произносить слова, которым научился, пока здесь не был. А здешним словам нужно учиться заново... Говори ты.

МАРИНА (после молчания). Ах, глупости... (После паузы.) Я всегда знала, что мы будем еще лежать вот так, рядом. Никогда не верила, но всегда знала.

ГЕРОЙ молчит.

Мне почти сорок лет... Знаешь — зачем он приходил?

ГЕРОЙ. За приглашением.

МАРИНА. Не только.

ГЕРОЙ. Показать мне и тебе, что стал богат...

МАРИНА молчит

Я все знаю.

МАРИНА (после долгой паузы). Как ты узнал?

ГЕРОЙ. Вы провожали меня вместе. Но прошло полгода, и вы перестали упоминать друг друга в письмах.

МАРИНА. Он всегда хотел идти за тобой — след в след. Ты уехал — он повадился утешать меня...

ГЕРОЙ. Но все было не зря.

МАРИНА. Конечно.

ГЕРОЙ. Нам не о чем жалеть.

МАРИНА. Ты стал американцем. Победил и вернулся.

ГЕРОЙ. Эмигрируют только средние люди. Средние люди, которые раз в жизни приняли настоящее Решение. Сильные остаются. Как ты.

МАРИНА. Я — не сильная.

ГЕРОЙ. Сильных можно выгнать только силой. Ну, а слабым — никогда не хватает сил.

МАРИНА. Я слабая.

ГЕРОЙ. Все было не зря. Ты стала тем, чем хотела. Я мешал тебе стать художницей. И уехал. И ты стала. Вот и все. И теперь я опять с тобой.

ОБА молчат.

МАРИНА. Расскажи мне про нее?

ГЕРОЙ. Помню, однажды ты привела меня в такую же мастерскую.

МАРИНА. В такую же?

ГЕРОЙ. Точно так же приходилось взбираться по крутой и темной лестнице, и в мастерской была такая же полутьма, беспорядок...

МАРИНА. Не помню.

ГЕРОЙ. Я не знаю — чья это была мастерская — может быть, кого-то из твоих учителей... Было холодно, ты включила рефлектор, мы отогревались дешевым портвейном, потом любили друг друга под толстым ватным одеялом...

МАРИНА. Ты не выдумываешь?

ГЕРОЙ. И ты сказала — у меня будет такая же. И вот — пожалуйста, у тебя — точно такая мастерская. Как ты мечтала. И твои полотна стоят в углу, пахнут недавней масляной краской...

МАРИНА (садясь на постели). Вот я и поймала тебя! Почему ты не хочешь мне рассказать?

ГЕРОЙ. О чем?

МАРИНА. Не о чем — о ком! О той — с бантом? Она была такая? (Показывает.) Или такая?

ГЕРОЙ. Это похоже... Грудь чуть повыше, голову набок, волосики пригладь и выражение лица сделай более отстраненным...

МАРИНА. Ай лайк ит! Ит'с грейт! Фак ми, ханни! И потом — в филармонию? Или до?

ГЕРОЙ. Еще она любила оперу. Папа у нее был зубной техник, а брат — полицейский. Сама она работала в библиотеке, хоть и училась в айви лиг.

МАРИНА. Сеяла доброе, вечное... Почему же вы расстались? Ты предпочитал балет?

ГЕРОЙ. Она любила котов. У нее было два кота, здоровых как собаки. Каждый сжирал по две банки консервов в день и по пачке каких-то рыбных сухарей...

МАРИНА. Грейт.

ГЕРОЙ. К тому же — у нее был приятель композитор-модернист. А она — сэкономила горячую воду и никогда не позволяла читать газету в джакузи. А композитор закатывал в рояль бильiardные шары.

МАРИНА. У нее был бильiard и рояль?

ГЕРОЙ. Было — пианино. Но он закатывал где-то в другом месте. А нам приносил слушать записи... Почему ты не говоришь о себе?

МАРИНА. И долго вы так... прожили?

ГЕРОЙ. Года три, наверное. Или четыре.

МАРИНА. Вы хотели пожениться?

ГЕРОЙ. Не помню. Сначала, кажется, хотели.

МАРИНА. А потом?

ГЕРОЙ. Должно быть, она выпила слишком много противозачаточных таблеток, когда училась в универси-

тете. И больше уже не могла забеременеть. Она хотела взять ребенка, который осиротел бы после землетрясения. Я однажды спросил у нее — почему, именно, после землетрясения. Она не стала объяснять. А посмотрела на меня, как на... как на русского.

МАРИНА. Она не любила русских?

ГЕРОЙ. Меня, во всяком случае — терпеть не могла.

МАРИНА. Почему же вы жили?

ГЕРОЙ. Она была член общества защиты животных. Не употребляла пластиковые пакеты. И защищала права меньшинств. А я был — меньшинство: я один, а их трое.

МАРИНА. Как так — трое?

ГЕРОЙ. Их-то? Ну, конечно: один композитор и два кота. Теперь рассказывай ты?

МАРИНА. Мама — здорова. Хотя иногда прибаливает. И сестренка тоже неплохо. Имеет интересную работу...

ГЕРОЙ. Замужем?

МАРИНА. Сестренка? Нет, не замужем. То есть не так: была замужем, а теперь одна. У меня есть племянник. Уже большой...

ГЕРОЙ. А ты?

МАРИНА. А я?

ГЕРОЙ. Ты не была замужем?

МАРИНА. Не знаю. То есть — можно сказать, что нет... Помнишь, когда мы тебя провожали, и было много людей, и все пили водку, твоя мама все время плакала, и играли на гитаре, пели и никак не хотели расходиться, хотя твой самолет вылетал очень рано, и в семь

нужно было быть уже в Шереметьево, — помнишь, ты повел меня на чердак?

ГЕРОЙ. Разве?

МАРИНА. Ты взял меня за руку и повел по лестнице вверх, и я почувствовала себя девочкой, которую хотят трахнуть в подъезде. И заплакала. И ты привел меня на последний этаж, и выше — на чердачную площадку, там было грязно и пахло кошками, и все целовал меня, целовал. Но у меня были месячные... Смешно, правда: мы расставались на всю жизнь, и это было наше последнее свидание, а тут — на тебе, как раз в тот день началось...

ГЕРОЙ. Не помню.

МАРИНА. Мужчины всегда не помнят самого важного. Посмотри на меня.

ГЕРОЙ смотрит на нее.

Как ты любил меня тогда. Теперь у тебя — другой взгляд. А тогда ты так на меня смотрел!.. Мне все говорили: он так на тебя смотрит, меня это даже иногда раздражало... Я ничего тогда не понимала.

ГЕРОЙ. Столько лет... Я научусь еще смотреть на тебя так же...

МАРИНА. А другие?

ГЕРОЙ. О ком ты?

МАРИНА. Черные, желтые — много их у тебя было в Америке?

ГЕРОЙ. Там у женщин не принято спрашивать о цвете их кожи.

МАРИНА. Много.

ГЕРОЙ. Я так и не смог за все эти годы встретить женщину, хоть чуть-чуть похожую на тебя.

МАРИНА. В те первые годы, когда ты еще писал мне письма — ты никогда не упоминал о женщинах.

ГЕРОЙ. Я о многом не упоминал.

МАРИНА. О многом?

ГЕРОЙ. Как напишешь об отчаянии, когда ты потерял смысл слов и вещей? Когда изменился вкус пищи и запах воздуха? Когда ты навсегда потерял сам себя, и еще неизвестно — удастся ли тебе встретиться с самим собой заново? Когда для людей ты совсем не то, чем был прежде, и в глазах других ты больше не читаешь ничего — ни восхищения, ни интереса, только ровное доброжелательно равнодушие? И когда ты ежеминутно себе твердишь, сжав зубы, — назад пути нет...

МАРИНА. Но ты ведь и не писал, как другие эмигранты: сейчас, когда за окном идет снег, я жую свежую клубнику. Или: иногда, сидя за рулем своей Тойоты... Или: перед отъездом в Майами, когда я пишу вам эти строки... Все это было не очень-то тактично в начале восьмидесятых — по отношению к нам, оставшимся здесь, в России...

ГЕРОЙ. Это помогало выжить тем, у кого ничего не получалось. У кого не осталось надежд на кадиллаки и собственные виллы с верандой, открытой на морской закат. Тем, кто понял: так до конца жизни и будет у них радости, что — клубника без запаха из супермаркета, старенькая поддержанная Тойота и Флорида не в сезон...

МАРИНА. А у тебя — получилось? Или твоя жизнь там — это тоже клубника без запаха?

ГЕРОЙ. Пожалуй, я нашел то, что хотел. Когда я уезжал, ты уже знала, что ты хочешь. А я? Кем я был — нахальным юнцом без профессии, но с амбициями и дурным английским. А в Америке я нашел дело, которое люблю. Говорят — у меня даже неплохо получается. Так, что мы квиты.

МАРИНА. О чем ты?

ГЕРОЙ. Знаешь, когда я принял решение?

МАРИНА. Решение уехать?

ГЕРОЙ. Да.

МАРИНА. Ты всегда этого хотел.

ГЕРОЙ. Я так говорил. Но на самом деле — трусил. Я предчувствовал — как это будет нелегко. Но однажды решил — хорошо помню этот день. Ты уехала в чью-то мастерскую — делать дипломный проект. И не оставила мне ни адреса, ни телефона. Я три дня ждал твоего звонка. А наутро четвертого понял — я уеду.

МАРИНА. Но какая здесь связь?

ГЕРОЙ. Ты нашла себя, ты уже тогда, в двадцать лет нашла себя. А я был старше, но был никем. И не мог оставаться...

МАРИНА. Как глупо. Боже, как глупо...

ГЕРОЙ. Нет, я не должен был тебе мешать. Мешать тебе и твоему искусству. Я должен был стать с тобой вровень, чтобы иметь на тебя право...

МАРИНА. И я была дурой...

ГЕРОЙ. Но все было правильно.

МАРИНА. Во всяком случае — ничего не исправишь.

ГЕРОЙ. Теперь мы начнем сначала. С той фразы, на которой оборвались, с того слова...

МАРИНА. Для этого ты вернулся?

ГЕРОЙ. Я загадал.

МАРИНА. Загадал?

ГЕРОЙ. Я загадал, что когда я вернусь... Когда я вернусь и приду к тебе в первый же вечер...

МАРИНА. Ты уверен был, что меня застанешь. Найдешь и застанешь одну?

ГЕРОЙ. Я надеялся...

МАРИНА. И что же ты загадал?

ГЕРОЙ. Я приду к тебе в первый же вечер, и ты примешь меня, — тогда я останусь. Значит, все было правильно, и эти пятнадцать лет прошли не зря. И мы начнем вместе...

МАРИНА. Вместе плыть — вверх по течению? К истокам жизни?

ГЕРОЙ. Начнем все сначала.

МАРИНА. Я не хочу начинать все сначала.

ГЕРОЙ. У меня есть деньги.

МАРИНА. Вот оно что...

ГЕРОЙ. Моя специальность — нужна России. Я буду работать. И ты будешь работать...

МАРИНА. Как три сестры.

ГЕРОЙ. Ты сможешь много работать. Я заранее влюблен в те холсты, что мы напишем вместе. Что ты напишешь при мне. Которые ты сделаешь, когда я буду рядом... (Запутывается.)

МАРИНА. Влюблен в мои холсты...

ГЕРОЙ. У меня в Америке есть твоя работа. Ранняя, ученическая, недописанная. Натюрморт с яблоком...

МАРИНА. Разве?

ГЕРОЙ. Ты подарила на память. Не помнишь?

МАРИНА. Не помню.

ГЕРОЙ. С желто-красным яблоком на бордовой ска-
терти. Может быть, оно еще незрелое, но его хочется
надкусить. И съесть.

МАРИНА. Сырым: хрум, хрум, хрум...

ГЕРОЙ. У нас еще могут быть дети!

МАРИНА (после паузы, с недоумением). Дети?

ГЕРОЙ. Конечно. Мы же еще молоды. Несколько
может быть...

МАРИНА. А ведь мы так и не научились жить. Ни
ты, ни я. Мы не поумнели. Не набрались памяти, мы не
умеем удерживать и копить по крупицам то, что нам
выпало. Все блага мира нам заменяют надежды, и мы
смотрим в будущее, не замечая того, что вокруг. Мы не
стали мудры, мы гонимся за миражами, мы не доверя-
ем этому дню, а все мечтаем, мечтаем... Прости.

ГЕРОЙ. За что ты просишь прощения?

МАРИНА. За себя. За тебя. За нас. Но я не желаю
больше бунтовать. И плыть против течения не хочу...

ГЕРОЙ. Но ведь мы встретились, встретились. Ты
сама сказала, что пусть не верила, но знала...

МАРИНА. Нет, нет...

ГЕРОЙ целует ее.

Ты увидишь сам... (Затихает.)

Сцена 4

Раннее утро. На сцене ничего не изменилось. По-
является ХУДОЖНИК. Оглядывается, видит вино на сто-

ле, крадется, жадно прикладывается к бутылке. И только после этого опускает на пол рюкзак. Когда мы сможем рассмотреть его, он произведет на нас впечатление вполне опустившегося старого человека, хоть это и не вполне так.

ГЕРОЙ (поднимаясь на постели). Вот воз хэппенид? Ху ар ю?

ХУДОЖНИК (прикладывая палец к губам). Т-с-с...

ГЕРОЙ. Где я? (Озирается.) О, черт!

ХУДОЖНИК. Она спит?

ГЕРОЙ. Кто вы?

ХУДОЖНИК. Пусть спит.

ГЕРОЙ. Что вам надо?

ХУДОЖНИК (показывая бутылку). Здесь было граммов сто. Сухого.

ГЕРОЙ. И что вы здесь делаете?

ХУДОЖНИК (обводя рукой мастерскую, философически). Я и сам себя часто спрашиваю — что? (Прикладывается к бутылке.)

МАРИНА (сквозь сон). Это ты, папочка? (Резко садясь, натываясь на Героя.) Кто это?

ХУДОЖНИК. Это я, я...

МАРИНА (просыпаясь). Это ты... (Художнику.) Ты ведь должен был вернуться в среду?

ХУДОЖНИК. Прости, детка, но вышло так, что закончили раньше... Нет, это уже не по мне: чертова гостиница, чертова работа, чертово кино... Да еще каждый день двадцать километров по грязи... Автобус то и дело застревал, погода дрянь, снимать нельзя... Да и спиртного в этой дыре было не достать: одна горькая настой-

ка какого-то экзотического растения. Кажется, оно произрастает на Кавказе. Не знаю рецепта, но растение, по-видимому, ядовитое. Его, по-видимому, заливают спиртом, и оно дает ядовитый сок зелено-красного цвета. Ну, скажите на милость — отчего бы им не торговать просто спиртом... (Говоря все это, снимает крутку, снимает ботинки, утомленно присаживается к столу, замечает недопитый виски и немеет.)

ГЕРОЙ. Кто это?

МАРИНА (буднично, надевая халат). Это — папочка.

ГЕРОЙ. Чей папочка? (Чувствует себя не в своей тарелке, шарит на полу.)

МАРИНА. Я ведь тебе говорила...

ХУДОЖНИК (осторожно цедя виски в стакан, любуясь жидкостью на свет). Нектар. (Нюхает, осторожно подносит к губам.)

МАРИНА (почти кричит). Но кто же пьет виски в семь часов утра! (Обмякает, трет глаза, не глядит на Героя.)

ХУДОЖНИК (не слишком пугаясь). Но деточка — я всю ночь трясся в автобусе. Замерз как собака. Не спал. Сейчас вот выпью — и баиньки... (Замечая поползновения Героя.) Нет-нет, вы лежите, лежите, молодой человек.

ГЕРОЙ (Марине). Это твой отец?

МАРИНА. Что-то в этом роде... Пойду приготовлю завтрак.

ГЕРОЙ (Художнику). Мы давно не виделись...

ХУДОЖНИК. Должно быть. Я что-то не припомню вашего имени... (Отглатывает виски, смакуя.)

ГЕРОЙ. Я давно здесь не был...

ХУДОЖНИК (Марине). И как всегда — все приходится делать самому. Пуговицы на актерах застегивать... А они ведь — ты знаешь — еще норовят, едва отвернешься, что-нибудь такое на себя нацепить... Чтобы лучше, значит, выглядеть... Никто не заходил?

МАРИНА. Никто.

ХУДОЖНИК. И билет не приносили?

МАРИНА. Не приносили. (Собирает посуду.)

ХУДОЖНИК. Деточка, ты заглянешь за билетиком, а? А то ведь они обманут... Обещали, но обманут. (Герою) Что-то непостижимое творится с железными дорогами. Как будто вся Россия едет в Германию. Непонятно... (Отглатывает.) Ведь раньше было все так просто. Заказываешь через Союз и ни о чем не думаешь...

МАРИНА (про себя). Я как чувствовала...

ГЕРОЙ (Марина). О чем ты?

МАРИНА. Ты сейчас все поймешь.

ХУДОЖНИК. А вы представляете себе — что такое целая выставка? К тому же — в Дюссельдорфе. Вот, вот, вот (указывает на сложенные у стены холсты) — это же все надо паковать. И транспортировать... (Марине) Деточка, чашку горячего чая — вторую неделю мечтаю. (Герою) В этих захолустных гостиницах вода, знаете ли, пахнет всегда тухлыми яйцами. И еще чем-то — ну вроде ржавой железяки. И даже, знаете ли, желудок отказывается работать... Ну никак...

МАРИНА (сквозь слезы, Герою). Ты будешь чаю?

ГЕРОЙ. Чаю? Да, с удовольствием. Я и виски выпью. У меня осталось, кажется. (Художнику) Я знаете ли вто-

рое десятилетие не пил ничего крепкого раньше трех часов дня.

ХУДОЖНИК (с неподдельным интересом, словно впервые его видит). Как вы сказали — второе десятилетие..? (Смотрит вопросительно на Марину.) Он — оттуда?

МАРИНА. Оттуда. (Выходит.)

ХУДОЖНИК (Герою, очень сочувственно). Да за что же, голубчик, вам так много дали? О, молчу, молчу, вопрос бестактный... Но вы так юны... И... Ну так выпейте, выпейте... А я и не знал. А я про чай. Голубчик вы мой... (Подносит Герою виски.) За свободу!

ГЕРОЙ (застегивая штаны). За нее! (Пьет.)

ХУДОЖНИК (осторожно). Ну и как там? Ох, о чем говорю... плохо, конечно, плохо... Лучше ведь не стало. Да и с чего. Вокруг — такая собачья жизнь, а уж там... (Герою, как бы извиняясь, доверительно.) Сам-то я не сидел... как-то не пришлось... ну, не получилось... Но слышал много. И читал... Как вы?

ГЕРОЙ. По первой не закусываю!

ХУДОЖНИК (хлопоча). Конечно, голубчик, о чем вы говорите... (Наливает Герою.) Но режим, говорят, все-таки стал полегче?

ГЕРОЙ. Режим зверский. (Пьет.) Ваша, значит, халупа?

ХУДОЖНИК. Моя, моя... Недавно пытались выбросить... А я ведь здесь и живу... Ну, в квартире — жена, и дочь замужем... Так что я уж здесь. Привык... Но вроде бы обошлось, оставляют за нами мастерские. Вошли в положение художничков...

ГЕРОЙ (показывает на декорацию). Ваша?

ХУДОЖНИК. Моя, моя... хоть я теперь для театра редко... Мариночка клеила. Золотые руки...

ГЕРОЙ. И картинки ваши?

ХУДОЖНИК. И картинки. А чьи же еще...

ГЕРОЙ. А она?

ХУДОЖНИК. Кто?

ГЕРОЙ. Она.

ХУДОЖНИК. Мариночка? Мариночка у меня прелесть. Помогает жить старому мудаку... Без нее б... (Машет рукой.)

ГЕРОЙ. Она... она у вас... работает?

ХУДОЖНИК. Пропал бы вообще... Что вы сказали? Работает? Это как-то... буржуазно звучит.

ГЕРОЙ. И давно?

ХУДОЖНИК. Что?

ГЕРОЙ. Она помогает вам жить?

ХУДОЖНИК (скорее сам с собою). Лет семь уж, наверное, как она пришла ко мне позировать... Я тогда был помоложе, конечно... По третьей сразу выпьете? Или с непривычки?..

ГЕРОЙ. И по третьей — сразу!

ХУДОЖНИК. Странные вещи происходят с возрастом...

ГЕРОЙ. Не говорите.

ХУДОЖНИК. В молодости — много сил и времени сколько угодно. А заказов нет. К старости — работы по горло, а сил мало и времени не осталось...

ГЕРОЙ. Так и не научились жить... Не набрались памяти. Не собрали по крупицам, что нам выпало. Все мечтаем, гонимся за миражами...

ХУДОЖНИК. Да вы философ, голубчик. Спиноза.. После третьей-то всех тянет пофилософствовать. Или правду говорят, что тюрьма — делает лучше. В смысле мудрости...

Входит ТОВАРИЩ. Он в другом костюме, с атташе-кейсом. Влажные волосы — прилизаны. По-видимому, он долго освежался под душем после вчерашнего.

(Товарищу). Вы тоже — к Мариночке?

ТОВАРИЩ. В Америку ехать не получается! (Садится.) Пепси не осталось?

ГЕРОЙ (подавая банку). Диетическая.

ТОВАРИЩ (жадно глотая). Не выходит, старик. Извини.

ГЕРОЙ. Паспорта не в порядке?

ТОВАРИЩ. Паспорта в порядке. Времени нет.

ГЕРОЙ. Нет времени на мечту юности?

ТОВАРИЩ. Оказывается, моя — заказала билеты на бизнес-круиз по Средиземному морю. Ну, ты знаешь — полезные контакты, практика в языке... да. (Избегает смотреть в глаза Герою.)

ХУДОЖНИК (приглядываясь к Товарищу). Не желаете ли рюмку виски?

ТОВАРИЩ (с содроганием). Только не это!

ГЕРОЙ (Товарищу). А ты рассказал ей — про пампасы?

ТОВАРИЩ. Про пампасы она все знает.

ГЕРОЙ. Про фантастический роман?

ТОВАРИЩ. Старик, ты не женат, тебе не понять...

ГЕРОЙ. Про трубу Майлса Девиса?

ТОВАРИЩ. Шопинг она сделает в Стамбуле. Выбор, конечно, не тот, что в Мейси, но ведь и цены пониже, а? Что ты спросил?

ГЕРОЙ. Нет, ничего.

ТОВАРИЩ. Да ведь девочка наша только в шестой перешла. Успеется еще, вот поступит в колледж...

ГЕРОЙ. Так что же — не побежим за флажки?

ТОВАРИЩ. Юность не вернуть, старик. Все надо делать вовремя. И вести свою пирогу по порогам, а не грести вспять...

ХУДОЖНИК (Товарищу). Я вот слушаю ваш разговор... Вы, значит, из Америки?

ГЕРОЙ. Он из Америки. Только что вернулся.

ХУДОЖНИК. Что, правду говорят, что у вас в Штатах — сегодня сильный интерес к русской живописи?

ТОВАРИЩ. Не то слово! (Герою) А это, собственно, кто?

ГЕРОЙ. Это наш папочка.

ХУДОЖНИК. И что — платят неплохие деньги?

ТОВАРИЩ. Наш?

ГЕРОЙ. Ее. Приемный.

ТОВАРИЩ (невнимательно). Сорри. Не знал. Вы что — ее действительно удочерили?

ГЕРОЙ. Рисовал, рисовал, и постепенно удочерил.

ТОВАРИЩ. Что ж, росла без отца... (Герою) Но мы с тобой можем подумать — насчет организовать совместное предприятие. Ты как?

ГЕРОЙ. Файн.

ХУДОЖНИК. Кое-что я мог бы показать вам прямо сейчас...

ТОВАРИЩ (Герою). Он что — тоже художник?

ГЕРОЙ. Тоже. Одна секция.
ТОВАРИЩ (Художнику). В следующий раз.

Входит МАРИНА с с подносом.

ХУДОЖНИК. Впрочем, немецкая марка, говорят, тоже очень твердая валюта.

ГЕРОЙ (Марине). Ты мне должна была рассказать...

МАРИНА. Должна?

ГЕРОЙ. Конечно, это не имеет значения... Но...

МАРИНА. Не имеет значения?

ГЕРОЙ. Мы начинаем заново. Но отчего было не сказать...

МАРИНА (очень медленно разливая чай в чашки). Ты говорил мне, что любишь мои полотна — полотна, которые я не написала и никогда не напишу. Что у нас могут быть дети. А я должна была тебя перебить и...

ТОВАРИЩ. Далеко зашло дело, пока меня не было.

МАРИНА. Перебить и рассказать, как я жила все эти двадцать лет. Как я жила после того, как ты уехал, не дождавшись моего телефонного звонка. После того, как написал мне из Рима, что почувствовал себя итальянцем. Как за мною стали увиваться твои же дружки... Вот — и этот подсуетился....

ТОВАРИЩ. Разве? Не помню.

МАРИНА. Как я жила по чужим мастерским — больше негде было. Сначала позировала, потом — делала чужие макеты декораций. (Делая жест, чтобы ее не перебивали.) Милый, это не мелодрама... В чем нам друг друга винить. Да и смешно бы было... Ты вернулся — в Россию... а я? Что я могла бы тебе рассказать... Как

могла бы объяснить, что предпочитаю жить здесь... хоть и были мы в последний раз близки четыре года назад...

ХУДОЖНИК. Два с половиной.

МАРИНА. Он хороший. Это он устал сегодня. Он талантливый. И мне жалко его. И у меня — больше никого нет...

ХУДОЖНИК. Не надо, деточка.

МАРИНА. Или рассказать, отчего я позвала тебя сюда, а не к себе? Дала ключ своему любовнику. (Указывает на Товарища). У него, как водится, жена часто болеет, и ее нельзя бросить, пока сын не поступит в высшее учебное заведение. И мы вместе жалеем его старую жену — когда, конечно, у него выдается свободное время. Зачем ему ключ? Не знаю. Может быть, я надеюсь, что приду однажды домой — и он ждет меня, чтобы поговорить о жене...

ГЕРОЙ. Марина...

МАРИНА. Милый, милый, тебе тоже нехорошо, я вижу. Тебе закатили миллиардный шар в рояль, тебя прогнали со службы. Но это ничего, поверь мне. Надо жить дальше — хоть и в этой самой твоей Пенсильвании, или как там ее зовут. Ты уедешь к себе в Америку. Ведь в Россию ты приехал — как в церковь в воскресенье ходил, — помолиться о грехах. Ну, вот и помолился. Ведь в монастырь ты еще не созрел уйти — вижу, что не созрел... Папуля, твой чай.

ГЕРОЙ. Ты... ты... ты из-под меня вынула родину, как стул!

МАРИНА. А ты что ж хотел — на двадцать лет все бросить, попытаться прожить другую жизнь, а когда не

получилось приехать и извиниться: мол, что делать, не получилось, давай-ка попробуем сначала...

ХУДОЖНИК. И чай необыкновенный. (Товарищу). Так значит, вы из Америки?

ТОВАРИЩ. Из Англии, папуля.

ГЕРОЙ. Похоже — ты права. Похоже — у меня уже ностальгия. По старому доброму Новому Свету.

ТОВАРИЩ. А воблу мы и здесь достанем.

ГЕРОЙ. По городу большого яблока. Знаете, говорят — Нью-Йорк почти не менялся с двадцатых годов. По-прежнему похож на огромный кусок рокфора.

ХУДОЖНИК. И замечательная у нас сложилась компания. (Поднимая бутылку.) Может быть...

ГЕРОЙ. А в пруду в Централ-парке по-прежнему плавают сэленджеровские утки...

ТОВАРИЩ. Кам, Маруся, виз э даг, ви шелл ит энд ви шелл фак!

ХУДОЖНИК (наливая виски себе в чай, размешивая). Я вот всю жизнь прожил в мастерских и кабаках, среди художников и натюрмортов. Стилл, так сказать, лайф, говоря по-вашему. И так и не увидел жизни. И будь мне столько лет, сколько вам — клянусь, я попробовал бы что-нибудь новенькое. Я и театром, и кино занимался не только ради денег — все надеялся увидеть что-то другое... Но нет, то же самое...

ТОВАРИЩ. А что бы такое новенькое вы хотели бы увидеть, папаша?

ХУДОЖНИК. Ума не приложу. Ну, может быть...

МАРИНА. А ведь ты прав, папочка! (Товарищу) Я вот тоже созрела — проветриться. Не наймешь меня — в Пекин прокатиться?

ТОВАРИЩ. Хоть завтра. В одной из моих бригад как раз недокомплект.

МАРИНА. Я, может быть, всю жизнь мечтала оказаться в Пекине. Где китайцы, китайцы...

ГЕРОЙ. Что ж, пожалуй, придется перебираться в Техас.

МАРИНА (Товарищу). А какая там, собственно, погода — в этом самом Китае? В том смысле — как одеваться?

ХУДОЖНИК. Но девочка — картинки не упакованы. И нет билета на Дюссельдорф.

ТОВАРИЩ (Марине). На, возьми. (Протягивая пачку денег..

МАРИНА. Это — мне?

ТОВАРИЩ. Купишь завтра двух щенков пикинеза на Птичьем рынке. Билет и паспорт будут приготовлены...

МАРИНА. Щенков?

ТОВАРИЩ. Ну да, это лучше, чем ехать с зеленью. За одного щенка можно набить два баула...

МАРИНА. Но почему щенки?

ТОВАРИЩ. Не знаю. Должно быть, во время культурной революции китайцы съели всех своих пикинезов.

ГЕРОЙ (мрачно). Собак едят корейцы.

ТОВАРИЩ. Верно. Значит, корейцы съели китайских пикинезов. А у нас пикинезы выжили.

ГЕРОЙ (художнику). Меня один знакомый композитор-авангардист попросил в России приобрести балайку...

ХУДОЖНИК. Нет ничего проще, голубчик. На Арбате, уверен, этого добра навалом... Не поможете мне упаковать несколько картинок?

ТОВАРИЩ (Марине). Договорились... (Все.) Господа, извините, но тороплюсь — деловая встреча. Убегаю. (Убегает.)

МАРИНА (в размышлениях). Пикинезы, пикинезы... Это такие курносенькие?

ГЕРОЙ и ХУДОЖНИК пакут холсты.